

Т.Фисанович

ИЗБРАННОЕ

в трёх томах

Том 1

ПОВЕСТЬ РАССКАЗЫ ЭССЕ

**Гамбург
2013**

Тарас Фисанович родился в городе Полярный Мурманской области в 1939 г. Отец автора подводник-североморец Герой Советского Союза Израиль Ильич Фисанович (1914-1944) погиб в Северном море. Мать Елена Андреевна Бурьянова (1913-1985), инженер по электрооборудованию кораблей и подводных лодок, похоронена в Ленинграде. В 1962 г. Тарас окончил Первый Ленинградский медицинский и в 1969 г. Северо-Западный Заочный политехнический институты. Хирург, кандидат медицинских наук, автор более 70 публикаций и изобретений в области медицины. В 1999 году, выйдя на пенсию, эмигрировал в Германию. В Гамбурге обратился к литературному творчеству.

Его стихи, рассказы, эссе, статьи, переводы с немецкого были опубликованы в России, Украине, Германии, Белоруссии, Греции, а также на русскоязычных сайтах в интернете, некоторые переведены на немецкий язык. Первый том этого трёхтомного издания содержит повесть „Не хочу умирать“, в которой автор на примере своей русско-еврейско-украинской семьи рассказывает о межнациональных отношениях в России. В этом же томе помещены эссе, рассказы, очерки и два перевода немецких авторов, в которых затронуты бытовые ситуации, психологические и этические проблемы.

ОТ АВТОРА

С возрастом человеку свойственно подводить итоги. Но кто знает, когда следует подвести окончательный итог? Отсюда стремление хотя бы время от времени подытоживать накопленное опытом прожитых лет.

Однако это естественное стремление подчас вступает в противоречие с интеллектуальными возможностями индивида. Панический страх оказаться смешным, несостоятельным, долгое время останавливал руку пишущего эти строки. Бумага-то стерпит всё, в том числе слабую аргументацию автора, его непоследовательную логику, ограниченный кругозор, недостатки образования, а вот читатель...

И всё же я готов рискнуть. Если бы не такого рода записки разных авторов, пусть даже незначительные, зачастую неумело сделанные кособокие кирпичики в копилку человеческой памяти, как смогут наши потомки понять нравственное состояние, дух нашего времени? Такое рассуждение позволило преодолеть страх прослыть графоманом. В предлагаемом томе собраны разные формы литературных опытов автора – повесть, рассказы, очерки, эссе, фантастика, два перевода с немецкого.

Несколько слов о себе. Родился в Заполярье в 1939 г. Отец еврей, военный моряк, погиб в 1944 г. Мать русская, инженер-судостроитель, умерла в 1985 г. По окончании I Ленинградского медицинского института в 1962 г. работал хирургом в научных и лечебных учреждениях. В 1969 г. окончил Северо-Западный Заочный политехнический институт. Кандидат медицинских наук. Автор более семидесяти публикаций и изобретений в области медицины. Писать стихи и прозу начал ещё в медицинском институте, но регулярно стал заниматься этим в Германии.

В годы Второй Мировой войны находился в оккупированном фашистами Харькове у русской бабушки, которая, рискуя жизнью, спасла внука от уничтожения. Кое-что помню из этого периода своей жизни. С той поры непримиримая ненависть к фашизму, расизму, проявлениям национализма, пронесённая через последующие годы.

К сожалению, послевоенные события дали немалые основания для укрепления этой непримиримости. Покуда мировое сообщество не в состоянии прекратить этнические и религиозные конфликты, бытующие на всех континентах и во многих государствах, пока льётся кровь бесчисленных жертв, главная цель деятелей культуры всех народов должна состоять в противодействии чело́веконенавистническим идеям. Ибо в наше время деятели культуры имеют возможность неограниченного общения с различными слоями населения Земли.

Хотелось бы, чтобы достижению взаимопонимания между народами всецело отдали свои силы политики, военные, учёные, представители всех религиозных конфессий. Но в первую очередь, по моему убеждению, борьба с воинствующей мизантропией должна проводиться именно интеллигенцией независимо от национальной принадлежности, места жительства и возраста. Поэтому в меру своего разума и возможностей пытаюсь содействовать этому святому делу.

И ещё. Я не верю в возможность спонтанного возникновения творческого состояния – из ничего. Слово „вдохновение“ мне непонятно. В нём много самолюбования и совершенно нет ясности, практического смысла. Это что-то вроде нарциссизма, если не сказать грубее.

Мне понятно другое. Мысль, выношенная в процессе длительного и разностороннего обдумывания, наконец созревает, приходит в состояние, годное для изложения, для дальнейшей работы. Если это состояние называют вдохновением, то не будет ли точнее его назвать продуктивным рабочим состоянием?

Допускаю, что такая готовность к продуктивной работе может стать внезапно осознанной. Но кто определит, сколько предшествовало ей подспудного, незаметного со стороны труда, селективной работы мозга, построенной на наблюдениях и накопленном в течение жизни опыте автора.

Это же предисловие написано мною в книге „Крупницы жизни“ (СПб: изд. „Алетейя“, 2011. – 400 с.). В нём отмечены те принципиальные положения, которым намерен следовать и в этом издании.

НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ

повесть

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время какой-то малозначащей беседы моя одиннадцатилетняя дочка неожиданно спросила: „Папа, что такое антисемитизм?“.

Я задумался. Конечно, это хорошо, что антисемитизм ещё не затронул её напрямую. Но если не я, то кто же сможет ей объяснить всю неприглядность жестокого, подлого, непристойного и глупого национализма, направленного против еврейского народа.

И я решил написать эту повесть (по сути, небольшое автобиографическое исследование) для неё и для всех, кто захочет меня понять. Работа над рукописью была начата в начале девяностых годов XX века. Тогда, во времена так называемой Перестройки, СССР захлестнула очередная волна национализма, бесстыдно и густо орнаментированная фашистской риторикой с непременными антиеврейскими выпадами.

„Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения – караются законом“.
(Конституция /Основной Закон/ Союза Советских Социалистических Республик. Статья 123. Принята 5 декабря 1936 г.)

Статьи аналогичного смысла включены во все последующие конституции страны. Однако...

Уходя корнями в глубь веков, национализм, начавший угасать в послереволюционной России, реанимирован и вновь набрал силу именно в лучшие годы Советской власти. Маховик государственного национализма, раскрученный в конце Великой Отечественной войны, не собираются останавливать. Уверен, это не случайно. Возвращённый в сознании населения вирус национализма развращает правительственный аппарат, иссушает культуру, науку и экономику, дезориентирует правоохранительные органы и вооружённые силы.

Ради обретения вождя полновластия в своих мононациональных уделах именно таким образом можно разрушить мощное многонациональное государство. События этих лет могут служить ключом для понимания последующей истории нашей страны. Сведения о них необходимо запечатлеть.

Во многих странах антисемитизм является одновременно индикатором и пусковым механизмом националистических кампаний. Уже поэтому эту форму национальной нетерпимости следует особенно пристально изучать, а её проявления тщательно документировать. Это вторая причина проведённого мною исследования.

В январе 1942 года в захваченном гитлеровской армией Харькове к моим русским родным пришли представители оккупационной власти и приказали отвести меня на пункт сбора евреев. Много позднее мне рассказали, что я, трёхлетний малыш, бросился к матери и бабушке с воплем: „Не отдавайте! Я не хочу умирать!“. Отсюда название повести.

Глава 1. ОТЕЦ

Генеалогию семьи отца знаю неглубоко, понаслышке. Примерно три колена. О семье матери столько же. По линии моего отца Израиля Ильича Фисановича причины ясны: он погиб в 1944 году, когда мне было пять лет. Мои русские родственники со стороны матери хотя и гордились моим отцом – Героем Советского Союза, но с его родственниками – евреями общались редко. Помнится, после войны мать и бабушка

предпринимали попытки установить дружеские связи с ними, но за исключением Марии Израилевны Шехтер – моей бабушки по отцу – эти попытки не увенчались успехом. Возможно, сказывался национализм моих родичей с той и с другой стороны. Во всяком случае, я не могу припомнить сколько-нибудь устойчивых родственных отношений с Фисановичами и Шехтерами (т.е. с моей еврейской роднёй по мужской и женской линии).

Моя мать рассказывала лишь об одном довоенном эпизоде общения с моей еврейской девяносточетырёхлетней прабабушкой и её близкими, которым в Кировоград, соблюдая приличия, привозила показать меня, годовалого правнука. Да ещё был визит в 1948 году дальнего родственника отца, тоже Фисановича, запомнившегося мне скованным поведением и крайним малословием. О странной встрече с моим двоюродным дедом профессором-хирургом А.Л.Фисановичем в 1962 году расскажу позднее.

В шестидесятых-семидесятых годах раза три у нас бывали Шехтеры, мой двоюродный дед, известный московский профессор-филолог, и его сын. Держались они слишком раскованно, я бы сказал – бесцеремонно, даже вызывающе, что резко дисгармонировало с манерой общения в нашей семье. Мне показалось, что они вольно или невольно давали нам почувствовать разницу общественного и материального положения наших семей. Как бы то ни было, в дальнейшем знакомство не закрепилось.

Исключением была бабушка Мария Израилевна Шехтер. Бабушка любила меня и регулярно приглашала провести лето у неё в Одессе. Там я проводил каникулы в первые послевоенные годы. Пенсия бабушки составляла 400 послевоенных рублей. И, тем не менее, на Привозе (крупнейшем одесском рынке) она купила мне подержанный трофейный велосипед. Мне не было отказа в мороженом и фруктах. А так как я буквально дымился под южным солнцем, приехав к ней в северном ленинградском одеянии, бабушка экстренно соорудила мне брюки гольф. Всё это с немалой прорехой в своём весьма стеснённом бюджете.

Начав понемногу читать в дошкольном возрасте, я в первом

классе поначалу имел фору перед одноклассниками, стал лениться и до второго класса кое-как разбирал текст по слогам. Поначалу бабушка мне много читала, причём серьёзную литературу, преимущественно классику. По сей день вживу встаёт перед глазами бабушка, читающая мне сквозь смех и слёзы гоголевские „Записки сумасшедшего“. Вскоре я пристрастился к чтению и стал читать запоем. Тогда же „сочинил“ свой первый стих и был безжалостно раскритикован бабушкой. По её словам эти стихи-считалку знали ещё внуки Адама. Скорее всего мой плагиат был спровоцирован обыкновенным дефектом памяти, а не рано проснувшимся тщеславием. На фоне яркой одесской новизны, перегруженный впечатлениями, услышал и тут же забыл, а, вспомнив ночью, решил, что придумал сам.

Изредка мы с бабушкой бывали на спектаклях. Роскошь одесской Оперы, звонкоголосие Оперетты, героика „Театра юного глядача“, однако, ненадолго завладевали моим воображением. Главное место занимало море. В Одессе я быстро научился плавать. Пользуясь неограниченной свободой, мы, пацаньё, ежедневно бегали с улицы Гоголя (где тогда жила моя бабушка) на неблизкий Ланжерон или, облепив трамвайные вагоны, „зайцами“ тряслись до Аркадии. Человеколюбивые анархичные одесситы, выходя на остановках, щедро отдавали нам использованные трамвайные билеты, узаконивая таким образом наше пребывание на подножках и выступлениях вагонов.

Там же, в Одессе, в конце августа 1947 года я испытал первое сердечное потрясение. В связи с предстоящим началом учебного года я уезжал в Ленинград. Жившая по соседству одиннадцатилетняя красавица-смуглянка Майка, которую я изводил кличкой „Дылда“, при прощании вдруг расплакалась и наградила меня поцелуем. После моего отъезда её семья переехала в другой город и мы больше не встречались.

Мария Израилевна никогда не пыталась сделать из меня еврея. В те годы у меня не было повода задуматься о национальных различиях, раздражающих человечество. Надо ли объяснять, что бабушка разговаривала со мной только русским литературным языком, начисто лишённом каких бы то ни было

одесских диалектизмов. Скорее всего, в духе времени бабушка была абсолютно чужда религиозности. Я не только не знал ни одного еврейского слова и не имел возможности наблюдать еврейские обычаи, но даже не догадывался, что евреи как-то отличаются традициями, вероисповеданием, речью от остальных людей. Видимо, это не одобряли её соплеменницы. На вопрос одной старой дамы, понимаю ли я по-еврейски, бабушка дала отрицательный ответ. Та поджала губы, демонстративно выражая своё осуждение. Помнится, это поразило меня, и я потребовал объяснений, но бабушка перевела разговор на другую тему.

Мария Израилевна умерла в одиночестве в конце декабря 1955 года „от сердца“. Сохранилось её письмо моему дяде (брату матери) Всеволоду Андреевичу Бурьянову о детских и юношеских годах отца. Это простосердечное письмо старой женщины, у которой Отечественная война отняла двух сыновей. Письмо, полное любви к ним и к стране, за которую они отдали свои жизни, к стране, которую она называла „нашей великой Родиной“.

Если верить семейным преданиям, мой далёкий предок по отцу был выписан из Голландии чуть ли не в шестнадцатом веке неким польским магнатом, впоследствии разорившимся и канувшим в Лету. В соответствии с традициями тех времён у него была заимствована фамилия Фисанович. Есть и другая версия, впрочем тоже связанная с Польшей. По этой версии фамилия моего прапредка происходит от названия реки Фисон, вытекающей из Эдема и орошающей богатую золотом землю Хавила (Ветхий Завет. Бытие, гл.2/11). Может быть, Фисон был часовщиком, золотых дел мастером или ювелиром. Длительным проживанием в Польше объясняется „ополячивание“ родовой фамилии моих предков – Фисоны превратились в Фисановичей.

После разделов Речи Посполитой они стали подданными Российской империи. Мой прадед Лейба Фисанович был кантором Елисаветградской синагоги (Елисаветград в 1934 году переименован в Кировоград, УССР).

Дед Илья Львович в царское время работал учётчиком на винокурне. В 1914 году он был призван в армию. В качестве

ездового конной полевой артиллерии дед отгрохал всю Первую Империалистическую, участвовал в Брусиловском прорыве и в ряде других кровавых сражений этой войны. Из армии он вернулся к осени 1918 года, но в революционных баталиях не участвовал: навоевался. В советское время дед стал главным экономистом Харьковского завода сельскохозяйственных машин „Серп и молот“.

Мой дядя Всеволод Андреевич Бурьянов (1919-2002) после смерти моей матери и бабушек оказался единственным историографом нашей семьи. К сожалению, его информация нередко носила тенденциозный характер, и я, поначалу всецело доверяя ему, опубликовал неверные данные. Так вот: он с удовольствием неоднократно рассказывал, что Илья Львович в 1938 году был арестован за махинации с садовыми участками для рабочих завода. После трёхлетней переписки с Харьковским, Киевским и Центральным управлениями КГБ мне удалось выяснить, что деду инкриминировали шпионаж в пользу фашистской Германии. В ответе Харьковского УКГБ сказано, что И.Л.Фисанович признал себя виновным и подписал протокол допроса, но кроме его подписи никаких доказательств его шпионской деятельности в деле нет. О методах получения признания в ответе не говорилось. Наконец летом 1991 года после многократных запросов я получил из Москвы документ о полной реабилитации деда. Неправду говорил Всеволод Бурьянов: мой дед не был вором. Он умер 14 апреля 1939 года, до суда, в харьковской тюремной больнице по официальной версии от „гнойного менингита“. Люди, пережившие следственные дознания тех лет, объяснили мне: понимай – били по голове.

С Марией Израилевной дед развёлся в 1930 году, оставив её с двумя сыновьями, Израилем, пятнадцати лет, и одиннадцатилетним Натаном. Якобы он ревновал бабушку, в молодости весьма привлекательную женщину, предполагая нарушения верности во время их четырёхлетней разлуки. Рассказывали, что мой отец годом раньше вмешался в их очередную ссору, защитив мать от рукоприкладства. В дальнейшем отношения отца и деда были довольно

прохладными, о чём свидетельствуют черновики записей В.А.Каверина, резюмирующие многократные беседы с моим отцом в 1943 году.

После развода дед не помогал оставленной семье, но когда пришла пора старшему сыну по окончании семилетки устраиваться на работу, по-видимому, содействовал трудоустройству. Тогда это было сложной проблемой. В 1929 году на харьковской бирже труда числились десятки тысяч безработных – взрослых и подростков. Однако Изя, ещё не достигший требуемых шестнадцати лет, был всё-таки принят в начале 1930 года в группу слесарей-инструментальщиков школы ФЗО при „Серпе и молоте“. Здесь он стал кадровым рабочим избавившись от дискриминирующего в те годы клейма члена семьи служащих. Вступил в комсомол.

Рабочая продовольственная карточка и кое-какие деньги за работу на производственной практике явились существенным подспорьем семье. Мария Израилевна работала счетоводом со скудным окладом 70 рублей. Чтобы оценить всю важность для семьи произошедших изменений, напомним: это был период отмены НЭПа, годы раскулачивания и коллективизации. Украина постепенно приближалась к опустошительному голоду 1931-1933 годов, унёсшему жизни трёх с половиной миллионов человек (в последние годы в Украине говорят о 7 млн. погибших).

Сразу после окончания школы ФЗО в мае 1932 года Изя Фисанович по путёвке Харьковского горкома комсомола был направлен в Ленинградское военно-морское училище имени М.В.Фрунзе. Учился великолепно – без единой четвёрки. Окончил училище в 1936 году первым по выпуску. Был сфотографирован у развёрнутого знамени – высшая награда курсанта того времени – и получил от Наркома Обороны К.Е.Ворошилова именные серебряные часы. Эти часы и фотография хранились у бабушки в Одессе, но после её смерти исчезли.

Приближалась II Мировая война. Советская власть экстренно пополняла флот новыми боевыми кораблями. Возник большой дефицит подготовленных специалистов. Молодого

штурмана направили на подплав Краснознамённого Балтийского флота. Малые подводные лодки (во флотском просторечье „малютки“) стали его судьбой. За месяц до присвоения лейтенантского звания, ещё в курсантском обмундировании, он был назначен командиром БЧ-1/4 – штурманской и радиоакустической службы – малой подводной лодки М-77. Отец оказался самым молодым членом команды. И тут в его компанейской, жизнерадостной манере поведения произошли необычные изменения. По свидетельству писателя Н.Н.Ланина, служившего в те годы на М-77 радистом, отец стал замкнут, неразговорчив, не приходил, как тогда было принято на флоте, пообщаться с командой в свободное от службы время. Объяснение этому я нахожу только в антисемитских выходках матросов по отношению к новому сослуживцу в атмосфере круговой поруки. Как водится в таких случаях, их проявляют в завуалированной, но, в то же время, в достаточно прозрачной форме. Подчёркнуто сухо держался с молодым штурманом и командир лодки Б.Н.Пасхин.

Очевидно, Израиль Ильич принял вызов и так погрузился в службу, что к концу первой навигации был объявлен лучшим штурманом дивизиона. На следующий год его, самого молодого из офицеров дивизиона „малюток“, назначили дивизионным штурманом, а затем – командиром малой подводной лодки М-84.

По-видимому, и здесь он проявил себя достойно. В августе 1938 года его назначили на должность флагманского штурмана штаба Северного флота. Это в возрасте 24-х лет, в звании старший лейтенант на должность, соответствующую капитану I ранга. Впрочем, такое продвижение по службе могло объясняться не только профессиональными качествами отца, но и чудовищной чисткой флотских кадров в 1937-1938 годах.

В апреле 1939 года И.И. Фисанович поехал в Харьков на похороны отца, некогда бросившего несовершеннолетних детей с малообеспеченной матерью и арестованного по обвинению в шпионаже для Германии. Отдадим должное моральным качествам молодого офицера. В те годы было нередким и даже поощряемым явлением отречение от арестованных

родственников, объявленных „врагами народа“. С учётом выше изложенных обстоятельств его вряд ли кто-нибудь стал бы упрекать. Израиль Ильич, безусловно, понимал значение своего поступка и предполагал возможные последствия.

В выпускном 1936 году Фисанович женился на студентке первого курса Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ) имени В.И.Ульянова /Ленина/ Елене Андреевне Бурьяновой, моей будущей матери. Елена была на год старше мужа и по возможности замалчивала это досадное для неё обстоятельство. О ней я расскажу подробно позднее, а здесь упомяну лишь об одном. Её тётка Людмила Антоновна Самойлова была в 1939 году исключена из рядов ВКП/б/ и уволена с работы „за ослабление партийной бдительности“ – не донесла об анекдоте политического содержания, рассказанном на новогодней вечеринке. Одно время над ней, походя обвинённой в троцкизме, нависла угроза ареста. Правда, через год Людмилу Антоновну „простили“, но в партии и на прежней работе в Сельскохозяйственной академии не восстановили.

Как требовал долг офицера и кандидата в члены ВКП/б/, Фисанович известил командование об аресте своего отца и об исключении из партии тётки жены. По-видимому, эти два события стали причиной продления его кандидатского стажа ещё на год и отказа в направлении на учёбу в академию. Тогда же он был понижен по службе. Его перевели на должность флагманского штурмана бригады подводных лодок Северного флота. Впрочем, это куда более соответствовало его воинскому званию. Внешне перевод был оформлен вполне прилично. Фисанович подал рапорт командующему флотом о желании служить на подплаве, что было незамедлительно удовлетворено. Но, может быть, мои подозрения в данном случае не обоснованы: отец и в самом деле любил подводные лодки.

В 1940 году после окончания Финской войны репрессивная атмосфера на Северном флоте несколько разрядилась. Фисановича приняли в члены ВКП/б/ и направили на курсы помощников командиров подводных лодок на Ленинградские Курсы усовершенствования офицеров подводного плавания (КУОПП). Для него это было очень важно. Не имея документа

об окончании таких курсов, он не мог рассчитывать на продвижение по службе. С началом Великой Отечественной войны подводники экстренно потребовались на флотах. Выпуск на курсах состоялся досрочно в начале июля 1941 года. За блестящие успехи Фисанович при выпуске был награждён нагрудным значком „Отличник ВМФ“ – высоким отличием довоенного времени, но быстро обесценившимся на фоне боевых наград. Тогда же ему было присвоено очередное воинское звание капитан-лейтенант.

Через месяц после возвращения на Север Фисановича назначили командиром проштрафившейся в предыдущем походе „малютки“ М-172. В том походе произошло позорное событие. Прежний командир оказался трусом и, избегая боя, выбросил лодку на прибрежные скалы. Фисанович нашёл верный тон с деморализованной командой, быстро восстановил навык судовождения применительно к новому кораблю. В первом же послеремонтном походе М-172 потопила два вражеских судна. Такой боевой успех был воспринят советским и союзным командованием как сенсация. До этого наши подводники на Севере имели единственную победу. А на „малютки“ поначалу вообще не рассчитывали: они считались мало приспособленными к боевым действиям в условиях северных морей.

По словам командующего Северным флотом вице-адмирала А.Г.Головки успешные действия М-172 создали прецедент тактических действий подплава на Баренцевом море. Был выработан эффективный механизм снижения боеспособности вражеских войск. Теперь все малые подводные лодки Северного флота стали использоваться для блокады прифронтовых коммуникаций фашистов. Уже одно это обстоятельство достаточно для запечатления имени Фисановича в истории отечественного флота. Он же осуществил первую в Отечественной войне атаку вражеского корабля в защищённой гавани. Ему принадлежит первая в мире перископно-акустическая атака – прообраз действий атомного подводного флота. А в одном из походов моряки под командованием Фисановича явили пример непревзойдённой стойкости. Тогда,

после победоносной атаки уходя от преследования, М-172 выдержала удары 324 глубинных и 4 авиационных бомб и артиллерийский обстрел.

Фисанович разработал тактику подводного боя для малых подводных лодок. „Малютки“ брали на борт всего две торпеды. Промых залпа фактически обесценивал боевой выход – воевать дальше было нечем. Фисанович производил атаку на предельно коротких дистанциях, как правило, одной торпедой. Боевой дозор осуществляли в строго ограниченном квадрате, что не гарантировало встречу с противником. Но при возможности атаковать у отца не было ни одного промаха. Известно, что попадание одной торпеды в крупнотоннажный корабль не всегда приводит к его потоплению. Бывший инженер-механик М-172, ныне капитан I ранга в отставке Г.Ф.Каратаев рассказывал, что после войны работали комиссии Генерального штаба Вооружённых Сил СССР по установлению реальных побед на море. Эти комиссии сопоставляли данные советских и германских разведок и архивов. В результате экипажу М-172 засчитали 10 (во время войны – 13) потопленных судов и кораблей противника общим водоизмещением 69800 брутто-тонн. Но даже с учётом такой коррекции М-172 не только лидировала среди кораблей своего класса, но, по числу и тоннажу потопленных судов занимала первое место в боевом счёте подплава Северного флота, опережая более крупные подводные лодки.

Работая над книгой об И.И.Фисановиче („Не вернулся из боя“. Харьков. Изд. „Прапор“, 1990), мне пришлось поднимать архивные данные, знакомиться с отечественными и доступными зарубежными публикациями о подводной войне на Баренцевом море, беседовать с немногими участниками походов М-172. На основании собранного материала у меня сложилось твёрдое убеждение, что выводы этих комиссий были, к сожалению, тенденциозны и осуществлялись под идеологическим прессингом советского партийного руководства.

По свидетельству многих друзей, сослуживцев и знакомых Израиль Ильич постоянно находился в центре всеобщего внимания. Остроумный, обаятельный, общий любимец, он

поражал тонким пониманием литературы и искусства. Мог на память часами читать Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Маяковского. Легко и быстро находил общий язык со многими известными деятелями культуры.

Среди его друзей и знакомых можно назвать писателей, драматургов и поэтов Ю.Германа, В.Каверина, Л.Кассиля, М.Светлова, К.Симонова, Е.Петрова, Л.Квитко, М.Зингера, Г.Фиша, А.Жарова, Л.Соболева, С.Алымова, И.Фефера, С.Галкина, И.Штока, Б.Лавренёва, Н.Михайловского, Г.Левину, Н.Ланина, композиторов В.Лебедева-Кумача, Э.Жарковского и Б.Тереньева, художников Г.Верейского и А.Герасимова, скульпторов Л.Кербеля и М.Манизера, и многих других.

Тут для понимания цели этой книги мне кажется правильным предоставить слово одному из моих родственников, хорошо знавшему отца в курсантские и предвоенные годы. Это брат моей матери и мой дядя В.А.Бурьянов. Всеволод Андреевич окончил училище им. М.В.Фрунзе штурманом-подводником тремя годами позднее отца и вскоре был направлен в разведотдел Генерального штаба ВМФ. По словам дяди, он всю войну занимался инструктажем разведывательных групп, забрасываемых в немецкий тыл, и фактически не покидал Москвы. Лишь однажды, в 1941 году, провожая разведчиков до нейтральной полосы, он попал под огонь вражеского патруля и был вынужден отстреливаться из пистолета, впрочем, без ущерба для неприятеля. Разведслужбу дядя оставил в 1949 году уже на Дальнем Востоке в звании капитан II ранга. До выхода в запас в 1959 году преподавал географию в Каспийском военно-морском училище. Кандидат географических наук. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями и уже после войны, к сорокалетию Победы, орденом Отечественной войны II степени.

В.А.Бурьянов не раз говорил мне, что всеми своими успехами по службе отец обязан Элле Исааковне, жене члена Военного совета Северного флота вице-адмирала А.А.Николаева, покровительствовавшей соплеменнику. Дядя написал о Фисановиче повесть „Мастер подводных атак“ (не опубликована) и статью для сборника „Не вернулся из боя“, где

есть эпизоды, долженствующие якобы хорошо характеризовать отца. Например: приказ начальника училища о поощрении курсанта Фисановича за самостоятельно прикреплённый скособочившийся плакат (представьте себе, как велика инициатива!). Или невразумительный эпизод школьных времён, где пионер Изя (опять же сам, без наущения старших) облил из брандспойта хулиганящих бойскаутов. Однако, в списке четырнадцати поощрений отца за курсантский период я не нашёл ничтожного эпизода с плакатом. Там есть поощрения за отличную учёбу, за 200% выработки на комсомольском субботнике, за бдительность при несении караульной службы и т.п. Что касается брандспойта, то дядя, в конце концов, признался, что сочинил этот эпизод из беллетристических побуждений: хотел таким образом отобразить дух эпохи. Но насчёт Э.И.Николаевой стоял твёрдо, по-видимому, понимая, что отказ и от этого измышления выставит его в совершенно неприличном виде.

Хочу объяснить всю сложность моего положения. В годы работы над книгой В.А.Бурьянов являлся моим единственным родственником из старшего поколения. Он был живым напоминанием о дорогих мне ушедших из жизни людях. Он считал себя настоящим другом моего отца. Вместе с тем дядя никогда не скрывал от меня своих юдофобских взглядов. Не могу понять, откуда это берётся. Так вот: поскольку эта повесть об антисемитизме в СССР, а история моей семьи лишь фон для повествования, я счёл необходимым изложить высказывания В.А.Бурьянова о моих деде и отце, как пример бытового антисемитизма, встречающегося в подобной нашей полинациональных семьях.

3-го апреля 1942 года Израиль Ильич Фисанович был награждён Золотой Звездой Героя Советского Союза, а экипажу М-172 было присвоено звание Краснознамённого. Ещё через год на боевом счету Краснознамённой М-172 было 13 вражеских судов и кораблей. В 1943 году Краснознамённая подводная лодка М-172 стала гвардейской. Теперь её боевое знамя украшали орден Красного Знамени и гвардейская лента, заимствованная у высоко ценимого в дореволюционной России

ордена „Георгиевский крест“. В истории отечественного флота лишь 4 корабля были удостоены звания и гвардейского, и Краснознамённого. Все члены команды лодки были награждены орденами и медалями, многие неоднократно. У отца кроме Золотой Звезды и одновременно с ней вручавшегося ордена Ленина были два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени (боевой, а не послевоенный – юбилейный), гвардейский морской знак тех лет – скромная колодка, обтянутая гвардейской лентой. В 1943 году от имени президента Рузвельта отцу вручили высокую награду военных моряков США „Морской крест“. Боевые походы М-172 изучались, как хрестоматийные. О них слагались легенды. Отец рассказал моей матери, что выдавший виды командир британского подводного крейсера, ознакомившись с картой прорыва в финский порт Лиинахамари, где М-172 впервые атаковала вражеское судно, уважительно сказал ему: „Эту карту, сэр, я бы вставил в рамку и повесил на стене своей каюты!“.

В августе 1943 года Фисановича назначили командиром дивизиона „малюток“. Теперь он, контролируя действия вновь назначенных командиров лодок, выходил с ними в боевые походы. В одном из таких походов на М-107 с капитан-лейтенантом В.П.Кофановым в сентябре 1943 года удалось обнаружить и потопить крупное судно врага. Гвардейской Краснознамённой М-172 теперь командовал капитан-лейтенант И.А.Кунец, опытный подводник, ранее командовавший подлодкой М-176. „Обеспечивая“ его первый поход на М-172, отец дал его действиям „добро“ и разрешение на самостоятельные выходы в море. Встретить врага в том походе им не привелось. В следующем походе 16 октября 1943 года М-172 погибла.

В октябре пришло известие о гибели в боях за освобождение Латвии младшего брата отца Натана, командовавшего миномётной батареей. В эти же месяцы развеялись последние сомнения в гибели дяди отца по материнской линии Наума Израилевича Шехтера. В газете „Известия“ 29 июля 1941 года была опубликована заметка о том, как капитан Шехтер возглавил отрезанный от штаба

пехотный полк. Он остановил колонну следовавших в тыл колхозных грузовиков и быстро доставил красноармейцев к месту прорыва немцев. Полк внезапным ударом отбросил форсирующего водный рубеж неприятеля. Дважды раненый Наум Израилевич четверо суток руководил боем, пока ему на смену не прибыл другой командир. Отец бережно хранил записку о подвиге дяди и считал его мужественные действия примером для себя. При последующем отступлении наших войск Н.И.Шехтер пропал без вести. Ходили слухи, что он, попав в окружение, пытался организовать партизанскую группу, был выдан немцам и погиб в гестапо. Военные и партийные архивы это не подтвердили.

В январе 1944 года отцу было предложено поступать в Академию Генерального штаба, но он категорически отказался. „Не хочу, чтобы говорили, что Израиль Фисанович нахватал орденов и укрылся в тылу!“ – ответил он командующему флотом адмиралу А.Г.Головко. Его решение оказалось роковым. Направленный в Великобританию для приёмки переданной Советскому флоту английской подводной лодки, отец вместе со всей командой погиб 27 июля 1944 года во время обратного перехода в Советский Союз. После войны было установлено, что лодку отца потопил английский самолёт береговой охраны. Эти сведения подтверждают несколько английских и американских монографий о войне на море в 1939-1945 г.г.

Рассказывали, что, предвидя опасности обратного пути, Фисанович предлагал командиву Герою Советского Союза А.В.Трипольскому изменить согласованный с Британским Адмиралтейством маршрут. Согласно публикации И.А.Быховского и Г.И.Мишкевича („При неизвестных обстоятельствах?“ В кн. „Не вернулся из боя“. Харьков. 1990, с.132) последовал запрет, и лодка погибла в охраняемом англичанами „коридоре безопасности“. Писали, что следовавшие за Фисановичем подводные лодки, в том числе лодка Трипольского, все-таки пошли другими курсами и добрались благополучно.

Этому заявлению Быховского и Мишкевича противоречат данные Г.Полякова, находившегося в то время на переданном

англичанами Советскому Союзу эсминце „Живучем“. На этом эсминце в британском военном порту Данди состоялось совещание возглавлявшего группу советских моряков в Англии вице-адмирала Г.И.Левченко, представителя Главного Политуправления Флота капитана III ранга Н.В.Матковского с командирами отбывающих в СССР подводных лодок. Поляков утверждает, что на том совещании командирам подводных лодок было разрешено самостоятельно выбирать маршрут („Командировка на Северный флот“. В кн. „Комиссары на линии огня. На море“. М. Политиздат, 1985, с.123).

Информация Полякова представляется мне чрезвычайно важной. Дело в том, что в послевоенные годы активной борьбы с „безродными космополитами“ кое-где появлялись высказывания, что Фисанович самовольно шёл вне „коридора безопасности“ и, следовательно, сам виноват в гибели лодки. Оказывается, самовольных действий Фисанович не совершал. К тому же контуры британской субмарины существенно отличались от обводов подлодок других стран. Кроме того, в ряде советских публикаций утверждали, что достаточно влиятельные круги Соединённого Королевства активно противодействовали передаче Советам современных британских подлодок. Поэтому заявление о возможной ошибке английского лётчика, атаковавшего лодку отца днём в условиях достаточной видимости, вызывает обоснованные сомнения.

В определённом плане эти выводы согласуются с информацией, полученной мной из Англии 08.06.2009. Госпожа Альбина Озиева прислала электронное письмо, в котором сказано, что британский историк доктор Эндрю Джеффри (Dr. Andrew Jeffrey) „окончательно установил, что лодка (В-1, – Т.Ф.) была потоплена по ошибке неопытными британскими лётчиками, которые отклонились от курса и не распознали лодку британской постройки под советским флагом. Черчилль не хотел, чтобы Сталин узнал о реальных фактах, и официальный доклад намекал, что от курса отклонился Фисанович и, таким образом, виноват был он“.

Это сообщение окончательно проливает свет на трагедию, произошедшую в Северном море 27 июля 1944 года.

По указанию командующего Северным флотом вице-адмирала Головки командирам кораблей и подводок надлежало собирать сведения о боевой истории своего корабля. Однако прозорливый адмирал не учёл отечественную ментальность. Большинство командиров отнеслось к такому заданию формально, спустя рукава. В отличие от многих Фисанович проникся значимостью этого дела как для истории флота, так и для воспитания команды, и для самообразования собирающего материал. Получилась небольшая, но очень интересная книга, в черновиках названная отцом „История Краснознамённой подводной лодки М-172“. В рукописи были собраны сведения от времени закладки лодки на стапеле Балтийского завода в Ленинграде до последних боевых походов.

Записав свежие впечатления только что закончившегося похода, отец, по обыкновению, читал рукопись команде, тут же внося коррективы и дополнения. Такая метода не только способствовала скрупулёзному выяснению истины, но спланивала товарищей по оружию, порождая искреннюю гордость за свой корабль и уверенность в своих силах, стимулировала к углублённому изучению своих воинских специальностей. Здесь надо сказать, что замполитов на „малютках“ не было. Воспитательно-политическая работа с командой возлагалась на командира. И ещё: флотские чекисты (контрразведка „Смерш“) через внедрённых тщательно законспирированных сексотов собирали мельчайшие подробности боевых будней и умонастроений в экипаже. Это я к тому, что достоверность изложенного в рукописи проходила двойную, даже четверную проверку, если учесть самоконтроль автора и данные фронтовой и флотской разведок.

Сигнальный экземпляр под названием „Записки подводника“ (М.Военмориздат: 1944, 59 с.) Фисанович получил перед отъездом в Англию. Маленькая, карманного формата книжка мгновенно разошлась среди моряков. В 1956 году мать добилась её переиздания. Книга получилась более объёмной: в неё включили значительную часть текста сохранившейся у нас рукописи. В новом издании книгу назвали „История „малютки““. Возможно, причиной изменения названия послужил тонкий,

поэтический одноимённый очерк В.А.Каверина („Известия“ 27.07.43) об отце и о его работе над книгой. Но мать утверждала, что истинной причиной изменения названия были мемуары Героя Советского Союза Я.К.Иосселиани. Они были изданы тем же Военмориздатом в 1952 году – заметьте! – тоже под названием „Записки подводника“.

В мемуарах Иосселиани писал, что совместная работа в Англии по приёму подлодок сдружила его с Фисановичем. Значит, Иосселиани знал о книжке отца. Одно из двух: или Иосселиани сознательно присвоил название книги погибшего соратника, или Военмориздат намеренно создал эту неблагоприятную ситуацию. Как бы то ни было, матери, добывавшейся в Воениздате восстановления прежнего названия для переиздаваемой книги отца, отказали, заявив, что *неэтично повторять название мемуаров известного героя, подводника Иосселиани в книге другого автора (!?)*.

Думаю, что проблемы заимствования ещё меньше тревожили совесть Политуправления Северного флота. Под его эгидой в 1945 году была опубликована в Североморске без указания имени автора рукопись отца „История Краснознамённой подводной лодки М-172“ (редактор старший политрук М.Пронин).

Впрочем, в послевоенные годы, особенно после 1948 года, о Фисановиче старались не вспоминать. Один из примеров – судьба пьесы М.Зингера „Зоря Бенькович“, где прототипом главного героя взят отец. Пьесу намечали поставить в Еврейском театре у Михоэлса, но после закрытия театра о ней больше не вспоминали. Вообще, в СССР после войны замалчивание вклада евреев в победу над фашистской Германией носило директивный характер (С.В.Узин. „Три капитана“. Журн. „Век“, 1991, №5, 47-50).

„История „малютки“ (М.:Воениздат.1956, - 95 с.) вскоре тоже стала библиографической редкостью и нуждалась в переиздании. В 1990 году ко Дню Победы в харьковском издательстве „Прапор“ вышел сборник ранее издававшихся, а также впервые публикуемых материалов об И.И.Фисановиче под названием „Не вернулся из боя“ (Харьков: изд. „Прапор“.

1990, - 231 с.). В него включены „История „малютки“ под названием „История Краснознамённой М-172“, несколько стихотворений отца, выдержки из его писем.

О борьбе за выход сборника можно написать немалую повесть и, возможно, стоит этим заняться, но в другое время. Скажу только, что идею сборника предложил В.А.Каверин, но быть его составителем отказался. Обратившись с просьбой возглавить работу над книгой о Фисановиче к некоторым известным мне писателям, среди которых назову Т.Гайдара, Н.Ланина, И.Быховского, и, получив отказ, я сам занялся этим незнакомым и трудным для меня делом. Ознакомившись с результатом, В.Каверин добился его опубликования.

Кроме упомянутых материалов отца в сборник вошли выдержки из воспоминаний Наркома ВМФ Кузнецова, адмиралов Головки, Колышкина, Щедрина, Руссина, писателей Каверина, Михайловского, Семёнова, Быховского, Ланина, композитора Жарковского, соратников отца по М-172 Каратаева и Шумихина, шурина отца Бурьянова, стихи Асеева и Панова, использованы фотографии известных фронтовых корреспондентов Диамента и Халдея. Биографический очерк написан мной.

И.И.Фисанович в 1943 году принял участие в конкурсе поэтов-североморцев на лучшую песню о подводниках и неожиданно для себя победил. Его „Строевую подводную“ (музыка Б.Тереньева) и в наши дни поют на Севере обучающиеся строевой ходьбе матросы-новобранцы. Е.Э.Жарковский (автор незабываемой песни о Северном флоте „Прощайте, скалистые горы“) написал музыку и на стихи отца о „малютке“. Песню, написанную отцом и Жарковским, разучивали к возвращению М-172 из двадцатого похода, но лодка погибла. Впервые эта песня была публично исполнена в мае 1985 года на встрече ветеранов Отечественной войны в Киеве.

Фисановичу принадлежит ряд статей о тактике подводного боя и о профессиональной подготовке подводников, опубликованных большей частью в „закрытых“ изданиях. Ему прочили карьеру учёного флотоводца. Не сбылось.

На родине отца в Кировограде и в Полярном, где воевал, улицы названы его именем. Не передать то ощущение оглушительного волнения, радости, гордости, тоски и горечи, с которым, будучи на воинских сборах в 1961 году в Полярном, я увидел на табличках одной из улиц знакомую фамилию. Харьковский Облсовет в 1989 году тоже принял решение назвать именем И.И.Фисановича одну из новых улиц. Его имя носили пионерские дружины и комнаты-музеи боевой славы в ряде городов Украины и России.

В Лиинахамари, где М-172 совершила свой первый боевой подвиг, стоит стела – памятник подводникам. Видевшие её утверждают, что в медальоне на стеле изображён профильный барельефный портрет отца. Об этом же сказано в присланной мне вырезке из газеты. К сожалению, на клочке газетной бумаги нет названия газеты, и я не смог найти, где и когда она была издана.

Мемориальные доски с барельефом И.И.Фисановича установлены в Полярном и в Харькове. В 2008 году небольшая стела с фамилией отца была сооружена в Кировограде. Имя отца и членов экипажа подводной лодки В-1 можно увидеть в шотландском порту Данди на памятнике подводникам, воздвигнутом 17 сентября 2009 года. Мне удалось собрать библиографию из более чем 250 наименований, где говорится об отце.

И ещё немного об отце. В 1987 году В.А.Каверин прислал мне черновики своих записей, сделанных в Полярном по свежим впечатлениям от бесед с отцом в 1943 году. Мне бросился в глаза рассказанный отцом эпизод курсантских лет, когда он принял участие в драке на ножах с однокурсником. Кто был зачинщиком, Каверин не помнил. Немногие ныне живущие в Ленинграде соученики Фисановича ничего об этом случае рассказать не могли. Не хотели? Не знали? Забыли? На мой взгляд, единственной причиной, способной побудить отца взяться за нож, могла быть только какая-нибудь антисемитская выходка его противника. Впрочем, установить истину теперь невозможно.

Незадолго до своей смерти, осенью 1985 года друг отца,

бывший флагманский врач бригады подплава Северного флота З.С.Гусинский рассказал мне историю, подтверждающую моё понимание поступков отца. Со слов Залмана Самуиловича во время войны на Севере служил в довольно значительной должности офицер (к сожалению, не запомнил фамилию, вроде бы – на В.). Этот офицер время от времени приглашал к себе „на бутылку“ какого-нибудь еврея, подчинённого или сослуживца, и во время застолья избивал гостя. Досталось и Гусинскому. В детском возрасте, во время погрома, ему проломили лобную кость, и по день его смерти в зоне пролома можно было видеть, как под кожей пульсирует мозг. Ума не приложу, как его взяли в подводники. Опасаясь удара по незащищённому костью участку мозга, мгновенно повергавшего его в бессознательное состояние, Гусинский, естественно не мог оказать существенного сопротивления и, кое-как вырвавшись, ретировался. Узнав об этом, Фисанович напросился в гости к садисту, а когда тот во время застолья начал душить гостя, Израиль Ильич в кровь избил негодяя, надолго сделав его посмешищем всего флота. Во время войны избиение старшего по званию каралось трибуналом. Однако в этом случае событие предпочли замять, но, полагаю, не забыли.

Или такой эпизод. Как-то в присутствии высокого начальства один офицер спросил Фисановича: „Как долго Ваша семья была у немцев?“. По-видимому, тон вопроса и подтекст, в нём содержащийся, возмутил отца и он мгновенно парировал: „Моя семья не была у немцев! Это немцы были у нас, а мы так плохо воевали, что допустили их на нашу территорию... Когда вы хотите задать вопрос, подумайте о его форме...“. Не сомневаюсь, что содержание разговора было зафиксировано в соответствующих службах и потом могло быть использовано против отца.

И ещё. Уцелей отец в том роковом переходе из Англии, что бы его ждало? „Осенью... 1944 года Сталин созвал в Кремле расширенное совещание, на которое были приглашены члены Политбюро и Секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной

безопасности. Речь шла о „еврейской проблеме“... Сталин – правда, с некоторыми оговорками – высказывался за „более осторожное“ назначение евреев на руководящую работу в государственные и партийные органы. Каждый из участников совещания понял, однако, что речь идёт о постепенном вытеснении лиц еврейской национальности с ответственных постов... Вскоре после совещания в ЦК ВКП/б/ партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо... В нём перечислялись должности, на которые назначение людей этой национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения приёма евреев в высшие учебные заведения“ (С.Медведев. „Они окружали Сталина“. Журн. „Юность“. 1989, №2, с.46).

Во время войны Герой Советского Союза И.И.Фисанович был кооптирован в Еврейский антифашистский комитет. В 1952 году подавляющее большинство членов этого комитета было осуждено. Многие из них были расстреляны или погибли в тюрьмах. Мне думается, что отец не избежал бы судьбы своих коллег по комитету и лишь спустя годы остракизма наша семья получила бы документ о его посмертной реабилитации.

Впрочем, возможно и другое. Друг и сослуживец отца, флагманский лоцман Северного флота капитан I ранга С.И.Утевский в 1947 году был арестован „за контакты“ с бывшими союзниками (имелась ввиду лоцманская проводка в наши северные порты английских и американских судов). Реабилитированный в 1956 году, он не вернулся на флот, не восстановился в партии. На мой по-комсомольски взволнованный вопрос: „Почему?!“ – Семён Иосифович холодно отрезал: „Незачем!“. Его рассказы о лагерях помню смутно, неполно (да и он при мне старался говорить о другом), но то, что вспоминается, перекликается с современными публикациями на эту тему.

Отец тоже мог быть арестован „за контакты“ с бывшими союзниками, за американский орден. Вышел бы он из лагерей в 1956 году? Читаю записанный Разгоном эпизод допроса: „У вас, жидов, время кончилось!.. Мы вам всем нашѐм вашу собачью

звезду на спину да отправим в тайгу да в тундру!“ (Л.Э.Разгон. „Непридуманное“. М. 1991). Представляю отца арестованным. Следователь изрекает нечто подобное. Отец вскакивает... Нет, не уцелел бы.

Утевский сохранил курительную трубку отца – обменялись на транспорте, увозившем советских подводников в Англию, – и предложил мне её забрать. Но мне нравилось смотреть, как он любовно возится с нею, пережившей тюрьмы и лагеря, и я отказался. Пусть хранится вещественная память об отце ещё у одного человека.

Глава 2. МАТЬ

Рассказывали, что вскоре после восстания декабристов от курского помещика Самойлова бежали крепостные – три брата. По другим рассказам побег был совершён после Крымской войны. Подались на вольный Дон. Но донцы, хотя и без особого рвения, выдавали беглых. Чаше же попросту прогоняли: мол, ступайте с богом, а то посадим в холодную... Так беглецы прошли всю область Войска Донского с севера на юг, нигде не обретя пристанища.

Укрыться удалось близ Бердянска, что на Азовском море. Царское правительство, стараясь вернуть некогда бежавших к туркам запорожцев, отвело для них на побережье шестидесятивёрстную зону. Здесь же у Бердянска имелись поселения привилегированных колонистов-немцев. И казаки, и колонисты жили богато, имели немалые наделы земли, остро нуждались в батраках. Местного населения не хватало. Поэтому паспорт не спрашивали. Усаживали за стол и по интенсивности поглощения харча пытались оценить трудоспособность едоков. Изголодавшиеся братья, надо думать, не подкачали.

Беглецы назвались Самойловыми. Работали „от пупа“. Постепенно обживались. Мой прадед Антон Севастьянович владел десятиной земли. Несмотря на благоприятный климат и сказочное плодородие приазовских пашен на 17 ртов этого было очень мало. Дети рано подключались к хозяйственным работам, росли неграмотными. Редко кому удавалось одолеть два-три

класса церковно-приходской школы, да и та наука с годами забывалась.

Моя бабушка по матери Ефросинья Антоновна была двенадцатым ребёнком в семье. Благодаря упорному труду родителей и старших братьев-сестёр семья к её рождению располагала минимальным достатком. Это позволило Прыське (украинское уменьшительное от имени Ефросинья) не только с отличием окончить церковно-приходскую школу, но и продолжать образование. Дочь бедного крестьянина, она поступила в Бердянскую женскую гимназию по 3% квоте для одарённых детей из народа. В таком случае обучение было бесплатным. Более того, от попечительского совета выдавали ежегодное пособие, которого хватало на приобретение дешёвой бумажной формы, скромной обуви, учебников и тетрадей.

Семилетний курс женской гимназии включал преподавание одного „живого“ и одного „мёртвого“ языков (французский и латынь), русского языка и литературы, математики, естественных наук, истории, географии и Закона Божьего. Преподавание было поставлено весьма основательно. Так бабушка вплоть до восьмого класса растолковывала мне решение математических задач повышенной сложности и прочую школьную премудрость. Немалый упор делали и на воспитание барышень. Бабушка до последних лет жизни сохраняла осанку, запечатлённую В.А.Серовым в портрете М.Н.Ермоловой. В любой ситуации она сохраняла достоинство, но без позы, и умела достигать взаимопонимания с людьми любого круга, овладев тайнами общения задолго до Дейла Карнеги.

Свидетельство об окончании женской гимназии не позволяло поступать в высшее учебное заведение. Например, в университет нужно было дополнительно сдать курс второго современного языка и древнегреческий. Без репетиторов для Ефросиньи это было нереально. Возвращаться же к крестьянскому труду „барышня“ не хотела. Выход из создавшегося положения нашёлся благодаря возросшему экономическому значению южных губерний России и увеличившемуся их народонаселению. В церковно-приходских

школах Приазовья нехватало учителей. При некоторых женских гимназиях были организованы дополнительные восьмые классы. Тем, кто их заканчивал, выдавали свидетельство, разрешавшее преподавать в школах начальной ступени.

Через год, сдав положенные экзамены, восемнадцатилетняя учительница Е.А.Самойлова была направлена в одно из сёл Екатеринославской (в советские годы – Днепропетровской) губернии. Зарплата сельской учительницы – 25 рублей в месяц – позволяла снять комнату, сносно питаться, одеться и к великому эпатажу окрестного населения купить велосипед. При суровой годичной экономии можно было бы осуществить двухнедельную поездку в Швейцарию, правда, сидя – третьим классом. Но судьба складывалась иначе.

Уже в 1906 году гимназистка Самойлова вступила в подпольную организацию РСДРП Бердянска. Тяготы войны с Японией обнажили социальную неустроенность самых разных слоёв населения царской России. Кажущееся бессилие властей опьяняло. Из глухого подполья выходили многочисленные революционные потоки. Наряду с социал-демократами в Бердянске действовали кружки социалистов-революционеров, марксистов-максималистов, анархосиндикалистов. Романтика революционной борьбы, диспуты, сходки, маёвки привлекали рабочую и учащуюся молодёжь. Включившись в партийную работу, Самойлова поначалу размножала на гектографе прокламации. Затем стала выполнять более ответственные задания.

Летом 1907 года Ефросинье поручили встретить на вокзале приехавшего из Лебедина рабочего с партией револьверов. Связник прибыл вовремя. Высокого роста. Хорошо сложен. Вьющиеся тёмно-русые волосы. Густые усы. Располагающее волевое лицо. Их поджидала пролётка с кучером – доверенным членом организации. Оружие повезли на Гору – отдалённый район Бердянска, где заранее был подготовлен тайник.

По дороге разговорились, с первого взгляда проникшись друг к другу необычным для конспираторов доверием. Бурьян Андрей Фадеевич, 27 лет. В партии с 1904 года. Квалифицированный слесарь-лекальщик, зарабатывает до сотни

в месяц. Как тогда было принято в подпольных организациях, почти весь заработок отдаёт на дело революции.

Неожиданно на дороге показался конный казачий разъезд. Изображая влюблённого, Бурьян решительно обнял свою юную помощницу и начал целовать. Когда опасность миновала, Ефросинья едва смогла прошептать: „Мы так не договаривались!“. Возница только хмыкнул в бороду: вместе молодые люди смотрелись великолепно.

Делегат Южнорусской конференции РСДРП А.Ф.Бурьян был арестован в Севастополе в конце 1907 года. После продолжительного следствия он в 1908 году был приговорён к четырём годам тюрьмы. Отбывал заключение в Киевском Централе.

Самойлова организовала в Екатеринославской губернии при школе марксистскую группу, замаскированную под общеобразовательный кружок для малограмотных селян. В качестве связной ей часто приходилось выезжать в Мариуполь, Александровск (ныне Запорожье), Сумы, Киев. Охранка тем временем не дремала. Как явствует из документов жандармского управления (с ними В.А.Бурьянов ознакомился в Государственном архиве Октябрьской революции), за Ефросиньей велась тщательная слежка. Все её переезды фиксировались наружным наблюдением.

Развязка наступила в ноябре 1908 года. Если я ничего не напутал, то по рассказам бабушки получалось, что охранка заслала в бердянскую партиячку умелого провокатора. Внедрившись, он предложил „перейти от слов к делу“ – раздобыть пишущую машинку и на ней размножить привозимые Самойловой прокламации. Предложение выглядело дельным и, казалось, не грозило провалом. Молодёжь „клянула“.

Здесь для современного читателя необходимо пояснение. Во многих подпольных организациях того времени прокламации печатали на гектографе, прокатывая лист бумаги валиком по набранному тексту, смазанному самодельным красителем, сваренным, например, с использованием свёклы. Пальцы печатающих при этом надолго приобретали характерную окраску, безошибочно идентифицируемую при аресте. Иное

дело – пишущая машинка.

Нужно отдать полиции должное: расчёт был точным. В Бердянске тех лет соблазнительно доступная пишущая машинка находилась в практически не охраняемом по ночам городском полицейском управлении. Согласно „Положению о наказаниях в Российской империи“ участие в социал-демократической организации при отсутствии отягчающих обстоятельств максимально каралось тюремным заключением сроком до четырёх месяцев. Эсэры же, включившие террор и экспроприации в программу своей партии, автоматически получали не менее восьми месяцев. Неопытная и доверчивая молодёжь из бердянского кружка, похитившая „Ремингтон“ и взятая по наводке провокатора с поличным, была объявлена группой экспроприаторов. Руководитель получил четыре года каторги, остальные – кто что... Провокатору же удалось скрыться от мести оставшихся на свободе членов кружка.

О разгроме бердянской ячейки РСДРП Самойлова узнала на одной из „засвеченных“ полицией явочных квартир марксистов-максималистов в Екатеринославе. По возвращении в село она была арестована прямо в школе. При обыске нашли вещественные доказательства – пачки листовок. Следствие почему-то проводилось в Киеве. Там на очной ставке Ефросинья встретила с Бурьяном. Стриженный наголо, без усов, исхудавший, он выглядел не столь импозантно, как при первой встрече. Да и „барышня“, зачуханная этапами, стала менее привлекательной. Тем легче было изобразить равнодушие и заявить, что они незнакомы и видятся впервые.

После осточертевшей восьмимесячной отсидки в Киевской следственной тюрьме Самойлова была этапирована на открытый суд в Бердянск и приговорена к двум годам ссылки в Полтаву под гласный надзор полиции.

Слушая рассказ бабушки, я, помнится, удивился мягкости приговора. Здесь кстати вспомнить солженицинский „Архипелаг ГУЛАГ“ с рассуждениями о гуманности царской ссылки. Но отбросим скоропалительные выводы. Оказывается, в те годы за декларативной мягкостью ссылки скрывались чётко продуманные карательные меры. Консервативно настроенные

родители, разумеется, сразу отвернулись от дочери, „опозорившей семью, забывшей Бога, Царя и Отечество“. Разгромленная партячейка прислать денег, понятно, не могла. В результате Ефросинья оказалась в осенней Полтаве одна-одинёшенька, без надежды на материальную помощь, без тёплой одежды, с паспортом политссыльной.

Не имея наличных денег, убежать из Полтавы не представлялось никакой возможности. Имевшаяся у неё незначительная сумма денег была вскоре проедена. Не то, чтобы комнату, койку снять было не на что. Стоило только предъявить паспорт, и попытка устроиться на работу неизменно оканчивалась провалом: неприятностей с полицией никто не хотел иметь. Ежедневные отметки в полицейском управлении исключали уход на заработки даже в окрестные сёла. После нескольких дней голода и ночёвок на скамейках в парке Самойлова упала в голодном обмороке на окраине города.

Тут судьба, наконец, сжалилась над ней. Какая-то сердобольная хозяйка втащила совершенно обессиленную барышню к себе в хату. Ефросинья подробно, без утайки рассказала ей о своей жизни, чем окончательно расположила к себе добрую женщину. Вопрос с жильём был решён. Молодой организм сравнительно быстро справился с двусторонним воспалением лёгких. Бабушка рассказывала, что, преисполненная признательности, она всячески стремилась отблагодарить хозяйку – убрать в комнатах, принести воды из колодца, постирать, приготовить пищу. По тем временам такие услуги стоили дёшево и никак не могли компенсировать расходы на пансион неожиданной квартирантки. Вопрос о зарботке стоял по-прежнему остро.

Ситуация разрешилась неординарным образом. Весной 1910 года на юге России разразилась эпидемия холеры. Карантину подлежали некоторые губернии южно-европейской части империи. Нехватало обеззараживающих средств, оборудования, коечного фонда, обученного персонала. Срочно созданные правительством летучие отряды Красного Креста нечем было укомплектовывать. Годились любые грамотные добровольцы. В обычных условиях не могло быть и речи, чтобы „политическая“

поступила на государственную службу. Но в данном случае обстоятельства были исключительные.

Самойлова подала прошение на имя полтавского губернатора о зачислении её в противохолерный отряд. Смысл резолюции его превосходительства сводился к тому, что *если с социалистами не справляется полиция, то пусть их заберёт холера*. Так на основании генеральского каламбура Ефросинья была принята в Полтавский противохолерный отряд Красного Креста штатной санитаркой. По её воспоминаниям работа была грязной, тяжёлой и опасной. Однако дружный, сплочённый благородной целью и умелым руководством коллектив, возглавляемый опытными земскими врачами, сделал своё дело почти без потерь. Если не ошибаюсь, заболели всего двое из полусотенного по численности отряда.

Более того, на базе отряда были организованы официальные годовичные курсы медсестёр Красного Креста для всех желающих. Окончив эти курсы без отрыва от основной работы, Самойлова получила удостоверение, дававшее право работать медсестрой в любом медицинском учреждении России. У В.А.Бурьянова хранилась фотография, где среди краснокрестовцев запечатлена привлекательная юная медсестра – моя будущая бабушка Ефросинья Антоновна.

По отбытии ссылки в 1911 году Самойлова возвратилась в Бердянск. Триумфальной встречи не было. Для бердянских властей она оставалась политически неблагонадёжной, для родителей – „отрезанный ломоть“. Как она перебивалась, толком не знаю. Судя по её скупым рассказам о той поре, подённой работой.

В Бердянске её разыскал Бурьян. После освобождения из крепости весной 1912 года (по другим данным годы тюремного заключения деда 1907-1910) он по поручению партийного руководства занимался восстановлением бердянской ячейки РСДРП. В 1912 году рабочие Азово-Черноморского завода сельскохозяйственных машин избрали Бурьяна выборщиком на очередные думские выборы. Выборы в Думу были двухступенчатыми. Спустя месяц на собрании выборщиков Таврической губернии в Симферополе А.Ф.Бурьян прошёл

гласным в IV Государственную Думу.

Незадолго до выборов он женился на Самойловой. По законам Российской империи брак считался действительным лишь после его регистрации в церкви. Пришлось им, революционерам-марксистам, пойти на компромисс с совестью. Сколько помню, бабушка не верила в бога, не бывала в церкви и решительно осуждала примитивизм религиозных верований. Это было отнюдь не позой или данью партийным идеологическим установкам, а получалось естественно, ненавязчиво, как само собой разумеющееся, но в то же время непреклонно.

Через год, в 1913-м, родилась моя мать, а в 1915-м – дядя Сева. Тут надо упомянуть о лингвистическом курьёзе. Собираясь в Петербург на заседания Думы, дед выправлял паспорта на семью. Уездный грамотей-писарь был исполнен значимости момента: „Ви, пане, є Бурьян? Так! То ваша жінка – Бурьянова, та діты, яких зробите, Бурьянта!“ . Так моя Бабушка стала Бурьяновой. Позднее, уже в Думе, дед тоже „обрусел“ и стал подписываться Бурьяновым.

Ни высокое положение супруги думского гласного, ни венчание в церкви не примирило семью прадеда с бабушкой, хотя формально мир был восстановлен. И на этот раз причиной прохладных отношений оказалась политика. Одна из старших сестёр бабушки Фаина вышла замуж за Якова Андреевича Вязмитинова, квалифицированного рабочего с завода Гривза, изготовлявшего сеялки. Вязмитинов баллотировался в Думу от эсэров. Соперничество с Бурьяном, окончившееся поражением Якова Андреевича, не способствовало потеплению семейных отношений. Примирение сестёр состоялось во время бабушкиной поездки в Бердянск в 1960 году, спустя много лет после смерти их мужей.

Петроградская (с началом I Мировой войны Санкт-Петербург был переименован в Петроград) жизнь молодой четы известна мне лишь в общих чертах. Жили скромно. Большая часть жалования думского гласного неизменно уходила в партийную кассу. Обременённая двумя малолетними детьми и семейными обязанностями Ефросинья Антоновна отошла от

активной партийной работы. Андрей Фадеевич побаливал – давал знать заработанный в тюрьме туберкулёз лёгких. Но долг легализованного эсдека (гласные Госдумы, пользуясь парламентской неприкосновенностью, не скрывали членства в запрещённых партиях) выполнял неукоснительно: приём ходяков из губернии, заседания в Думе, работа в думской фракции РСДРП, выступления в партийной печати.

Нужно рассказать о непростой позиции Бурьянова в партии. Думская фракция РСДРП была представлена тремя группировками: большевики, меньшевики, центристы. Группы большевиков и меньшевиков были примерно равны. Центристов было двое, но от их позиции нередко зависела победа большевистских или меньшевистских позиций во фракции, а, соответственно, и возможность их оглашения в Думе. Бурьянов был убеждённым центристом, фактически их лидером. Основной идеей центристов было всевозможное сохранение партийных рядов, за что Бурьянову крепко доставалось от В.И.Ленина в неоднократных репликах и записках того времени. Центристы голосовали вместе с меньшевиками за представление кредитов царскому правительству для ведения Империалистической войны. В остальном центристы обычно поддерживали большевиков. Только после Февральской революции 1917 года Андрей Фадеевич отошёл от позиций центризма, но большевиком так и не стал. Возможно, сказалось вконец разрушенное туберкулёзом здоровье. Всю эту информацию об А.Ф.Бурьяне (Бурьянове) мне предоставил дядя Сева. У Шульгина (В.Шульгин. „Годы. Воспоминания бывшего члена Государственной Думы“. М.: Изд. АПН. - 1979. 364 с.) даты ареста и некоторые обстоятельства политической деятельности деда освещены немного иначе.

Летом 1916 года Ефросинья Антоновна с детьми гостила в Бердянске. Смышлёные внучата понравились её родителям. Уговорив стариков приютить ребятишек на год, Е.А.Бурьянова поступила на медицинский факультет Харьковского университета: возросшая за время войны нужда во врачах смягчила требования к абитуриентам. На следующий год она перевезла в Харьков больного мужа. Здесь их застала

Гражданская война. Весной 1919 года, избилующего арестами и расстрелами инакомыслящих, постоянно сменявшиеся власти дали А.Ф.Бурьянову умереть „своей смертью“ от туберкулёза в клинике Харьковского университета на руках денно и ночью опекавшей его жены.

Здесь нужно сделать одно существенное уточнение. Осенью 2012 года Константин Вязмитинов (внук эсера Я.А.Вязмитинова, см. выше) прислал мне копию свидетельства о смерти А.Ф.Бурьянова и другие документы, проливающие свет на обстоятельства его смерти. Оказывается, осенью 1917 года дед подал заявление в думскую социал-демократическую фракцию о своём сумашествии, мотивируя столь уважительной причиной выход из думской фракции и из рядов РСДРП. Признаюсь, ранее никогда не слышал, чтобы сумашедшие подавали заявления о собственном сумашествии. Однако, заявление сработало. Опытный конспиратор, дед точно рассчитал, что психического больного оставят в покое как большевики-ленинцы, так и конрреволюционные сыскные службы. В свидетельстве о смерти, выданном Харьковской психиатрической клиникой, диагноз не указан. Психиатрией тут и не пахло, а смерть от туберкулёза в психобольнице могла вызвать нежелательные распросы. Очевидно, прятавшие А.Ф.Бурьянова единомышленники-врачи хорошо соблюдали конспирацию.

Похоронив мужа, Ефросинья Антоновна поехала в Бердянск. Встретили блудную дочь, скажем, сдержанно: „Вот твои дети. Забирай и корми сама!“. Детей, действительно, необходимо было забрать и основательно подкормить. Жили они, что называется, на подножном корму, здорово обносились и одичали. Впрочем, прадеда и прабабку вряд ли можно осуждать. Голодно и неустроено жили в те годы повсеместно.

Мать вспоминала эпизоды раннего детства. В хату ломятся махновцы – „шукують большевіків“. Прадеда женщины засунули куда-то за печь. В ответ на брань и удары в дверь из хаты на немисливо высоких нотах рвётся визг: „Та нема ж у нас нікого, тільки жинкі та діти!“. На удивление обошлось. Ушли и не подожгли хату.

Прибытию своей матери малолетки были безумно рады. Появилась сытная еда. Стало тепло, чисто. Одно слово – мать. Но планы Ефросиньи Антоновны шли много дальше. Надо было заканчивать медфак, преобразованный советской властью в Первый Украинский институт красных врачей. Сцена прощания приобрела шекспировский накал. Разъярённые старики пытались посадить ребятишек в отходящий поезд, а непреклонная Ефросинья Антоновна не позволяла им даже приблизиться к подножке вагона. Так и уехала... Она рассказывала мне об этом, лёжа на смертном одре, истощённая печёночным раком, жёлтая, бессильно покачивая совершенно седой головой.

Обучение в институте потребовало больших усилий: днём лекции, вечером работа уборщицей в студенческом общежитии (кормить-то было некому), самоподготовка за счёт сна. Видимо, партячейка не очень-то помогала своим бедствующим членам. Постоянные перегрузки и нерегулярное скверное питание спровоцировали дремлющие туберкулёзные палочки. Получив диплом врача в 1923 году, Бурьянова по решению партячейки была направлена в Бердянский костнотуберкулёзный санаторий, чтобы умереть поближе к детям. Её буквально сжигал тяжелейший туберкулёз лёгких. По отбытии она была вычеркнута из партийных списков: прогноз не вызывал сомнений. Не знаю, чем это объяснить, но попыток восстановиться в партии бабушка не делала.

В Бердянске то ли морской воздух родины, то ли улучшившееся материальное положение, то ли молодость, то ли чувство ответственности за детей помогли преодолеть болезнь. Каверны зарубцевались. Ефросинья Антоновна расцвела зрелой красотой тридцатипятилетней женщины.

В те годы труд врача в детском санатории отнюдь не был синекурой. В первый же день Бурьянова лишилась кошелька, часов, броши, стетоскопа. Юные пациенты – бывшие беспризорники – „испытывали докторку на прочность“. Но крестьянская дочь быстро нашла контакт со вчерашними люмпенами, и к вечеру пропажа благополучно „нашлась“ в ящике её рабочего стола.

Вернувшись с детьми в Харьков в 1927 году, она устроилась ординатором в клинику известного ортопеда-травматолога профессора М.И.Ситенко. Стеснённые финансовые обстоятельства (зарплата врача тех лет составляла 4 червонца) побуждали искать приработка. Бабушка совмещала в поликлинике Харьковского электромашиностроительного завода (ХЭМЗ), добираясь туда через весь город.

Однажды, торопясь на совместительство, Ефросинья Антоновна услышала, как её кто-то окликает. Из остановившегося автомобиля вышел председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) Г.И.Петровский. Бурьяновы и Петровские были знакомы ещё во времена совместной работы глав семейств в Думе. В те времена они снимали квартиры на одной лестничной площадке. Разговорились. Григорий Иванович был огорчён обстоятельствами смерти Андрея Фадеевича и неприятно поражён сообщением о выходе бабушки из партии. Обрадовался, узнав, что Ефросинья Антоновна сохранила обширную партийную переписку мужа, в том числе письма Ленина. Обиняками осведомился, получают ли дети пенсию за отца, и пришёл в изумление, услышав, что она с двумя детьми существует на сорокарублёвую зарплату. Назначил встречу в ВУЦИКе: „Принесите письма. А мы тем временем что-нибудь придумаем“.

В назначенный день Ефросинья Антоновна передала Петровскому свёрток с перепиской и была уведомена, что ей назначена персональная пенсия ЦК КП/б/У на детей. Вскоре бюджет семьи утроился. По рассказам дяди, тогда же улучшились жилищные условия. Они обзавелись новой мебелью. Приоделись. В те годы к Ефросинье Антоновне неоднократно сватались, но противостояние детей неизменно разрушало её планы.

Прошло два года. Подросли дети. Отказавшаяся от НЭПа страна вкатывалась в очередную экономическую катастрофу. В результате быстрой инфляции пенсия стала совершенно недостаточной. Несмотря на то, что зарплата врача за это время увеличивалась, денег не хватало. В 1929 году Елену удалось

устроить в Промышленную школу при ХЭМЗе, через год преобразованную в техникум. Спустя два года Сева поступил в хэмзовское училище ФЗО. Скромная стипендия студентки техникума, а затем весомая зарплата ученика электромонтёра помогли стабилизировать жизненный уровень семьи. Иллюстрация к вопросу о социальной справедливости в СССР: в 1933 году Сева зарабатывал в полтора раза больше матери, опытного ортопеда, – до 350 рублей в месяц.

По окончании техникума Елена Бурьянова была направлена в конструкторское бюро ХЭМЗа, где отработала два с половиной года. С большим трудом, дав подписку, обязывающую её вернуться на работу в ХЭМЗ, она выхлопотала направление в Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ) имени В.И.Ульянова /Ленина/ на отделение электрооборудования подводных лодок. Занятия на подготовительных курсах (тогда это называлось „рабфак“) начинались весной 1935 года.

В Ленинграде Елена поселилась у своей тётки Л.А.Самойловой на Кировском проспекте в шикарном доме, специально предназначенном для партийной элиты (тётка как-никак была парторгом Сельскохозяйственной академии). Здесь и состоялась её встреча с моим будущим отцом. По рассказам матери и дяди Севы это произошло следующим образом. У дотоле незнакомых друг с другом Лельки и Зорьки (принятое в кругу друзей обращение к матери и отцу) нашлись общие друзья. Не зная ленинградского адреса Елены, они решили передать ей письмо через гостившего на каникулах в Харькове Фисановича, посоветовав ему найти только что поступившего в училище им. Фрунзе Севку Бурьянова.

Сложный способ поиска адресата оказался успешным. Надраенный в лучших традициях флотского шика Зорька появился на Кировском в ближайший воскресный день. Лелька мыла полы. Обстановка мало подходила для знакомства. Курсанту свирепо велели ждать. Елена завершила аврал, быстро привела себя в порядок. Постепенно наладилась беседа.

Вспоминая эту встречу, отец с серьёзным видом уверял, что на его выбор повлияли убедительно продемонстрированные

домохозяйские качества матери. Действительно, этого было не отнять. До последних недель жизни (мать умерла 3 февраля 1985 года от рака печени) она скрупулёзно вела домашнее хозяйство, наводя умопомрачительную чистоту в квартире, изумляя умением буквально из ничего приготовить простую и вкусную еду, умудряясь сберечь копейку из своей несправедливо урезанной пенсии. Но, конечно же, дело было не в мытье полов. Уже в те довоенные годы, годы её молодости, мать любила и понимала симфоническую музыку, серьёзно разбиралась в литературе, хорошо знала театр. Кроме того первокурсница Бурьянова была единогласно избрана „Мисс ЛЭТИ“. Не надо предполагать некомпетентность жюри: фотографии тех лет напрочь исключают такую гипотезу.

Через год состоялось скромное бракосочетание. Как тогда было принято, „расписались“ в районном ЗАГСе и всё. По возможности, Елена скрывала замужество: мол, не успела поступить в институт, как сразу выскочила замуж за командира (слова „офицер“, как белогвардейского, тогда чурались). Вскоре ревнивое око сокурсников установило изменение семейного статуса „Мисс ЛЭТИ“. Однако, будучи „истинными электроджентельменами“, они год не подавали виду о своей осведомлённости.

Как уже говорилось, отец был назначен штурманом одной из „малюток“, базирующейся в Ораниенбауме (в часе езды от Ленинграда). Командование выделило молодожёнам двенадцатиметровую комнату в коммунальной квартире на Бульваре Профсоюзов. Таким образом формально молодые не были разлучены. Хотя, как рассказывал В.А.Каверину отец, из-за частых выходов в море и прочих обязанностей службы „малюточника“ их семейная жизнь исчислялась буквально днями.

В августе 1938 года Фисанович отбыл на Север. Молодые супруги расстались, но ненадолго. Елена Андреевна взяла академический отпуск и приехала к мужу в Полярное (ныне город Полярный Мурманской области). Здесь в январе 1939 года родился их единственный ребёнок. По воспоминаниям матери грядущее прибавление семейства вызвало у отца невероятный

энтузиазм. Укрепляя будущее пополнение отечественного флота (иначе мою судьбу отец не мыслил), он умудрялся доставать в условиях Заполярья апельсины и яблоки ящиками. Фантастика, учитывая ситуацию в стране. Благодаря его неуёмной общительности весь подплав знал, сколько весит сын, как он ест и спит, какой номер его метрического свидетельства.

Но реальная жизнь шла своим чередом и не оставляла места для семейной идиллии. Матери нужно было закончить учёбу в институте (один учебный год был потерян), отцу – плавать. Спустя несколько месяцев бабушка Ефросинья Антоновна забрала меня к себе в Харьков, а мать вернулась в Ленинград. Окончила ЛЭТИ она в 1941 году и была направлена на работу в одну из судостроительных организаций Ленинграда. Отец в это время учился на курсах в Ленинградском КУОППе.

Глава 3. ДЕТСТВО

Начавшаяся Великая Отечественная война надолго разлучила моих родителей. Досрочно окончив курсы, отец в июле сорок первого отбыл в Полярное, а мать вскоре была эвакуирована вместе с коллективом своего учреждения в Ульяновск на Волге, в то время глубокий тыл.

Быстро накатывающиеся на Украину немецкие войска и поначалу замалчиваемые, а затем обнародованные сведения о зверствах фашистов в отношении еврейского населения побудили мать „выбить“ необходимые документы и срочно выехать в Харьков. Под бомбёжками, последние сутки пешком, она добралась до нас с бабушкой. Но эвакуироваться мы не успели: в город вошли немцы.

Тех дней не помню. Знаю о них по рассказам бабушки и матери. Единственное, ещё довоенное, относящееся к лету 1941 года моё воспоминание – это залитый солнцем вокзальный перрон, бабушка и я спешим на пригородную электричку, и, как символ потом долго незнаемого благополучия, из глубин памяти звучит её шутивно зарифмованный вопрос: „Тебе пирожное или мороженое“.

„Пирожное или мороженое“... Уже через месяц наша семья люто голодала. Чтобы не работать на оккупантов в качестве дипломированного специалиста, мать объявила себя студенткой первого курса и устроилась уборщицей в детском доме. Вскоре детский дом закрыли – сирот нечем было кормить. Спасая дочь от угона на работы в Германию, Ефросинья Антоновна давала ей акрихин. Желтуха, искусственно вызванная приёмом избыточных доз акрихина, создавала видимость инфекционного гепатита и отпугивала немцев.

Помню встречу Нового года, 1942-го. Собачий холод. Мы в самой маленькой из трёх наших комнат. Промёрзшее окно завешено одеялом. На столе сделанная из снарядной гильзы коптилка и два блюдечка. На одном несколько оладий из картофельных очисток – в драку подбирали у немецких солдатских кухонь. На другом тонюсенький слой рыбьего жира и 3 (три), казавшиеся чудом, засохшие красные икринки, неизвестно как раздобытые бабушкой.

Соседей в тот год не запомнил. Возможно, они успели эвакуироваться. Однако кто-то донёс немцам, что Бурьяновы прячут *жидёнка*. К нам домой пришёл немецкий офицер в сопровождении вооруженного винтовкой полицая, попутно выполнявшего функции переводчика. Поняв, что они хотят меня забрать, я стал громко кричать и вырываться из рук пришедших за мной мужчин. Чтобы заставить меня замолчать, один из пришедших ударил меня ногой в подбородок. На какое-то время я потерял сознание. Из разбитого подбородка обильно потекла кровь. С тех пор остался памятный знак – шрам на подбородке. Крики женщин вызвали у пришедших некоторое замешательство. Да и нести на руках перепачканного кровью жидёнка им не хотелось. Приказав поутру привести меня на пункт сбора евреев, они ушли.

Впрочем, подробности этих событий выпали из моей памяти. Видимо, в результате сотрясения мозга развилась ретроградная амнезия. Разбирая в восьмидесятые годы архив моей умершей матери, я наткнулся на черновик письма её подруги детства Тамары Алексеевны Елисейевой (в замужестве Слоущ). Письмо было написано в 1947 году и адресовано Максиму Зингеру,

работавшему над пьесой „Зоря Бенькович“. Было ли письмо отправлено адресату, не знаю. В черновике было сказано: когда фашисты пришли, я кинулся к матери и бабушке с воплем: „*Не отдавайте! Я не хочу умирать!*“. А дальше она писала о том страшном потрясении, которое должен был испытать трёхлетний малыш, осознавший нависшую над ним смертельную опасность.

Незадолго до смерти мать рассказала мне, что после ухода фашистов она билась в истерике, не видя выхода из создавшегося положения. Бабушка тем временем остановила кровотечение и перевязала меня. Затем стали обдумывать, что делать. И тут, по-видимому, пытаясь как-то примирить дочь с возможной гибелью сына, бабушка сказала, что, *верно, такая судьба у евреев, а от судьбы, как известно, не уйдёшь* (Sic! – русская бабушка о своём еврейском внуке). На что мать отрезала: „Отведёшь – повешусь!“.

Моей бабушке к тому времени исполнилось 53 года, но её энергии могла бы позавидовать молодёжь. Той же ночью, в мороз за 20°, каким-то чудом миновав полицейские заставы, она увезла меня на детских санках в Зачепиловку, пройдя весь стопятидесятикилометровый путь пешком примерно за неделю.

До этих событий мы жили на улице Ольминского. Так как за укрывательство евреев запросто могли повесить, оставшаяся в Харькове мать вынуждена была сменить квартиру, переехав на Пушкинский въезд. В известной мере облегчало положение следующее обстоятельство: я в Харькове не был прописан то ли потому, что находился у бабушки временно, то ли по малолетству, а может быть, и сознательно, а мама, пришедшая в Харьков за день до его оккупации, просто не успела прописаться.

Она продолжала уклоняться от работы, распродавая пожитки и покупая на вырученные деньги фальшивые справки о заболевании печени. Справки приходилось обновлять каждые три месяца. Бабушка же устроилась в зачепиловскую амбулаторию хирургом. Помнится, жили мы в одноэтажном двухквартирном кирпичном доме близ амбулатории, доля его с семьёй пожилого терапевта. Быт постепенно налаживался, и мы

бы дожили там до прихода Красной Армии, если бы не случай.

По словам бабушки, к ней на приём пришёл человек с пулевым ранением. Время было неподходящее для расспросов, да и без них было ясно, что пациент находится в конфликте с оккупационной властью. Перевязав, бабушка спрятала его в каком-то закутке при амбулатории, а вечером, снабдив едой и перевязочными материалами (улика!), выпустила. На окраине села он был арестован и на допросе с пристрастием сказал, что его „лекувала та ховала докторша“.

Дальнейший ход событий бабушка объясняла тем, что допрос вели немцы. По строгим канонам техники перевода слово „докторша“ было переведено как „жена доктора“. Ночью нас разбудил шум подъехавшей машины, крики и удары в двери соседей. Жену доктора арестовали. Мгновенно оценив обстановку, бабушка, схватила меня, документы, одежонку, которая подвернулась под руки, и выскользнула из дома. Ночью и следующим днём мы одолели тридцать с лишним вёрст и пришли в деревню Руновщина, где не было ни немцев, ни полицаев.

Написал эти строки и задумался. Детская память – мне-то было всего три с половиной – может подвести с очерёдностью пребывания в названных сёлах. Вполне возможно, что село, где мы укрывались первые полгода, называлось Руновщина, а бежали из него в Зачепиловку. Просто уточнить мне теперь не у кого. Бабушка, мама и дядя Сева, знавшие подробности наших злоключений тех лет, умерли, и мне приходится полагаться только на свою память: записей ведь своевременно не сделал.

В начале 2012 года харьковчане, читавшие эту повесть, попытались вместе со мной решить загадку с Зачепиловкой – Руновщиной. Внимательно изучая карту Украины, мы увидели, что если от Харькова идти в юго-западном направлении, то можно прийти в районный центр Зачепиловка Харьковской области. Сравнительно недалеко от Зачепиловки находится село Руновщина. Если продолжить путь на юго-запад, то попадаешь в Полтавскую область, где тоже имеется село Зачепиловка и несколько севернее село Руновщина. Возникает вопрос: какую из Зачепиловок и Руновщин выбрала бабушка, увозя внука от

гибели? И мы не могли исключить версию, что бабушка решила укрыться на Полтавщине. Будучи сосланной в Полтаву в начале XX века, она могла знать о существовании в Полтавской области этих сёл. Полтавские Зачепиловка и Руновщина расположены дальше от Харькова и, значит, несколько надёжнее в качестве места укрытия. Да и административно они с Харьковом не связаны и, следовательно, полицейский розыск там менее вероятен. Кроме того, полтавская Зачепиловка не является районным центром и значительно меньше харьковской Зачепиловки. Поэтому в ней менее вероятно столкнуться с оккупантами и подвергнуться тщательной проверке документов. По прошествии семидесяти лет найти людей, помнящих о моём и бабушкином кратковременном проживании в одной из Зачепиловок и Руновщин, заведомо нереально, и я отказался от мысли обратиться в администрацию этих сёл с просьбой найти свидетелей наших мытарств.

Устроившись в Руновщине, мы кое-как перебивались до первого освобождения Харькова в феврале 1943 года. Из-за отдалённости села весть о приходе Красной Армии дошла до нас с опозданием. Мы добрались до Харькова незадолго до второй оккупации. По рассказам матери оккупационный режим при втором приходе немцев стал куда более суровым. Оккупанты были крайне озлоблены и совершенно не церемонились с населением. Я помню повешенные на балконных решётках тела в мешках, надетых на голову, казавшиеся нечеловеческими, неузнаваемо бесформенными, и мой вопрос: „Мамо, шо це таке?“. И её ответ: „Не дивись, синку, то повішені...“.

Впрочем, без весомой причины меня старались не выводить на улицу. Одну-две недели мы прожили всё в той же двенадцатиметровой комнате с окном во двор. Меня старательно прятали. Я, как мышонок, обитал между стенкой и кроватью, практически не выходя из этого убежища. Да и взрослые без особой надобности старались не покидать дом. При первой возможности бабушка опять увезла меня в село.

В период наших мытарств на Харьковщине мать исхитрилась выправить мне фальшивую метрику, гласившую,

что я „Фісанов Тарас Илл‘овіч (т.е. Ильич), українець“. Соответственно были изменены и паспортные данные отца. Этот документ, украшенный треугольной печатью Харьковской управы и сыгравший существенную роль в моей жизни, мать и бабушка, тем не менее старались прятать от „посторонних глаз“. По-видимому, принимали в расчёт непредсказуемую логику следственно-репрессивных органов в послевоенные годы.

К моменту окончательного освобождения Харькова бабушка со мной скрывалась в селе. На этот раз о приходе наших мы были извещены заранее: пять дней с востока доносилась артиллерийская стрельба. Мимо села днём и ночью катили отступающие немецкие войска. Чтобы не быть угнанными на Запад, мы всё это время прятались в необъятном кукурузном поле, не осмеливаясь выходить из укрытия даже за водой. Ощущение чудовищной, еле переносимой жажды помнится до сих пор.

Как мы оказались в Харькове, не помню. Но всё стало меняться на глазах. С окон сняли одеяла, оставив лёгкую светомаскировку. Мне разрешили выходить на улицу, играть с соседскими детьми. Открылись школы и детские сады. Помнится, в детском саду, куда меня определили, нас обучали английскому, поощряя заучивать песенки на языке Байрона и Бёрнса. У нас в квартире появились соседи. Кроме своего жилья они хотели занять наши комнаты, мотивируя тем, что „все, находившиеся в оккупации, были прислужниками немцев“. На их стороне было явное преимущество в лице крупногабаритного мужчины в полувоенной одежде. Только вмешательство милиции помогло нам отстоять свою жилплощадь.

В сентябре сорок третьего мы получили письмо от отца. Все эти годы он пытался разыскать нас, порой теряя надежду увидеть нас живыми. Яркое впечатление оставил приезд трёх матросов с Севера, навещавших свои семьи во время кратковременных отпусков. Тогда мы впервые услышали о боевых подвигах Израиля Ильича и о его прославленной подводной лодке. Эти матросы привезли от отца посылку – кое-что из одежды, жестяную банку засахарившегося канадского мёда и несколько плиток шоколада (как понимаю, отец

экономил из своего походного рациона). В недавно освобождённом Харькове было голодно, и отцовы подарки прибыли кстати. Поначалу появление мёда и шоколада вызвало у меня большой интерес, но годы оккупации совершенно отучили от сладкого. Мёд и шоколад, на мой вкус, горчили и потому после первой пробы были решительно забракованы.

Осенью сорок третьего года отец выхлопотал разрешение привести жену и сына в Полярное. Надо думать, это было непросто: из только что освобождённого после почти двухлетней оккупации Харькова – в воюющую военно-морскую базу Северного флота. Дорогу в Полярное почти не помню. Ехали через Москву долгим и нелёгким путём. Постепенно привыкали к дорожному быту, после оккупации казавшемуся нам очень благоустроенным, цивилизованным. Наконец прибыли в Мурманск. Запомнились какая-то нехарьковская промозглая темень на перроне, схвативший меня в охапку офицер в чёрной шинели, которому, догадываясь и боясь ошибиться, я тихо сказал: „Папа!“, и его бурная радость при этом.

Потом была непривычно светлая комната (в Мурманске отец отвёл нас в гостиницу). Вокруг много шумного морского люда. Сижу у отца на коленях, разглядываю Золотую Звезду и говорю, что „вона дюже блискотіт“, к великому веселью окружающих. Я надолго замолкаю, мучительно подыскивая солидную тему для привлечения внимания отца, и, наконец, по-русски спрашиваю, тут же понимая нелепость своего вопроса: „Папа, а ты знаешь такое слово – мёд?“ В комнате, хохотнув, замолчали, а у матери на глазах появились слёзы.

Отца и Полярное помню мало, эпизодами. Как-никак мне было около пяти лет. Помню лыжи, раздобытые отцом, слишком большие, непривычные и неудобные. Сделав несколько шагов, я воткнул лыжи и палки в сугроб и побежал на ледяную горку кататься более естественным образом. Не успел оглянуться, мои лыжи „оседлал“ не по годам рослый семилетний Гарик, младший сын большого друга нашей семьи, флагманского минёра флота Н.К.Зятькова. Когда позвали домой, намекнул Гарику, что пора отдавать лыжи. Но он попросту

отмахнулся. Пришлось возвращаться без лыж и на вопросы отца признаваться, что „Гарька не отдаёт“.

Реакция отца была недвусмысленной. Закатив мне изрядный шлепок за трусость, он заявил, что как угодно – хоть зубами, но лыжи я должен отобрать и немедленно доставить домой. Я возразил, что кусать упакованного в зимнюю одежду Гарика бесполезно. Несмотря на бурные возражения матери, мы с отцом обстоятельно обсудили возможность в целях победы использовать палки. Вдохновлённый таким образом я кубарем выкатился на улицу, выдернул из сугроба лыжную палку и сумбурно, но настойчиво атаковал захватчика. Гарик позорно бежал. Лыжи с триумфом были возвращены.

Вообще-то гулять в Полярном тех лет малолеткам было негде. Нас постоянно тянуло к кораблям на пирсы, изрытые глубокими бомбовыми воронками. У пирсов швартовались огромные английские и американские корабли. С нависшей над пирсом палубы горляющие, улюлюкающие матросы пригоршнями кидали детворе невиданные нами конфеты и фотографировали гурьбу подбиравших их ребятешек.

Когда я принёс домой раздобытую в лихой свалке конфету, отец строго и серьёзно растолковал мне, что нам, *русским* (в те военные годы советские люди без всяких амбиций и обид воспринимали по отношению к себе слово „русские“), стыдно брать подачки у иностранцев. Я пообещал отцу не ходить к кораблям союзников и своё слово крепко держал.

Однажды у Циркульного дома (достопримечательность Полярного тех лет – самый большой и красивый дом для командного состава, фасад которого полукругом был обращён в сторону гавани) меня остановил чернокожий американский моряк и, улыбаясь, вручил большую плитку шоколада. Подарок – не подачка, и я взял его без тени сомнения. Но когда я принёс шоколад домой, отец, пресекая мои и мамины возражения, приказал найти непрошенного дарителя и вернуть презент. Основательно продрогший, в кромешной темноте я, наконец, наткнулся на какого-то смуглого моряка-иностранца, сунул ему в руки проклятую плитку, выпалив заученное „сенкью“ и для убедительности от себя добавив: „Не надо!“. Затем под оклики

изумлённого союзника опрометью кинулся домой.

Вероятно, и другим детям было запрещено ходить к иностранным кораблям. Однако расстаться с пирсами было нелегко: уж очень многое было там созвучно мальчишечьему сердцу. Мы повадились бегать к нашим катерам ОВРа (охраны водного района). Как-то мы заприметили у одного из пирсов спущенную на воду шлюпку. Никого из взрослых поблизости не было. Мгновенно оценив представившуюся возможность, ребятня забралась в шлюпку. Я же – самый младший в компании – замешкался и прыгнул, когда она отошла от пирса на всю длину причального конца. Промажнувшись, плюхнулся в воду. Моя шубка надулась колоколом, и я, как поплавок, поплыл в вертикальном положении, медленно погружаясь в студёные глубины Екатерининской гавани.

Меня выловил пробежавший мимо матрос с ближайшего тральщика. Перед открытой топкой моряки раздели меня догола, высушили одежду и накормили кашей. Поразила принятая на тральщике манера пользоваться ложкой. Матросы подносили её ко рту не боком, как обычно, а перпендикулярно, с носика, высоко поднимая при этом руку. На вопрос: „Почему так?“ – серьёзно объяснили, что все настоящие моряки именно так пользуются ложкой, иначе в качку всё расплескивается. По моим наблюдениям, моряки всегда относятся к детям сердечно, с весёлой и дружелюбной иронией. Но тут из глубины памяти выплывает ощущение, что некоторые молодые матросы были откровенно недовольны моим появлением и хотели поскорее избавиться от непрошенного гостя. Только после окрика старослужащего матроса меня обсушили и накормили. Похоже, взаимоотношения рядового и командного состава тех лет не всегда были примером идиллической дружбы и взаимопонимания, описание которых сплошь и рядом встречается в послевоенной литературе. Эти отношения в какой-то мере переносились на офицерские семьи, и я в этом случае оказался „крайним“. Но в том моём возрасте такое быстро забылось.

Тут меня разыскала Элла Исааковна Николаева. Дома у нас почему-то никого не было, и она привела меня к себе. Когда

пришёл вице-адмирал А.А.Николаев, сели обедать. Я сразу заметил, что ложками они пользуются по старинке и, огорчённый за адмирала, от всей души обстоятельно поделился знанием корабельного этикета. Адмирал внимательно выслушал меня, а потом в пароксизме немого хохота медленно сполз со стула.

Помню свой день рождения в 1944 году. Мне „стукнуло“ пять лет. Для торжеств мне пошили флотскую пижаму, брюки и китель с самыми настоящими нашивками капитана второго ранга, как у отца. Гостей было много. Я находился в центре всеобщего внимания и чувствовал себя совершенно взрослым. Ложиться спать в такой обстановке было кромешной нелепостью. Я упирался, капризничал. Выведенный из терпения отец дал мне шлепка, раздел и, уложив в постель, сунул жевательную резинку, чтоб не орал. Убедившись в бесполезности слёз, я разжевал резинку и, полный мстительных чувств, намертво вдавил липкую массу себе в темя – вот вам! Затем залез под кровать. Когда гости разошлись, меня, спящего, вытащили из-под кровати с синтетическим колтуном на голове. Нахохотавшись до колик, отец выстриг мне тонзуру: другого способа отделить от волос окаменевшую резинку не было.

По рассказам матери именно в этот вечер к нам в гости пришёл командующий Северным флотом Арсений Григорьевич Головкин. Состоялся тот судьбоносный разговор, во время которого отец наотрез отказался уйти на учёбу в академию до окончания войны.

Помню, с каким напряжением ждала мать возвращения отца из Англии. Её волнение передалось мне, и мы, услышав „залп победы“ (холостой пушечный выстрел, возвещавший о потоплении неприятельского судна) или сирену входящего в гавань корабля, вдвоём бросались к окну, стараясь в осенней темноте разглядеть отцову лодку. То, что отец мог погибнуть, я тогда не понимал, но до сих пор сохранил в памяти ощущение безысходного, гнетущего беспокойства и страха перед грядущей бедой, довлевших над нашей семьёй в те дни.

Получив похоронку, мать отвезла меня в Харьков к бабушке, а сама начала хлопотать о жилье в Ленинграде. Ей предлагали

на выбор квартиры в Москве, но, оглушённая гибелью мужа, она сделала странный на современный взгляд выбор – выхлопотала комнату в коммунальной квартире на Васильевском острове. Мать боялась одиночества и стремилась к людям, пусть даже чужим.

Накануне Дня Победы мать приехала за нами в Харьков. Мы стояли у окна, глядя на праздничный фейерверк, и я как-то внезапно горько осознал, что отец погиб и я больше никогда его не увижу. „Ты чего плачешь?“ – наклонилась ко мне мать. „Папу жалко“, – выдавил я сквозь слёзы. Впервые при мне мать и бабушка зарыдали в голос. Такой запомнилась Победа.

Каждый, поживший в коммуналке, знает, что это такое. И мы тоже хлебнули предостаточно. Лишь в 1964 году после многолетних хлопот нам предоставили двухкомнатную двадцативосьмиметровую смежную квартиру в доме, построенном Ленинградской военно-морской базой. В этой квартире через год умерла бабушка Ефросинья Антоновна, долгие годы пестовавшая меня в то время, как мать зарабатывала нам „кусочек хлеба“.

Пока были силы, бабушка помогала ей, устраиваясь на временную работу то в окрестностях Ленинграда, то выезжая на лето в южные костнотуберкулёзные санатории. Так первые два класса я учился в Тосно под Ленинградом, а потом несколько раз проводил лето в Затоке, что в „гирле“ Днестровского лимана. Там я обретал полную, порой опасную свободу. Так я имел неосторожность рассказать мальчишкам о своём отце. Это не было похвальбой и произошло непреднамеренно: просто, коротая вечерний досуг, каждый рассказывал, чем занимаются его родители.

Узнав, что мой отец еврей, они были поражены. На другой день на пустынном пляже близ санатория, где мы обычно купались, они скрутили мне руки и, сорвав трусы, стали что было силы дёргать половые органы. Кое-как отбившись, я не мог преследовать негодяев. Невыносимая боль вынудила искать успокоения в прохладной воде моря. Тут следует рассказать о необъяснимой особенности моей памяти. Плохо запоминая лица (возможно, уже тогда начиналась близорукость), я через

несколько дней не был в состоянии узнать своих обидчиков, как ни искал. Не исключено, что и они, ожидая расплаты, избегали встречи. Постепенно гнев и обида сгладились, но общаться с местной детворой больше не хотел.

Сентябрь 1949 года неожиданно напомнил об оккупации. Мать, работавшую в военном судостроении, уволили из-за пребывания в годы войны на территории, занятой немцами. В эти тревожные дни она металась в неизвестности – безуспешно искала работу, ожидала высылки или ареста. Наконец, после тщательной проверки и только благодаря письменным рекомендациям нескольких членов партии – соратников отца, её взяли на незасекреченную работу в проектное бюро гражданского судостроения.

Атмосфера той поры удивительно точно предугадана О.Э.Мандельштамом за двадцать лет до описываемых событий вплоть до лестницы чёрного хода (парадный ход закрыли ещё до войны) и сломанного дверного звонка.

*Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухших желёз.*

.....
*Я на лестнице чёрной живу и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.*

(О.Мандельштам. „Медленный день“. Стихи).

Вынужденная по болезни прекратить работу, бабушка, имея 30 лет врачебного стажа, получала пенсию 210 рублей, я за отца до восемнадцати лет – 560, да зарплата матери составляла 800. Жили скромно. Старую мебель привезли из Харькова ещё в 1945 году. Покупка одежды постоянно была слабым местом семейного бюджета. Правда, в то время я совершенно не обращал внимания на свой внешний вид, будучи воспитанным в представлениях истинно мужского аскетизма. Да и теперь равнодушен к нарядам – было бы чисто, цело, удобно.

Телевизор и холодильник, купленные по настоянию

бабушки после долгих раздумий и длительной экономии, надолго истощили наши сбережения. Впрочем, к шестидесятому году зарплата матери составляла уже 1200 рублей, бабушкина пенсия незадолго до её смерти была повышена до 530, а мне до окончания института продлили пенсию в 500 рублей. Однако чтобы купить мне коньки, Ефросинье Антоновне пришлось продать за бесценок многотомную „Историю евреев“, о чём впоследствии я очень жалел.

Изданная в царское время „История евреев“ служила одним из источников антисемитских умопостроений бабушки и мамы, реанимированных антисионистской истерией сорок восьмого – пятьдесят третьего годов. Время от времени их мимоходом оброненные в этом плане высказывания достигали моих ушей, вызывая бурную, прямо-таки истеричную реакцию возмущения и протеста. Вообще-то, зная мою повышенную чувствительность в национальном вопросе, бабушка и мать старались оберегать меня от лишних стрессов, хотя удавалось это им далеко не всегда.

Мне думается, что дети из чисто еврейских семей психологически лучше защищены от антисемитских выпадов, поскольку находят понимание и поддержку родных. Иное дело – полукровки при утрате отца-еврея. Еврейское общество, как правило, отстраняется от такого ребёнка, и он, в поисках поддержки нееврейской родни порой оказывается в лагере антисемитов (примеры: Семёнов-Осташвили, Жириновский).

Осенью пятьдесят третьего года, проведив на Демидов переулоч приехавших посмотреть Ленинград двух девчушек из Дагомыса, где летом мы с матерью снимали комнату, я был окружён ватагой мальчишек. Их рыжеволосый предводитель, размахивая складным ножом, орал что-то задиристое и наглое по поводу якобы семитского облика моих кавказских подружек. Видя, что словесное выяснение отношений не приведёт к миру, я опрокинул его ударом кулака как раз в тот момент, когда нож впился мне в горло. Прорвавшись, специально придержал бег: сейчас меня нагонит рыжий и получит сполна. Но подонок, видя, что его подельники отстали, струсил и повернул назад.

Домой шёл пешком: в залитом кровью пальто ехать

городским транспортом не решился. Дома меня перевязала бабушка. Выяснилась причина столь обильного кровотечения – нож вошёл под основание языка рядом с гортанью в паре сантиметров от крупной артерии. Потом я несколько раз ездил на Демидов в надежде „отблагодарить“ рыжего, да безрезультатно. Скорее всего, просто не узнал.

Вспомнился десятый класс, урок физкультуры. Идёт „борьба всадников“. Мы, мальчишки, поочерёдно на плечах друг у друга. Пары в истинно рыцарском задоре стараются свалить „наездника“, опрокинуть „коня“. Отвозив положенное время Борьку Сальникова, вскакиваю ему на плечи. Борька второразрядник по баскетболу. Тотчас неуловимо точным движением, синхронным с моим прыжком, он наклоняется, превращая мой прыжок в нырок вниз головой. Не успеваю подставить руки. Удар лицом о пол столь силён, что разрывается кожа верхней губы. Сильное сотрясение головного мозга на неделю укладывает меня в постель. Потом мне рассказывали, что Борька похвалялся, как ловко он „подстроил этому еврейчику“. Но когда я появился в классе, Борька поспешил извиниться, и я, будучи не слабее его и не раз участвуя в драках, как-то не смог ответить Борьке мордобоем. Злость уже прошла.

Поразительный факт: зачастую по свежим следам националисты не получают даже словесного порицания, не говоря уж о заслуженной взбучке. Что это? Растерянность перед внезапным гнусным оскорблением? Боязнь показаться нелепо истеричным в своём негодовании? Стыд унижения на глазах выжидающего враждебно-насмешливого окружения? Ощущение одиночества среди иноплемённой толпы? Разумеется, антисемиты такую безответность объявляют доказательством трусости евреев.

Я думаю, это не трусость. Скорее, это чувство сродни тому, что испытывают во время приступа стенокардии. Инстинкт велит замереть, переждать, притвориться, что боли нет и не было, поскорее забыть её. По моим наблюдениям, нередко именно так поступают представители многих народов, уязвлённые в своём национальном чувстве. Нужно или часто

оказываться в подобных ситуациях, или быть достаточно „толстокожим“, чтобы уметь мгновенно парировать подобные выпады. Есть и другое объяснение: брезгливость, нравственная невозможность для преследуемого стать на одну доску с юдофобом. Но это – для очень утончённых натур.

Впрочем, кроме этого и ещё двух-трёх менее манифестируемых эпизодов, антисемитизм в школе меня не коснулся. Уж очень русскими были мои мать и бабушка. По-настоящему задумываться об антисемитизме мне пришлось в институте, но рассказ об этом требует обстоятельной преамбулы.

Глава 4. ИНСТИТУТ

Поступить в институт с серебряной медалью было существенно легче, чем преодолеть конкурс в общем потоке – до двенадцати желающих на одно место. Однако сначала не везло. В 1956 году были частично отменены привилегии „серебряных“. В Первом Ленинградском Медицинском мне предстояло сдать два экзамена по физике – письменно и устно. Вот тогда-то я и прочувствовал меру своего невезения.

Во-первых, экзамены для медалистов с „серебром“ не были введены во многих, достаточно престижных вузах, таких, как Педиатрический, Холодильный, Санитарно-гигиенический, Фармакологический, Кораблестроительный, Радиотехнический имени Бонч-Бруевича, Водного транспорта и ряда других. В эти вузы „серебряные“ поступали, как и прежде, по результатам собеседования, что было намного легче.

Во-вторых, мне тогда думалось, что в медицину меня понесло отнюдь не призвание. Впрочем, кто решится говорить о призвании в 17 лет? Хотя – внук ортопеда-травматолога, двоюродный внук профессора хирургии, – почему бы и нет? Дядя отца Арон Львович Фисанович окончил Харьковский медицинский институт в 1924 году. Во время Великой Отечественной войны он был главным хирургом одной из резервных армий (сведения получены от В.А.Бурьянова). Позднее работал в Ленинградском НИИ переливания крови. В

период гонений на врачей-евреев (так называемое „Дело врачей“) он был вынужден уехать в Великий Новгород, где до своей смерти в начале семидесятых годов работал главным хирургом области.

Рассказывая о внутривластной обстановке в стране в годы моей юности, „Дело врачей“ обойти никак невозможно. „Советское общество тех лет было психологически подготовлено к появлению „Дела врачей“ (или какого-то, ему подобного) в ходе так называемой компании борьбы с космополитизмом, начавшейся в 1948 году, когда выяснилось, что „безродные космополиты“ сплошь и рядом оказывались людьми еврейской национальности... Подверглось гонению творчество Э.Багрицкого, М.Светлова, В.Гроссмана, был даже изъят из Большого зала консерватории портрет композитора Мендельсона. Борцы с космополитизмом из писательской среды требовали, чтобы писатели-евреи публиковались под своими подлинными фамилиями, а не под псевдонимами, скрывающими их национальную принадлежность... И уж... на уровне „информации сверху“ просачивались сообщения о том, что подлинный суд над врачами-извергами закончится приговорами к высшей мере и что некоторые казни будут совершены публично, а это неизбежно приведёт к еврейским погромам, в результате чего евреи, дабы спасти их от „народного гнева“, будут в организованном порядке высланы в специально подготовленные для них резервации в Сибири“ (Я.Рапопорт. „Воспоминания о „Деле врачей“. Журн. „Дружба народов“, 1988, №4, с .224-225). Подобная информация опубликована и в книге А. Антонова-Овсеенко „Портрет тирана“ (Изд. „Хроника“. Нью-Йорк, 1980, 325 с.). Да и мне вспоминаются тревожные разговоры матери и бабушки об этих слухах – шёпотом, чтобы я не услышал. „Вся группа „Врачей-вредителей“... подвергалась после ареста исключительно жестокому обращению. Это именно к ним относилось распоряжение Сталина „бить, бить и ещё раз бить“ (Р.Конквист. „Большой террор“. Журн. „Нева“, 1990, №9, с.325). „Кажется он (Сталин – Т.Ф.) собирался устроить большое еврейское избиение“ (А.Солженицын. „Ахипелаг ГУЛАГ“. Журн. „Новый

мир“, 1989, №8, с.56).

Прошли десятки лет, но, несмотря на очевидные уроки истории, национализм среди российских писателей поразительно живуч („Все заедино. Сцены VI пленума Союза писателей РСФСР“. Журн. „Огонёк“, 1989, №48, с.6-8,31). И если бы только в писательской среде. Но вернёмся к повествованию.

В детстве игрушками у меня были шприцы, скальпели, иглодержатели, пинцеты. С наложением швов „ампутировал“ руки-ноги подвернувшихся под руку тряпичных кукол, перевязывал сверстников. Однако медиком, несмотря на постоянное „давление“ бабушки, становиться не собирался. Меня тянуло (и сейчас тянет) к кораблям и, если бы не ранняя близорукость, быть мне через Нахимовское и училище Фрунзе военным моряком.

Доконала меня учительница литературы из параллельного класса. Замечая нашу заболевшую руссичку, она обратила внимание на мои сочинения, расспросила, кем бы я хотел стать и, узнав, что бабушка-врач агитирует в медицинский, подвергла меня психологической осаде. К несчастью, она жила в нашем доме. В период обучения в девятом и десятом классах почтенная учительница при встрече орала на весь двор: „Вот идёт будущий великий хирург!“ – и тому подобное. На шоу сбегалась ребятня со всего дома, а она демонстративно вступала со мной в длительные беседы на медицинские темы. В конце концов показалось невозможным избежать столь громогласно предрекаемого будущего.

В-третьих. До девятого класса я учился в „усиленной“ 24-й ленинградской школе. У нас были очень опытные математики, физики, химики, лингвисты. В восьмом нашим классным руководителем стала Заслуженный учитель РСФСР Кирсанова, награждённая орденом Ленина, – женщина с властным, безапелляционным характером. Шёл 1953-1954-й учебный год. Наводить дисциплину она начала с того, что на посмешище всей школе водила нас, старшеклассников, парами на перемены, в столовую, в спортзал. Делалось это с демонстративными пощёлками в адрес прежнего классного руководителя Софии

Абрамовны Гольдберг, разболтанными любимчиками которой мы: Абраменко, Бобер, Готлиб, Любчанский, Файсман, Фисанович, несомненно, являлись. Повиновения она достигала тем, что окриками и придирами у доски могла в считанные дни низвести любого отличника до двоек или неадекватными поощрительными оценками и другими авансами возвысить двоечника до ранга хорошего ученика.

Раньше комсомольская организация нашего класса пользовалась доверием педагогического коллектива. Мы выпускали интересную стенную газету, где публиковали самостоятельные размышления на исторические и литературные темы, предлагали читателям составленные нами задачи по математике, физике. Когда заболел классный руководитель, комсомольцы обеспечили невиданную ранее чистоту и дисциплину в классе, что искренне восхитило наших педагогов. Теперь Кирсанова постоянно вмешивалась в работу комсомольской ячейки, полностью заменила редколлегию, в результате чего газета стала обыденной и скучной.

Окончив шестой и седьмой классы с похвальными грамотами, составитель математических задач, премированный участник городской олимпиады по литературе, я за одну четверть скатился на тройки и понял, что, если не покорюсь Кирсановой, житья мне не будет. Пострадали и два других записных отличника Абраменко и Готлиб, но, проявив требуемую гибкость, они, в конце концов, адаптировались. Я же перешёл в бывшую женскую 32-ю школу, расположенную в одном квартале с моим домом, благо в 1954-м году в Ленинграде было отменено раздельное обучение мальчиков и девочек.

К сожалению, среди отечественных педагогов националистические настроения не менее живучи, чем в писательских кругах. „Из одной, некогда знаменитой Ленинградской школы этим (1989 г. – Т.Ф.) летом ушли одиннадцать учителей и около сотни учеников. Ушли не по житейским причинам... В последнее время невежество в ней взяло верх, повеяло душком „Памяти“ (Н.Логинова. „Химера“. Лит.газета 17.01.90, №3 (5277), с.12). Тем, кто не знает или

забыл, поясню: Общество „Память“ возникло в начале 80-х годов и в годы горбачёвской „Перестройки“ прославилось своей шумной воинствующей антисемитской пропагандой.

В новой школе преподавание математики и физики оказалось на очень низком уровне. Практически два предвыпускных года мы постигали эти науки самостоятельно, старательно прорабатывая учебник. Однако, полагая, что экзамены в вузе будут много серьёзнее, нежели выпускные школьные, я испытывал неуверенность и хотел подготовиться более основательно. На это требовалось время, а экзамены для „серебряных“ начинались на месяц раньше, чем для общего потока экзаменуемых.

Вспомнилось, как получил серебряную медаль. Не без основания претендуя на „золото“, срезался глупейшим образом. Первым из собранных в актовом зале школы учеников десятых классов, сдававших письменный экзамен по математике, наиподробнее расписал в черновике решение задачи и в перерыве побежал во двор играть в волейбол. Потом, переписывая решение начисто, оставил на бумаге малозаметные отпечатки потных пальцев, подкрашенные волейбольной пылью. В результате четвёрка „за грязь“. Объяснили: в РОНО (Районный отдел народного образования) всё равно снизят, да как бы не до тройки – намёк, что попытка протестовать лишила бы меня шансов на любую медаль.

Едва закончились выпускные торжества, начался напряжённый, хотя и несколько сумбурный период подготовки к вступительным экзаменам. Устную физику сдавал засыпающей на полуслове престарелой доцентше. Загипнотизированный её дремотой перепутал названия газовых законов, но успел исправить ошибку раньше, чем она проснулась. Письменная физика оказалась несравненно проще. Полученные пятёрки гарантировали поступление, и до начала занятий друзья нашей семьи ещё с времён Полярного Зятьковы забрали меня к себе на дачу в Лужском районе – тогда одном из самых глухих и дико-живописных уголков юга Ленинградской области.

Страстный рыболлов Николай Карпович ежедневно поднимал

нас затемно. На вёслах я с его младшим сыном Гариком круг за кругом обходили озерцо на плоскодонке, а сидящий на корме Зятков-старший закидывал дорожку. Спустя неделю рыбная ловля нам осточертела, и в очередное утро мы забастовали. Раздосадованный Николай Карпович ушёл один. Возвратившись в полдень, он упал на пороге – кровоизлияние в мозг.

Четыре дня и ночи мы не присели, мотаясь, то за врачами в соседний посёлок, то в аптеку, то к фельдшеру, жившему за озерцом, то дежуря у больного. После смерти Николая Карловича я забрался на чердак, рухнул на дырявую раскладушку, успел что-то подумать о привидениях, которых, в общем-то, побаивался, и отключился на полсуток. Это послужило косвенным подтверждением, что к учёбе в медвузе с его шокирующими анатомическими залами я был морально готов.

Институт... Новые знакомства, быстро переходящие в доверительные дружеские отношения. Первая любовь и первые неудачи в сердечных делах. Первые лекции и семинары, первые зачёты и первая экзаменационная сессия. Первая стипендия и первая (обязательная в те времена) подписка на заём. Анекдоты, смех, вечеринки, и многое, и многое... Непривычный ритм учёбы привёл к сбоям: мог, единственный в группе, получить пятёрку, но мог и тройку, тоже единственный.

Антисемитизм входил в безалаберную студенческую жизнь исподволь, маскируясь под индивидуальную неприязнь. Непосредственно не касаясь меня, он напрямую задевал симпатичных мне ребят и от этого становился безразличным. Но распознать, что причиной конфликтов был именно антисемитизм, было подчас непросто. Хочу подчеркнуть, что отношение сокурсников лично ко мне, по крайней мере, в первые годы учёбы, было доброжелательным, дружеским.

Со мной на курсе учились еврейские ребята, обычно ничем не выделяясь из студенческой среды. Сравнительно редкие антисемитские эскапады сокурсников они сносили молча, не показывая своей „задетости“. Но были и исключения. Крепыш Мишка Каменир, боксёр-второразрядник, сатанея не столько от нападок, сколько от непонимания, с открытым забралом

отстаивал право быть самим собой. Задним числом думаю, что Мишка, храбрый и настойчивый, способный на верную дружбу, пойми и вовремя поддержи его коллектив, мог рассчитывать на другую участь.

„Человек способен вынести многое: болезни, смерть близких, невзгоды, лишения. Но он совершенно не переносит унижение, когда он лишён возможности уважать самого себя. Это может подтолкнуть человека на самоубийство и, даже, на преступление“ (Ж.Сименон. Названия книги не знаю: текст прочитал в метро через плечо впереди стоящего пассажира). Возможно поэтому Мишку Каменира всё время „заносило“. То вытряхнет Борьку Прокина, по незнанию усевшегося на места, занятые Мишкой для своей группы. Да так вытряхнет, что всем немедленно хочется набить Мишке морду. То на пару с алкашом-шофёром продаст „налево“ три тонны целинного зерна, пытаясь таким образом компенсировать бригаде задержанную зарплату. Когда же Мишку пытались призвать к порядку, так сказать – „воспитывать“, он держался вызывающе, нагло. Казалось, что многие сокурсники не терпели Мишку именно за бесцеремонность.

Среди ненавистников выделялся смуглый красавчик Билл (Володя) Щедрёнок, пытавшийся один на один вздуть Мишку. Получив сокрушительный отпор, Билл до времени затаился. Когда же на целине всплыло дело с продажей зерна, Билл использовал ситуацию для реванша. Под его руководством озверевшие от водки парни с юдофобскими воплями, пиная ногами, загнали Каменира под самосвал, и, закидывая бутылками и камнями, продержали там всю ночь. Утром избитого Мишку вызволили преподаватели, сопровождавшие наш студенческий отряд на целину. Не знаю, как бы всё сложилось, окажись Мишкины друзья рядом. Может быть, не было бы дурно пахнущего эпизода с зерном. Может быть, была бы большая драка или, может быть, всё удалось бы решить мирным путём, но, конечно, терзать Мишку мы бы не дали.

На обратном пути в Ленинград Каменира собирались добить и добились бы, не вступишь наша группа. Пришедший из другого вагона к нам в гости мой бывший одноклассник Володя

Гаврилов, поступивший в медвуз годом позднее, оказался свидетелем назревающей битвы за Мишку. Он как-то подомашнему, вроде бы шутя, неторопливо зажал подмышкой Биллову главную ударную силу – штангиста-разрядника Володю Шилова (если не спутал фамилию), да так плотно, что тот даже не мог вздохнуть и запросил пощады.

Мишкины приключения в институте на этом не кончились. Через год, в общежитии института, наш однокурсник Герд, будучи в состоянии алкогольного опьянения, возжелал слушать музыку. Для этого он решил взять купленные Мишкой пластинки и, зайдя к Камениру в комнату, „с мясом“ вырвал замки Мишкиного чемодана. В этот момент Мишка вошёл в комнату, „врезал“ Герду по зубам и получил нож в печень – тот самый нож, которым Герд „курочил“ Мишкин чемодан.

Несмотря на явный состав преступления Герда общественное мнение сокурсников по недоступной мне логике ополчилось на Каменира. На „товарищеском“ суде защита выложила сакраментальные доводы: Герд – инвалид, ходит на вечно скрипящем протезе. Герд несчастен и потому пьёт. Он пропадёт, если его выгонят из вуза. Как общественный обвинитель я напрасно взывал к здравому смыслу. Курс горой стоял за Герда. И администрация охотно замяла дело.

А ещё год спустя пьяный и потому откровенно юдофобствующий Билл безо всякого видимого повода ударил по лицу Михаила Гольдштейна, разбив ему очки. Здоровяк Гольдштейн, кандидат в мастера, до медвуза окончивший Военно-спортивный институт по специальности „Самооборона с подсобным оружием“ мог запросто уложить быка. Но он простил Биллу дикую выходку. На мой вопрос Гольдштейн ответил, что в момент удара важнее всего было убрать из области глаз осколки стекла, а потом, когда протрезвевший перепуганный Билл пришёл извиняться, злость уже прошла. Извечный парадокс: подлость, хулиганство, национальная нетерпимость паразитируют на благородстве, порядочности, отходчивости и добродушии. Именно поэтому, не встречая заслуженного сокрушительного отпора, творят они своё чёрное дело. „И несть им числа...“.

На четвёртом курсе института наряду со многими специальными дисциплинами нам преподавали организацию здравоохранения. Предмет не повышал наши чисто профессиональные знания и не вызывал бы интереса, если бы не преподносился с великим мастерством и общеобразовательной насыщенностью. Лекции профессора Фридланда собирали студентов всех курсов, прямо-таки завораживая слушателей.

Занятия в нашей группе талантливо проводил энтузиаст организации здравоохранения кандидат мед. наук Владимир Яковлевич Михейкин. Как-то после занятий он задержал меня, подробно расспросил о моих планах и, выяснив отсутствие таковых, порекомендовал заняться урологией. Хирургией бредило 90% сокурсников. Студенческий кружок по хирургии был переполнен и подступиться к операционному столу было немислимо. Иное дело – урология, относительно узкий фрагмент великого хирургического искусства, к тому же дурно пахнувший. Желавших было немного, а возможностей приобщения к науке предостаточно.

Обсудив с профессором А.М.Гаспаряном „подкинутые“ Михейкиным идеи, я с головой ушёл в поиск литературы, анализ архивных историй болезни, диспансеризацию ранее оперированных больных. Большую часть работы предстояло выполнить на собаках с гистологическим исследованием тканей в зоне операции. Получалась интересная научная работа.

Успешно выполненный существенный фрагмент этой работы давал надежду по окончании института остаться на кафедре урологии: стало известно о выделении места в ординатуру для выпускников нашего курса. Единственный, кто мог „перебежать“ мне дорогу, был староста нашего научного кружка Толя Гринберг, активно работавший на кафедре. Но его призвали в армию.

Не сомневаясь в успехе, я при удобном случае завёл разговор с Гаспаряном и неожиданно услышал, что место занято. Однако профессор рекомендовал „не терять связи с кафедрой, писать и заходить к нему“ и т.п. Вскоре мне рассказали, что в ординатуре оставлен никогда раньше не интересовавшийся урологией Женечка Касаткин, известный

всему курсу тихоня и недотёпа, но имевший веское преимущество перед другими соискателями, поскольку являлся племянником институтского парторга доцента Илецкой. Я не смог пересилить отвращения, перестал посещать кафедру, забросил тему и никогда потом не встречался с Гаспаряном.

Глава 5. В ПРОТЕЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

За этими событиями незаметно подошла пора распределения. Жену, заканчивающую технический вуз в один год со мной, уже распределили в одно из ленинградских предприятий. Согласно действовавшему тогда положению это обязывало распределительную комиссию моего вуза оставить меня в городе, что совершенно не устраивало коррумпированное институтское руководство, берегавшее места в Ленинграде для своих протеже. Меня и слушать не хотели. Насчёт коррупции я не голословен: спустя несколько лет после шумного скандального расследования администрация Первого Медицинского была заменена.

Выбитый из колеи беспринципностью Гаспаряна, я как-то безлико держался при распределении. Комиссия чутко уловила мою душевную расхристанность и напористо предложила один из самых непрестижных вариантов – место ортопеда в Пскове. Толком не выяснив, о чём идёт речь, я сразу согласился. Оказалось, подписал себе приговор. Три года предстояло работать врачом-протезистом в мастерской для инвалидов. Хирургией тут и не пахло.

В развалюхе на улице им. Розы Люксембург полукустарно изготавливались простейшие протезы рук и ног, корсеты, обувь. Спасаясь от дисквалификации, врачи медотдела этой организации убегали при малейшей возможности. Опытные мастера обходились без медицинского контроля. Первый врач за последние три года, я поначалу только присутствовал при снятии мерок, подгонке и выдаче изделий. Присматривался, вникал в суть дела, набирался опыта.

Инвалиды, приезжавшие из Псковской глубинки, получали койку в одной из комнат мастерской, отведённой под

общежитие. Местные отделы социального обеспечения выдавали им небольшие суммы денег для оплаты проезда и пропитания. Как правило, вечерами они напивались до невообразимого состояния, тут же в кровати справляя все естественные надобности. Да и то: в таком состоянии выйти во двор к промёрзшему, загаженному выше „очка“ выгребу им было не под силу. В лучшем варианте они добредали до единственной водопроводной раковины в коридоре.

Жена отказалась от места в Ленинграде и поехала со мной в Псков. Нам отвели для жилья кладовку в коридоре мастерской у выхода на улицу. Кладовка была снабжена буржуйкой, для которой разрешили брать торфобрикеты из сарая мастерской. Никакое топливо не могло согреть эту кладовку: с двух сторон улица, с третьей помещение, до потолка заполненное многолетней глыбой льда – когда-то в нём лопнула труба, подававшая воду на второй этаж, да так и не была починена. К тому же дверь, ведущая с улицы в коридор, была нараспашку в любое время года и суток.

В ноябре 1962 года меня направили в Москву на трёхмесячные курсы по протезированию. По возвращении застал жену больной дизентерией. Не удивительно: воду-то брать было негде, кроме как из постоянно загаженного крана. Госпитализировав жену в инфекционное отделение Псковской горбольницы, вскоре и сам попал туда же на полтора месяца – болезнь приняла рецидивную форму. После выписки сумел убедить жену уволиться и уехать в Ленинград, благо при „свободном“ дипломе её в Пскове не задерживали. Несомненно обоснованный отъезд жены постепенно образовал трещинку в наших отношениях. Спустя несколько лет мы расстались, расстались по-недоброму и, видимо, не без моей вины.

В 1963 году в Пскове на Межрайонной конференции хирургов я впервые увидел приехавшего с докладом из Новгорода профессора Арона Львовича Фисановича. В перерыве подошёл к нему, представился. В ответ услышал иронически холодное: „Вы Фисанович?! Каким образом?“. Объяснил, кто я, пригласил в гости, но в согласованный вечер профессор не пришёл. В дальнейшем встретиться с ним я не

пытался.

Выбраться из Пскова мне удалось в мае 1964 года. За это время я вторично переболел дизентерией, а потом почти два месяца маялся писчим спазмом – мучительным неврологическим заболеванием, поразившим правую руку. Больничный лист – 36 рублей 25 копеек в месяц – не позволял покрывать расходы на лекарства, питание и оплату жилья (за непригодную для проживания кладовку вычитали два с половиной). Работа по совместительству отпадала автоматически. Пришлось на выходные съездить в Ленинград занять деньжонок и подкормиться. Это было замечено администрацией мастерской и дало повод объявить меня прогульщиком (по действовавшему положению пациент с больничным листом на руках должен был пребывать на месте лечения, даже если он мобилен). И не только... По возвращении из Ленинграда поздним вечером на подходе к протезной мастерской я подвергся нападению полутора десятков подростков из расположенного поблизости ПТУ. Удалось прорваться. На память о приключении остался перелом носовой перегородки, который спустя десять лет пришлось исправлять путём хирургического вмешательства. Милиция не нашла хулиганов, да и не очень искала.

К этому времени выяснилось, что положенная мне, как молодому специалисту, жилплощадь предоставлена мне не будет. Похоже, она была включена в систему сложных комбинаций, в результате которых директор протезной мастерской Валентин Павлович Жданович обменял свою двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную. По наивности я поочерёдно обращался во все псковские инстанции, включая первого секретаря обкома партии И.С.Густова. Каждый раз получал успокаивающие обещания „разобраться и принять меры“, пока, наконец, не понял, что круговая порука псковских чиновников непреодолима.

Вырваться из Псковской ловушки законным путём долго не удавалось. Ни в областном отделе социального обеспечения, ни в министерстве, которым подчинялось протезное производство, попросту не хотели слушать о досрочном увольнении. Моя

аргументация совершенно не принималась к сведению, а заявления, в конце концов, оказывались на столе у Ждановича. Только письмо матери депутату Верховного Совета СССР, начальнику Политуправления Вооружённых Сил Гришанову – бывшему североморцу, помнившему отца, – положило конец моим псковским мытарствам. Но уйти из протезной промышленности всё же не удалось. Меня перевели на Ленинградский протезный завод.

Во время псковской эпопеи, спасаясь от безденежья и одиночества, в обход чинимых администрацией мастерской препон мне удавалось устраиваться на работу по совместительству то в хирургическое отделение горбольницы, то в гарнизонном госпитале, то прихватывать дежурства в травмпункте. Тогда же поступил в местный филиал Северо-западного политехнического института на факультет радиоэлектроники (центр вуза находился в Ленинграде). По молодости сил хватало на всё. Это обстоятельство было оценено при переводе на Ленинградское протезно-ортопедическое предприятие (ЛПОП), как официально именовался этот протезный завод. Меня назначили врачом в кабинет биоэлектронного протезирования и вскоре отправили на месячные курсы повышения квалификации в московский (Центральный) НИИ протезирования и протезостроения (ЦНИИПП), где эти протезы были изобретены.

Обучение на курсах дало информацию о новых разработках в отечественном протезостроении. Там я впервые услышал о неспадающей гильзе, т.е. вместилище культы конечности, способном удерживаться без дополнительного крепления. Позднее мною была разработана и теоретически обоснована конструкция неспадающей гильзы для культы предплечья, удерживающей более чем пудовый груз, тогда как у москвичей гильзы сползали при нагрузке порядка 5 кг. Эти исследования были отражены в серии статей и подтверждены авторским свидетельством. Произошло это позднее, в Ленинградском НИИ протезирования, куда меня со свойственной ему настойчивостью пригласил бывший доцент Военно-Морской Медицинской академии (была такая в Ленинграде до 1958 г.),

полковник в отставке Михаил Васильевич Струков, директор ЛНИИПа.

Новые конструкции неспадающей гильзы и электрического протеза предплечья (разработка ЛНИИПа, конкурировавшая с ЦНИИППовской), оформление трудоёмкого годового отчёта лаборатории во время болезни её заведующего упрочили моё положение на новом месте. Струков не мог нахвалиться мною, назначил зарплату на десятку больше, чем полагалось по стажу, выплатил самую большую в институте итоговую премию. Но как только я подробно расписал план диссертации по биокибернетике протезирования верхней конечности, Михаил Васильевич пригласил из Заочного политехнического института молодого пробивного доцента и трёх аспирантов. Добро бы это способствовало совершенствованию протезов. Новоявленные протезостроители, прочно оседлав, а порой и извращая до нелепости мои идеи, „пекли“ диссертации. Мне же Струков так и не предоставил обещанный академический отпуск, необходимый для завершения диссертационной работы. В завершение меня перевели в клинику института, где доделать задуманную диссертацию было невозможно.

Приходя в отделы и лаборатории института „пообщаться с молодёжью“, Михаил Васильевич не таил своих антипатий. Стоило заговорить о Ботвиннике или Растроповиче (последнего Струков, ничтоже сумняшеся, считал евреем), как лицо его омрачалось. А о Райкине лучше было и не заикаться – Струков немедленно впадал в состояние крайнего раздражения. Об этом знали и потихоньку посмеивались, но возражать всемогущему директору никто не решался.

Выбывая из комсомола по возрасту, я – убеждённый марксист-интернационалист, член институтского комитета ВЛКСМ, подал секретарю парткома заявление о приёме в КПСС. Через несколько дней, направляясь после работы домой в обществе юной, но влиятельной сослуживицы, я узнал, что по указанию директора на моё заявление последовал категорический отказ. Называя всё своими именами, меня откровенно ткнули носом в моё еврейское происхождение. Вскоре я получил возможность убедиться, что моё заявление

„положили под сукно“ действительно по распоряжению директора. Полученный урок заставил пересмотреть многие, ранее казавшиеся непогрешимыми, мировоззренческие постулаты. Больше я не делал попыток вступить в КПСС.

Случившееся со мной носило не локальный, а общегосударственный характер. Сокурсник при попытке устроиться на заведомо свободное место в травматологическую клинику Военно-Медицинской академии тотчас получил ничем не мотивированный отказ, стоило лишь назвать свою еврейскую фамилию. Мать рассказывала мне о том, как не смогла трудоустроить толковую еврейскую девушку к себе в конструкторское бюро после окончания Кораблестроительного института, несмотря на то, что эта девушка во время преддипломной практики прекрасно зарекомендовала себя в её отделе. И вот что поразительно: вопреки всякой логике мать тут же принималась уверять меня, что причину недоразумения в данном случае надо искать отнюдь не в антисемитизме, поскольку „антисемитизма в СССР нет и быть не может“ (!).

Вскоре одна знакомая нашей семьи, работавшая в шестидесятых годах на крупном ленинградском предприятии, производящем аппаратуру связи, случайно оказалась в первом отделе при получении телефонограммы из Выборгского райкома партии. Телефонограммой предписывалось составить списки работавших на предприятии „полужидков“ (именно так прозвучало в ответ на недоумённый переспрос сотрудницы первого отдела). Искренне возмущённая женщина, член КПСС, божилась, что не подозревала, как далеко зашло Советское государство в этом вопросе. Впрочем, откуда рядовому партийцу, убеждённому, что он состоит в самой интернационалистической партии на Земле, было знать о неистребимом антисемитизме руководства партии? „Момент истины“ наступил спустя двадцать лет. „...Гриф „секретно“ ставился даже на документах, которые не содержат сведений, составляющих партийную и государственную тайну, но раскрывают методы работы партийных комитетов. От коммунистов, т.е. от 20 миллионов членов КПСС, тем самым были засекречены даже „методы работы“ того райкома, в

котором они состояли на партийном учёте“ (П.Лукьянченко. „Почему отстаёт партия. Интервью ответственного работника аппарата ЦК КПСС Л.А.Оникова“. „АиФ“, 1989, №36 (465), с.1, 3). С наступлением перестройки произошла смена людей и лозунгов, но национализм партийной верхушки остался непоколебимым. Ленинградские райкомы продолжали маяться химерой жидомасонства (С.Яковлев. „Шесть месяцев в райкоме убедили меня: перестройка – хитрый трюк партаппарата“. Газета „Невское время“ 21.03.91, №34. С.1-2).

Поняв, что, несмотря на опубликованные 13 статей и авторское свидетельство, поступить в аспирантуру НИИ протезирования или написать диссертацию в качестве соискателя мне не дадут, я решил уйти из института. К этому времени был окончен Заочный политехнический институт, но наличие медицинского и инженерного дипломов всем моим начальникам, и, прежде всего, – директору, представлялось ненужным. Попытка получить вакантное место заведующего лабораторией рабочих протезов была Струковым безоговорочно отвергнута, а предложенная им нештатная должность зама в отделе протезов верхних конечностей не сулила прибавки к жалованию и вряд ли была бы утверждена Главком.

Случайно узнал, что в НИИ гематологии и переливания крови предстоит набор в аспирантуру по хирургии. Говорили, что научный руководитель ЛНИИГПК академик АМН СССР А.Н.Филатов благоволит к своим бывшим воспитанникам (в мои студенческие годы Антонин Николаевич возглавлял кафедру общей хирургии).

Для поступления в аспирантуру требовалась характеристика-рекомендация. Поскольку было ясно, что Струков добром не отпустит, предстояло придумать какую-нибудь уловку. Вскоре случай представился. Михаил Васильевич отбыл по делам в Москву. Его заместитель профессор С.Ф.Годунов, видимо, полагая, что документы оформляются для нашего НИИ протезирования, без звука подмахнул их. Визированную ВРИО директора характеристику парторг и профорг подписали, не задумываясь. На моё счастье документы были оформлены в двух экземплярах, но об этом

дальше.

В ту пору я с кандидатом физико-математических наук Л.Ш.Волохонским собирали материал для статьи о предельных возможностях замещения руки протезом. Кстати сказать, изыскания представляли интерес не только в прикладном, но и в философском плане. Наши выкладки убедительно говорили о необходимости разрабатывать методики пересадки кисти. С этим я и пришёл к академику Филатову, встретив полное понимание и поддержку.

Документы в аспирантуру приняли, но предложили сдать экзамен по хирургии и написать реферат по модной тогда теме о трансплантации костного мозга. Тут было определённое нарушение правил: у меня уже были сданы на пятёрки все три кандидатских минимума (правда, вместо хирургии – травматология). Имелась и опубликованная статья об изменениях показателей крови у инвалидов при нагрузках во время пользования протезами. При доброй воле приёмной комиссии её вполне можно было бы засчитать в качестве профильной для НИИ гематологии. Но с приёмной комиссией не поспоришь.

Без особых сложностей сдал в ГИДУВе экзамен известному профессору хирургии А.Г.Земляному. Но реферат... И тема не по душе, и представить его надо через месяц, в котором, словно назло, предстояла командировка в Новосибирск на четыре недели. Как говорится, всё повисло на волоске. Выручила великолепная новосибирская Академическая библиотека. Все вечера просиживал за монографиями, журналами, микрофильмами. Реферат представил вовремя. Мне выдали справку о зачислении в аспирантуру.

Глава 6. В НИИ ГЕМАТОЛОГИ И ПЕРЕЛИВАНИЯ КРОВИ

Струков был взбешён. Подписывая приказ о моём увольнении, он не замедлил раскрыть карты:

- Пока я здесь директор, ты нигде ни в какую аспирантуру не

попадёшь!

Утверждая, что моя характеристика поддельная, он затребовал её „для экспертизы“. В свою очередь директор ЛНИИГПК А.Д.Беляков заявил, что приказ о зачислении в аспирантуру им не подписан, а потому мне лучше всего забыть к нему дорогу. Правда, Струков вскоре вынужден был признать подлинность характеристики (ведь у меня на руках остался идентичный экземпляр, что исключало её уничтожение или порчу). Тем не менее Беляков оставался непреклонным. Сочувствующие мне оказать действенную помощь не могли. Нашлись и откровенно злорадствующие.

Это теперь я могу позволить себе сарказм, но тогда было не до смеха. Хотелось, если не найти выход, то хотя бы понять смысл происходящего. „Насчёт юдофобства я могу по своему опыту сказать, что в народе его нет. Оно всегда идёт сверху... Антиинтеллигентские настроения страшнее и шире, чем примитивное юдофобство, и они всё время дают себя знать во всех переполненных людьми учреждениях, где так яростно отстаивают своё право на невежество“ (Н.Мандельштам. „Воспоминания“. Журн. „Юность“, 1989, №8, с.39). Угу, а кто же творил погромы в царское время и во время Гражданской войны? Всё же я бы предостерёг от идеализации уровня национальной терпимости населения страны Советов: его слишком долго науськивали. Привести примеры? Пожалуйста: „безродные космополиты“, „жидо-массоны“ (терминология, известная на всей территории Союза), „и породнённые с ними лица“ (слоган „Памяти“).

Бог знает, как матери удалось пробиться в Смольный ко второму (тогда) секретарю обкома Г.В.Романову. Рассказав о сложившейся ситуации, она обмолвилась, что сын видит в этом проявление юдофобии. Романова передёрнуло:

- Ну вы же знаете, что у нас нет антисемитизма. Нет и быть не может!

- Я-то знаю, – не растерялась мать, – да вот сын не знает.

- Передайте своему сыну, что это обыкновенное проявление межведомственной борьбы за кадры. Мы разберёмся. Пусть он идёт и учится.

И, вызвав заведующего отделом здравоохранения, Романов поручил ему уладить дело. Тогда он ещё боялся сделанных в лоб обвинений в антисемитизме (о юдофобии Г.В.Романова см. в статье акад. Д.С.Лихачёва „Достоинство нации“. Газета „Смена“ 26.08.92, №196-197 (20246-20247), с.3).

Когда я вновь предстал перед Беляковым, выражение его лица счастье дружелюбным было бы опрометчиво. Мне предлагалось „устранить два новых препятствия“. Оказывается, в ЛНИИГПК накануне поступили компрометирующие меня письма из Псковского и Ленинградского протезных предприятий. Читаю: в первом утверждается, что я закоренелый прогульщик (вспомнили поездку в Ленинград во время болезни), в другом, что „покинул завод в трудный момент, переметнувшись в более престижную организацию“. И в каждом рефреном рассуждение о том, что „Фисанович вряд ли достоин быть аспирантом прославленного НИИ“. Вроде бы вздор, уши Струкова очевидно торчат из каждой строчки. Но Беляков твёрд: или заберут письма, или...

С письмом еду на Ленинградский протезный завод, нахожу одну из сотрудниц, подписавших этот „документ“. Рассказываю. Она меня прекрасно помнит – вместе работали. Её смущение сменяется негодованием. Так и есть, подмахнула, не глядя: был горячий день. Идём к директору, недавно вступившему в должность. Собирают подписавших письмо. Меня ещё помнят как хорошего специалиста, надёжного работника. Краткое изложение сути. Общее возмущение. Перед директором ставят ультиматум: клеветническую бумажонку – забрать!

Приезжаю в Псков. Крутой разговор с директором и профоргом Псковской протезной мастерской. Зачитываю письмо, их подписи. Требую показать приказ о прогуле. Долго роются в делах – приказа нет: прошляпили. Вынуждены отозвать письмо.

Приказ о зачислении в аспирантуру был отдан с опозданием на два дня, 03.09.69. Не без расчёта. Место в хирургической клинике ЛНИИГПК оказалось занятым очаровательной Р.Т.Скляренко. Меня сунули в лабораторию консервации органов и тканей по принципу: не нравится – уходи! Выбора не

оставалось.

Весь период пребывания в аспирантуре проходил под незримым, но пристальным надзором Белякова и недружелюбным оком сотрудниц лаборатории. К счастью, времени для выяснения отношений не оставалось. Новая для меня проблематика, поток литературы (перелопатил более 1500 источников, из них свыше 850 на иностранных языках); дежурства в операционной по забору тканей от внезапно умерших людей; овладение техникой микроскопического исследования крови и костного мозга; освоение морозильных аппаратов, работающих на жидком азоте. Три языка – в первый год английский, во второй – немецкий, в третий – французский (пусть поверхностно, но позволило самостоятельно переводить, обложившись словарями). Девятнадцать публикаций, изобретение, рацпредложения. Да ещё поиск новых методик, например, кристаллографии внутриклеточного льда при различных режимах замораживания или рентгеноструктурного анализа ассоциаций воды в клетке и т.п. Приходилось выискивать профильные кафедры, НИИ и КБ, убеждаться в неосуществимости этих методик в наших условиях и докладывать об этом руководителю моей диссертационной работы профессору П.М.Медведеву, что тоже было весьма непростым делом.

Диссертацию всё же написал за полгода до срока. Не без „военной хитрости“. Увильнул от навязываемой мне Медведевым главы, доказывающей трансплантационную эффективность консервированного костного мозга. Дело в том, что мы тогда ещё не располагали радиоиммунологическими методиками для доказательства приживания костного мозга. Имеющиеся же методы были неубедительными, и городить заведомо уязвимую чушь не хотел. Обошлось. Предзащиту прошёл успешно.

Аспирантуру окончил, а рабочего места в институте мне не нашлось. Об этом задолго до выпуска меня с нескрываемым удовольствием известили в дирекции. Два месяца ушло на поиски работы. Начмед ЛНИИГПК А.И.Гербут, бывший военный врач-морьяк, по своей инициативе обзвонил почти все

больницы города, давал обо мне хвалебные отзывы.

Встречали хорошо. Бегло просмотрев документы, застревали на отчестве „Израилевич“. Рекомендовали позвонить, э-э-э..., через дня три-четыре. Спустя три дня вожделенная ставка оказывалась аннулированной, или занятой более опытным хирургом, или разделённой между внутренними совместителями. Обошёл весь Ленинград. Наконец, в зачуханной больнице №17 „В память 25-го Октября“ на Лермонтовском, где нехватка врачей была столь же постоянным атрибутом, как и обваливающаяся штукатурка, главврач Творадзе после четырёхдневного раздумья сказал, что возьмёт меня на женскую хирургию. И неожиданно добавил:

- Всё понимаю. Если станут обижать по национальному вопросу, обращайтесь ко мне. Буду защищать.

От удивления я неприлично долго смотрел на него. Затем ответил, что постараюсь защитить себя сам. Стало быть, тогда до меня ещё „не дошёл“ смысл происходящего. Нужно было ещё какое-то время для осознания типичности и закономерности этих событий, что теперь так будет всегда.

Моё невежество в клинической хирургии было вопиющим: и что знал – забыл в ЛНИИГПКе. Но, клянусь, трудолюбивее меня работника у Творадзе не было. Ежедневно уходил после 20⁰⁰, обиходив „контингент“, состоявший на 99% из глубоких старух. А их было до сорока-сорока двух вместо положенных на ставку двадцати-двадцати пяти. Впрочем, перегруз, пусть не полностью, но оплачивали. Не вылезал из перевязочной и операционной. Постепенно стал овладевать диагностикой и оперативной техникой, выполнять первые самостоятельные операции.

Спустя четыре месяца в больницу позвонил профессор Медведев и потребовал, чтобы я вернулся в ЛНИИГПК: он де „перехватил“ вакансию в лаборатории искусственной почки (правда, на неё никто не претендовал). Многозначительно закончил:

- Не мешкайте! Иначе вам будет трудно защитить диссертацию.

Ах, чтоб тебя!.. Ведь только начал здесь осваиваться. Да и зарплата в больнице (с учётом дежурств и перегрузки) заметно

больше. Иду к главврачу, ожидая кавказского взрыва эмоций. Творадзе только разводит руками:

- Когда надо быть в институте?

Через день в должности младшего научного сотрудника чищу искусственную почку. Лабораторией руководит отставной полковник доцент Деньмухаммедов – барин и сибарит, но дело знает. Носится с идеей создать малогабаритное („карманное“) устройство, позволяющее больному при подключении свободно перемещаться по больнице и вне её. Кстати сказать, такое устройство было создано в конце восьмидесятых годов за рубежом. Курьером циркулирую между лабораторией и каким-то сверхсекретным НИИ (по слухам, работавшим на космос) – вожу чертежи, драгметаллы (в „микропочке“ катализатором служила платина), модели. Меня, правда, и на порог не пускают (все контакты с совместителями происходили на огромном, как паперть, крыльце этой сверхсекретной организации), но всё же... Участвую в экспериментах на собаках с применением экспериментальных моделей почки. Дважды ассистирую при подключении настоящей искусственной почки тяжёлым больным. Трудоёмкая изнурительная работа заканчивается безуспешно – больные погибают. Малогабаритные экспериментальные модели тоже неэффективны.

По институту настойчиво распространяется слух о предстоящем закрытии лаборатории. Деньмухаммедову инкриминируют „беспочвенность научных планов, отсутствие клинически значимых результатов, разбазаривание дорогостоящих материалов“ – речь идёт о выше упомянутой платине. Специально созданная комиссия допрашивает сотрудников, роется в историях болезни и в протоколах опытов, не брезгует „клубничкой“. Кому-то очень хочется закрыть лабораторию. По сути, Деньмухаммедов борется в одиночку: мы – младший персонал – запуганы, не знаем подноготной событий. Деньмухаммедова увольняют, лабораторию расформируют, её сотрудников передают в штат хирургической клиники.

Защита диссертации. Все двадцать шесть „за“. Поздравления. Ресторан отпадает. Только что опубликовано Брежневское постановление о борьбе с пьянством – уволят в два

счёта. Через 7 месяцев получаю подтверждение, а с ним и прибавку к зарплате. Теперь 150 рублей в месяц.

Примерно в это время произошло событие, о котором стоит рассказать подробно. Поздно вечером я с женой возвращался из театра. Выходили не спеша, последними. На остановке почти никого. Наконец, подошёл троллейбус. Какой-то пьяненький старикашка застрял перед дверью – никак не мог закинуть ногу на первую ступеньку. Бережно посадил пенсионера. Жена вслух одобрила поступок Тараса Израилевича. Вошли. Вдруг старикан заорал:

- Не смей прикасаться ко мне! От тебя чесноком воняет!

Мы с женой недоумённо переглянулись. Дед бредит: чеснока в нашем доме не было, как минимум, полгода. А старикашка, подстёгиваемый гаденькими ухмылками немногочисленных пассажиров, продолжал надсаживаться:

- Вздёрнуть бы всех вас! Спалить в крематории!

Только тогда до меня стало доходить, что этот пьянчуга – недобитый фашист – изголяется по поводу моего еврейского происхождения. Его надо задержать! Предупредив водителя, чтобы он остановил троллейбус у первого милиционера, удерживаю пытающегося улизнуть на очередной остановке юдофоба. На меня угрожающе рычат пассажиры. Наконец, милиционер.

Выволакиваю перетрусившего упирающегося антисемита. За нами вываливаются пассажиры. Жена и я наперебой объясняем суть дела. Милиционер, усмехнувшись, предлагает „разойтись с миром, пока не поздно“(!). Пассажиры в один голос заявляют: если старика арестуют, они дадут показания, что я первый напал на него. Более того, засвидетельствуют, что я его избивал. Жену трясёт. Она срывается на крик:

- Какие же вы все подлецы!

На лицах наших попутчиков читается удовлетворение. Они откровенно торжествуют победу над жидомасонами. С трудом уговариваю жену уйти. Объясняю: у нас нет выбора. Нам не добиться правды ни в глазах ленинградской общественности, ни в органах правопорядка, ни в суде. Более того, могут сфабриковать дело и посадить в тюрьму, и сделают это с

превеликим удовольствием.

Так моя жена – русская – впервые испытала „аромат“ антисемитизма. Срывающимся голосом она рассказывала свекрови о случившемся с нами „приключении“. Впервые мать не стала говорить о „невозможности у нас этих явлений“. По её настоянию было подано заявление о перемене отчества. По всей вероятности тут-то и было использовано метрическое свидетельство времён оккупации немцами Харькова.

Через два месяца заявление было удовлетворено: в паспорте было написано „Ильич“. Однако бдительное око нашего интернационального государства не разрешало делать соответствующие изменения в других документах. В дипломе и в трудовой книжке по-прежнему значилось „Израилевич“: эти документы обмену не подлежали. Где бы я ни работал, благодаря общительности сотрудниц отдела кадров об этом в конце концов становилось известно коллективу. Коллеги как бы невзначай, нет-нет, да и повеличают меня „Тарас Израилевич“. Некоторые сотрудники не стеснялись просвящать пациентов. Таким образом, я приобрёл надёжный индикатор антисемитизма.

Называя всё своими именами, должен сказать, что изменение отчества было „страусиной“ попыткой уйти от действительности, и я стыжусь этого поступка.

- Вы чувствуете себя виноватым?

- Немножко...

- В том, что вы еврей?!

- Они говорят про нас такие гадости, а возразить невозможно...

(А.Миллер. „Это случилось в Виши“. Пьеса, II акт).

И всё ж таки, возражать необходимо. Пусть с опозданием, но не молчать. И эти строки – с этой целью.

В хирургической клинике надо мной взял шефство К.Ю.Литманович, ученик академика А.Н.Филатова, известный сосудистый хирург, доктор наук. Ранее помогавшая ему Скляренко после защиты ушла на кафедру, и он искал

ассистента. Он брал меня с собой на выездные операции, научил артерио- и аортографии, заговаривал о докторской диссертации.

Однажды, оставшись наедине, Литманович завёл со мной разговор на ранее никогда не возникавшую тему. В своей обычной манере, не глядя в лицо собеседнику, Литманович обронил безучастным тоном:

- Знаешь, Тарас, когда больные мне говорят: „Не знаю, как и благодарить вас, доктор!“ – я отвечаю: „С тех пор, как изобретены деньги, вопрос о благодарности перестал вызывать затруднения“.

Я замер. На фоне только что прошедших в городе судебных процессов над взяточниками для меня всё было кончено. Западня. Согласись я брать у больных деньги для Литмановича, кончу тюрьмой, откажись – работы в клинике мне не будет. И, отрезая себе дорогу к отступлению, ответил:

- Уж коли Углову за взятки вязы скрутили, то от меня и мокрого места не останется. (Незадолго перед этим академика АМН СССР Ф.Г.Углова обвинили во взяточничестве и отстранили от руководства кафедрой хирургии I ЛМИ им. И.П.Павлова).

Литманович промолчал.

Вскоре под любыми предложениями меня стали отстранять от операций. Однокурсник Литмановича профессор А.А.Клемент, подводя итоги обсуждения больных, идущих на операцию, грассировал:

- Мон шер, этого больного оперирует Горбунов (Ханина, Волкова, Осипов, Терёхин, Каргин).

Клемент полгода стажировался во Франции и вернулся совершенным парижанином.

- Но ведь это мой больной! И я уже делал такие операции!

- Вот и хорошо, мон ами, будете ассистировать Терёхину (и т.д.). Ведь и ему нужно делать такие операции.

Так продолжалось с год, пока я напрямик не спросил Литмановича, что происходит? Литманович, не глядя мне в лицо, промямлил:

- Знаешь, Тарас, тебе здесь не дадут оперировать...

- Но почему?!

- Ну, не дадут, и всё.

Однако стали допускать к операциям, понемногу, но стали. И даже к приближающейся переаттестации на должность младшего научного сотрудника Клемент написал мне вполне приличную характеристику. Но тут я совершил окончательный faux pas.

Шло производственное совещание. Как председатель группы народного контроля, я отчитывался за год. Среди прочего отметил участвовавшие жалобы больных на постоянные денежные поборы за перевязку, за перестилку кровати, за принесённую „утку“, за пропуск посетителей в неурочный час, и проч., и проч. По наступившей гробовой тишине понял: теперь, действительно, всё!

Через день на собрании врачей отделения выступили Осипов, Горбунов, Ханина (эти трое – мои однокурсники), Каргин, Веденский, Клемент. За очевидной ненадобностью в ещё одной „отлупной“ речи Литманович отмолчался. Лейтмотив выступлений: Фисанович хороший человек, прекрасный учёный, великолепно относится к больным, но... не хирург. Посмотрите, как мало у него операций. Сплошные ассистенции.

На пытавшихся меня защитить старшего научного сотрудника Е.А.Сенчило и младшего научного сотрудника М.В.Волкову попросту не обратили внимания. Объединённый жаждой самоочищения коллектив отторгал инородное тело. Мне предлагалось перейти в одну из лабораторий ЛНИИГПК. От предложенного мне слова я отказался: бессмысленно.

Директором ЛНИИГПК в то время стал мой однокурсник и соученик по аспирантуре В.Н.Шебалин. После защиты диссертации он шёл торным путём: старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, учёный секретарь института, освобождённый парторг. Спешно заканчивал докторскую. Всё это за какие-то три года. По слухам, в нём был заинтересован райком партии. В последующие годы он занимал высокий пост в Минздраве страны, член-корреспондент АМН СССР, один из давших губительно отрицательный отзыв о разработанной в СССР и столь необходимой клиницистам „голубой крови“.

Так вот, пошёл я к Шебалину и то ли по какой-то фразе, то ли по выражению его лица понял: он всё знает, но делает вид, что не осведомлён. Разговор по душам, очевидно, не имел смысла. С явным облегчением он согласился предоставить мне двухмесячный (!) срок для поисков работы. Обещал ускорить отправку в печать статей, задержанных Клементом. Тут же подписал два рацпредложения.

Глава 7. ВОЕННО-МОРСКОЙ ГОСПИТАЛЬ

Два месяца поисков работы проходили по известному стереотипу. Вроде бы место есть. Просмотр документов: „Позвоните через несколько дней“, – и места нет. То ли прорезалось обострённое чувство „пятого пункта“, то ли звонили в ЛНИИГПК и полученная там информация перечёркивала надежду на трудоустройство. Вспомнилось, как полгода назад находился на воинских сборах в I Военно-Морском ордена Ленина госпитале. Зарекомендовал себя хорошо, много работал, постоянно участвовал в операциях, продемонстрировал разработанную в ЛНИИГПКе технику удаления вен.

Начальник 1-го отделения полковник А.Ф.Кондратюк, у которого проходил сборы, тотчас уладил вопрос с приёмом на работу. Во время собеседования с начальником госпиталя Г.Б.Скляровым и начмедом К.К.Рыжковым было решено, что пока поработаю в первом хирургическом отделении у Кондратюка, где преобладали костные операции, а при появлении вакансии перейду во вторую хирургию – полостную. Так начался более чем одиннадцатилетний период работы во ВМОЛГе.

В этом госпитале порой случались удивительные встречи. Подводник Фисанович был известен многим отставным и состоящим на службе морякам. Ко мне время от времени подходили ветераны, хлопали по плечу и рассказывали о совместной с отцом службе на Тихоокеанском или Черноморском флотах (отец там никогда не служил). Я сохранил

вежливую невозмутимость, зная, что память и самолюбие старых людей опасная и неуправляемая комбинация.

В 1979 году в госпитале умер от рака желудка дядя Валя, соратник отца, вице-адмирал в запасе В.Г.Стариков. Ещё в 1954 году он подарил мне свою книгу „На боевом курсе“. К сожалению, в ней нет ни слова об отце. В госпитале разыскал меня контр-адмирал в запасе Н.Ф.Богуславский, бывший в курсантские годы отца командиром его взвода. На первой хирургии мне довелось лечить контр-адмирала в запасе З.М.Арванова, знакомого с отцом и матерью в годы войны. Тогда лейтенант Арванов предложил, чтобы возвращающиеся в Екатерининскую гавань подводные лодки салютовали холостым пушечным выстрелом при торпедировании вражеского судна – „залп победы“, прозвучавший после походов отца 14 раз.

Там познакомился со мной капитан 1-го ранга в отставке М.Ф.Вайнштейн, друг А.И.Маринеско. Подаренную им книгу А.Крона „Капитан дальнего плавания“ бережно храню. Маринеско умер в 1963 году в 1-м хирургическом отделении ВМОЛГа. Неприкрашенные рассказы о нём Вайнштейна и некоторых сотрудников первой хирургии, работавших в те годы в госпитале, рисовали сложный, противоречивый и порой трагикомический облик человека, существенно отличавшийся от многочисленных публикаций пропагандистского характера.

Запомнился мне отставной контрразведчик, балтиец, капитан 1-го ранга Манухин. Во время разговора его лицо постоянно нервически подёргивалось, неожиданно превращаясь в гримасу дикой злобы или ненависти, что вызывало ужас у собеседника. Невольно думалось, как же себя чувствовали допрашиваемые им люди.

Как-то на моём дежурстве скорая помощь доставила с почечной коликой ещё одного знакомого контрразведчика, дядю Севу. К его большому удивлению колику удалось в считанные минуты купировать новокаиновой блокадой.

В эти годы в госпитале лечились артисты шефствующего над нами театра им. Ленсовета И.П.Владимиров и М.С.Боярский, поэт-балтиец В.Б.Азаров, писатель-маринист бывший командир подводной лодки „Пантера“ И.А.Быховский

и много других интересных людей.

Довелось повстречать и некоторых бывших сотрудников. Как-то во время дежурства забежал на терапию. Подошла посетительница и начала говорить, чтоб не сердился на неё: мол, нет её вины в моём уходе из ЛНИИИПКА. Не сразу узнал в ней старшую сестру хирургической клиники института – постарела.

В памяти всплыл эпизод. Только что закончилось изгнание меня из хирургии собрание. В одиночестве курю у окна. Слышу в группке стоящих поодаль сестёр её глумливый голос: „Фисанович, Литманович... Много их тут развелось!“. Ну, о чём мне с ней разговаривать?

- Извините, спешу к тяжёлому больному.

Однажды позвонили из кардиологического отделения.

- Вас просит зайти бывший директор НИИ протезирования, полковник Струков.

- Что с ним?

- Да ничего хирургического, гипертония. Выздоровливает. Скоро выписывается...

- Ну, и слава богу.

Когда начались бои в Афганистане, к нам стали поступать раненые. Через мои руки прошло немало искалеченных солдат и офицеров. Их не надо было расспрашивать: пережитые ими стрессы, чудовищные подробности боевых действий и быта „ограниченного контингента“ неудержимо изливались из них сами собой.

Зачастую молодые люди (это особенно отчётливо проявлялось во второй половине Афганской эпопеи) были деморализованы, озлоблены, развращены, поголовно пили. Многие увлекались наркотиками и страдали половыми извращениями, зверски избивая свои жертвы – обычно новобранцев из среднеазиатских республик и кавказских автономий, не прошедших афганскую „школу“. Порой, убегая в город, они участвовали в грабежах. Дело дошло до того, что двое подвыпивших „афганцев“ побили нового начальника госпиталя полковника В.А.Егоренкова. ЧП замяли.

Командование госпиталя практически ничего не предпринимало по отношению к нарушавшим дисциплину

„афганцам“, не реагируя на наши сообщения об их выходках, возможно, ради служебного спокойствия. Во всяком случае никто не был привлечён к уголовной ответственности. И вообще, работа в госпитале порой ставила перед персоналом морально-этические проблемы, правильное решение которых далеко не всегда удавалось найти.

Спустя месяц с небольшим после того, как я приступил к работе, в госпиталь поступил командир полигона, расположенного под Пятну в Эстонии, контр-адмирал И.И.Криворучко. У него был вывих бедренной кости, выраженный запах алкоголя. Будучи за рулём, он выехал на встречную полосу и лоб в лоб столкнулся с встречным автомобилем. Находившаяся на заднем сидении той машины женщина лицом ударилась о затылок сидевшего перед ней семнадцатилетнего сына, убив его на месте. Получил серьёзные травмы и сидевший за рулём муж.

Как полагалось, отметив в истории болезни алкогольное опьянение (мою наивность незамедлительно исправили, переписав историю болезни), оказал адмиралу необходимую помощь. Ночью был вызван к нему повторно. Окружённый офицерами, крепко подшафе, адмирал куражился:

- Посиди со мной, доктор, выпей, (мать-перемать!)...

Утром следующего дня Криворучко впал в меланхолию: молодой лейтенант из ГАИ не сомневался в виновности адмирала. Тотчас многочисленные доброхоты добились передачи дела в военную прокуратуру, где оно было тихо похоронено. Впрочем, Криворучко не сомневался в таком исходе. Густо выдыхая коньячный перегар, он говорил мне:

- Уж если Юдину (фамилию могу перепутать) сошло, (мать-перемать!), то мне, и подавно, ничего не будет!

Многочисленное окружение адмирала охотно пояснило, что в недалёком прошлом по пьянке некий адмирал Юдин (?) приказал матросу-шофёру сесть на место пассажира, сам повёл машину и „срезал“ толпу на автобусной остановке – шестерых насмерть. Дело, тем не менее, замяли.

Спустя два года мне несколько раз довелось консультировать цветущую молоджавую женщину – директора

гастронома, располагавшегося где-то на углу Суворовского и одной из Советских улиц. Контр-адмирал Петров, влиятельный чин командования Ленинградской военно-морской базы, „попросил“ (на флоте это дипломатическая форма приказа) поместить её в госпиталь, выдав за родственницу. Будучи в подпитии за рулём, директриса сбила пешехода и скрывалась от дознавателей ГАИ в одном из терапевтических отделений с неубедительным диагнозом сотрясения мозга в ожидании, когда её дело будет улажено.

Часто во ВМОЛГе укрывался от тягот курсантской жизни внук Главнокомандующего ВМФ адмирала С.Г.Горшкова. Перед юношей лебезило всё госпитальное начальство. Рассказывали, что во время недавней практики на крейсере Горшков-внук, наскучив Балтийским морем, позвонил бабушке в Москву – мол, устал, надоело. Супруга Главнокомандующего тотчас связалась с оперативным дежурным по Балтфлоту, и крейсер в разгар манёвров был отправлен в Болгарию. Скандал со срывом учений замяли.

Как-то, перекладывая с каталки на койку тяжело раненного „афганца“, я попросил помочь его соседа по койке – курсанта училища им. Фрунзе Ушакова (впрочем, за давностью, в названной фамилии не уверен). Курсант уже выздоровел, назавтра выписывался, а персонала поблизости не оказалось. В коридоре на меня коршуном налетел недавно заменивший Кондратюка полковник В.К.Тимофеев. Как оказалось, курсант был родственником генсека КПСС Л.И.Брежнева, и к работам привлекать его не полагалось. А я-то не знал первого и совершенно не предполагал второе. На следующий день с утра опять предстояло везти раненых на перевязки и опять рядом никого из персонала не было. Курсант сам вызвался помочь и, прямо скажу, мне это показалась естественным. Вдвоём мы перевезли в перевязочную и обратно больных всей палаты.

Были и коллективные пьянки, и вечера дружеского интима с сёстрами, устраиваемые администрацией ВМОЛГа московским инспекторам за счёт наших „добровольных“ взносов и, частично, госпитального бюджета, особенно участвовавшие перед Горбачёвским антиалкогольным постановлением. Пьянки

были и потом, поскромнее, организуемые более скрытно. Из аптеки госпиталя накануне каждого выходного поставляли пол-литра спирта замполиту Титлянову. Остальные по возможности тоже „экономили“ спирт. Напивались до безобразия. Засыпали, закрываемые „от греха“ в подсобках сердобольными сёстрами. После „сабантуя“ в том или ином отделении накануне праздников можно было наблюдать, как бредёт по стенке через двор госпиталя в свой кабинет начмед Рыжков. Я был свидетелем сцены, как находившийся на лечении в госпитале тесть командира базы, пребывая в состоянии скотского опьянения, явился накануне Нового года в приёмный покой ставить по стойке смирно дежурных офицеров. И что вы думаете: куражащегося старика с ухватками подзаборного люмпена ответственный дежурный (полковник!) почтительно сопроводил до палаты.

Конечно же, не следует думать, что госпиталь служил исключительно сомнительным целям. В нём лечились на законных основаниях действительно больные люди: военнослужащие, отставные офицеры и адмиралы, прямые родственники состоящих на военной службе флотских офицеров (что соответствовало приказу Министра Обороны), изредка – сотрудники ВМОЛГа и члены их семей, получая действительную квалифицированную помощь. Но, что было, то было...

Работа в госпитале оплачивалась несколько выше, чем в ЛНИИГПК. Для меня это было весьма кстати: родилась Анютка, и жена более года пестовала её безденежно (закон о полуторалетнем пособии был принят позднее). Я брался за любое совместительство, перехватывал дежурства у уважаемых сотрудников, оберегавших себя от перегрузок, рад был любой „халтуре“.

Небольшим, но надёжным подспорьем в эти годы стало преподавание хирургии в 7-м медучилище и на кафедре Гражданской обороны Института советской торговли. Госпиталь ежегодно заключал с ними договор, предоставляя помещение и персонал. Приходя к нам в отделение, учащиеся присутствовали на операциях и перевязках, привлекались к заготовкам перевязочного материала, обработке инструментов,

уборке помещений. Высвободив десяток-другой минут, мы проводили с ними занятия, разъясняли увиденное.

В очередной сентябрь учащиеся не явились: начальник ВМОЛГа полковник Склярлов не подписал договор. Бегу к нему – что случилось? Ответ недвусмыслен:

- А что будет иметь госпиталь от ваших занятий?

Что-то лепечу насчёт помощи в уборке отделения. Склярлов откровенно фыркает. Собираю заинтересованных в преподавании коллег. Прикидывают: из двадцати-тридцати рублей в месяц „отстёгивать госпиталю“ надо будет не менее половины. Нет смысла.

Договор Склярлов расторг окончательно. Так бесславно оборвался мой педагогический стаж.

Беда не приходит одна. Дежурю. Поступает военный строитель Гриц. Месяц назад Тимофеев безуспешно пытался разогнуть ему повреждённый в детстве палец. Палец опять согнулся, но шансы не потеряны. Нужна повторная операция. Направляю Грица в отделение и, „зашившись“ с наплывом больных, допускаю оплошность: не успеваю проследить, чтобы его поместили в мою палату.

Через день Грица оперирует К.К.Пачулия, профорг нашего отделения. Ассистирую. Обезболив, она производит разрез, применяемый для удаления пальца. Хватаю её за руку – как можно! Она хладнокровно объясняет, что план операции разработан начальником отделения Тимофеевым. Долго уговариваю её изменить план операции, попытаться спасти палец, и ничего не добившись, завершаю операцию сам. Палец разогнут и способен к полноценным движениям несмотря на сделанный Пачулией первый, калечащий разрез.

В операционную входит Тимофеев. Он полон амбиции, он разъярён. К чёрту палец! Какие там ещё движения?! Как я посмел послушаться его приказа?! Пытаюсь объяснить:

- Смотрите: палец разогнут, работоспособен! Большой сам активно сгибает и разгибает его во всех суставах. Как же можно его ампутировать?

Насупившись, Тимофеев уходит. Через час, когда, закончив запланированные на день операции мы с Пачулией входим в

ординаторскую, он объявляет о своём решении на год отстранить меня от участия в оперативной работе, о чём намерен немедленно доложить командованию госпиталя.

Как известно, ворон ворону глаз не выклюет. Не надо быть провидцем: как бы я не объяснял свои действия в операционной, вопреки моей правоте администрация безусловно поддержит решение начальника отделения. И потому, смиряя себя, заверяю Тимофеева в том, что впредь никогда не отклонюсь от его указаний и прошу считать инцидент исчерпанным. Полковник демонстративно неподатлив, но, наконец, уступает. Я по-прежнему буду оперировать – и палец спасён! Но пусть Тимофеев не надеется: несмотря на обещанное смирение совершать операции, противоречащие моим представлениям о долге врача, никогда не буду. Это уж во всяком случае...

В дальнейшем отношения с Тимофеевым не складывались. Частенько мои операции „уплывали“ к Пачулии, и ничего нельзя было поделывать. Когда открылось отделение гнойной хирургии, я с облегчением перешёл туда.

К тому времени я окончательно убедился, что меня никогда не переведут на полостную хирургию. Ранее обещавшие перевод Скляр и Рыжков ушли в запас. Новый начальник госпиталя В.А.Егоренков не переносил ушиблённых пятым пунктом сотрудников, как говорится, „на дух“, и пресекал любые попытки объясниться с ним по этому вопросу. Новые же начальники хирургических отделений В.К.Тимофеев и К.Ф.Харевов были приятелями и по взаимному согласию активно препятствовали осуществлению моих намерений. Справедливости ради следует сказать, что при моём объявлении о переходе в отделение гнойной хирургии Тимофеев в конфиденциальной беседе просил меня остаться в травматологическом отделении. Согласно поговорке „хрен редьки не слаще“, что гнойная хирургия, что травматология были далеки от желаемого. Зато, с переходом я, по крайней мере, избавлялся от Тимофеева.

При формировании отделения гнойной хирургии в её персонал выделяли сотрудников из других отделений зачастую по известному принципу: на тебе, боже, что мне не гоже. К

примеру, старшая сестра Л.В.Тихонова, с откровенными замашками дамы полусвета, даже по столь незначительному поводу, как пятиминутная задержка с составлением выписки из истории болезни, могла заорать на всю ординаторскую: „Тарас Ильич, прекратите ваши еврейские штучки!“ – и пустить матерок. Обращаться к начальству или к замполиту с просьбой пресечь хамство выглядело бы нелепостью: коммунисты-интернационалисты в погонах даже не скрывали усмешки.

Прошло полгода. Осень. Начальник отделения гнойной хирургии в отпуске. Единственный врач в отделении – замещаю его. Верчусь как белка в колесе. Операции, перевязки, поступающие и выписывающиеся больные, „афганцы“ с их непрерывными пьянками, извечные проблемы персонала и материального обеспечения. Как-никак сорок больных, двенадцать сотрудников.

День плановых операций. Не тяжёлые, но накопилось много. Освободился к двум часам. Обошёл больных. Есть новенькие. Среди них рядовой Петришин восемнадцати лет. Служит первый год. Объясняет: три дня назад упал с турника, ушиб руку. У основания большого пальца довольно большой гнойник – нагноилась гематома. Петришин поступил в 11 часов. Дежурному хирургу не грех бы им сразу заняться, но оставил мне. Вскрыв и дренировав гнойник, отправляю Петришина в палату. Назначаю антибиотики широкого спектра. Посевы гноя придут через три дня; тогда, исходя из данных о чувствительности к конкретным антибиотикам, можно будет уточнить назначения.

Ночью к Петришину вызвали дежурного: у него возникли сильные боли, не проходившие после введения обычных обезболивающих. Дежурный хирург распорядился ввести наркотики. Рану не осмотрел. Утром на перевязке я заподозрил газовую гангрену. Вызвал ведущего хирурга госпиталя Харебова. Он пришёл через четыре часа. Вместе ещё раз осмотрели рану. Харебов отверг мои предположения, порекомендовал увеличить разрезы, увеличить дозу назначенных ранее антибиотиков, внутривенно ввести солевые растворы и глюкозу с витаминами. Выполнили. Больному вроде

бы полегчало. На следующий день газовая гангрена не вызывала сомнений.

Петришин плох. Добиваюсь экстренного перевода больного в палату реанимационного отделения. Там его осматривают Харебов и Тимофеев. Назначают новейшие антибиотики, интенсивную дезинтоксикацию, стимуляцию сердца, печени, почек. Я дежурю. Со мной дежурит реаниматолог. Всю ночь мы бьёмся над Петришиным, проводя комплексное лечение по намеченному консилиумом плану. Больной вял, безучастен. К утру на глазах желтеет, перестаёт мочиться. Повторный консилиум. Тимофеев и Харебов ампутировали Петришину руку. Поздно. Через два часа он умирает.

По свежим следам анализируем проведенное лечение. И тут выясняется, что введённая Петришину глюкоза содержала разнообразные микробы, причём некоторые из них способны вызвать газовую гангрену. Эта глюкоза уже привела к осложнениям в отделении пульмонологии. Больного там едва откачали. По келейному указанию администрации госпиталя эту серию глюкозы изъяли во всех отделениях кроме нашего: наше недавно сформированное отделение с непривычки забыли. В дальнейшем микробиологическими исследованиями было доказано, что микрофлора в глюкозе частично совпадала с бациллами, высеянными из тканей ампутированной руки.

С приехавшими родителями Петришина состоялся трудный разговор. Результаты анализов ещё не были известны, да и вообще, что можно сказать родителям, потерявшим восемнадцатилетнего сына, ещё три дня назад полного энергии и жизнерадостности. Кроме того, инфицированность глюкозы и смерть Петришина связаны между собой, строго говоря, неоднозначно, поскольку гнойник образовался до назначения инфузии. Скорее всего, введение глюкозы увеличило тяжесть заболевания, но доказать это невозможно. Однако, вина администрации в сокрытии ЧП с глюкозой и в опоздании с её изъятием была несомненной. Так я оказался нежелательным свидетелем. Военная прокуратура вновь оказалась на ожидаемой высоте и, несмотря на неоднократные требования родителей Петришина разобраться, прекратила дело без

последствий для госпиталя.

Прошло несколько месяцев. 19 июня 1987 года ВМОЛГ отмечал День медработника. На торжественном собрании персонала госпиталя меня наградили медалью „Ветеран труда“, выдали небольшую премию, вручили похвальную грамоту за активное участие в рационализаторской работе. Обилие моих наград нервировало некоторых сестёр гнойной хирургии. Больше всех злобилась Евгения Оганесова из перевязочной:

- Евреям всегда везёт. Ну, погоди ж!..

После собрания все разошлись по рабочим местам. Сёстры затеяли чаепитие. Мы с начальником собрались домой. Вдруг в ординаторскую вбегает дежурная сестра – у недавно прооперированного больного кровотечение. Мы с начальником переглянулись. Дело нешуточное. С обширным гнойником вокруг почки место больному в урологическом отделении. Но начальник урологии ошибся в диагнозе и не внял нашим возражениям. В результате больного пришлось госпитализировать в отделение гнойной хирургии якобы с банальным абсцессом поясничной области. Во время вскрытия и дренирования абсцесса гнойный паранефрит был подтверждён. Что происходит теперь? Неужели воспаление разрушило крупные кровеносные сосуды, питающие почку? Тогда смерть! Всё это мигом прокручивается в наших головах.

Начальник:

- Тарас Ильич, больного срочно в перевязочную! Постарайтесь тампонировать рану, а я займусь кровью.

Бегу в сестринскую. Там в кругу сестёр чаёвничает Оганесова.

- Женя, кровотечение! Срочно в перевязочную!

Она надменно кривит губы. Нарочито медленно цедит в ответ:

- Я пью чай! Вот допью и приду...

Должен сказать: к тому времени многолетний опыт убедил меня в том, что у врача нет более опасного, более безжалостного и наименее наказуемого врага, чем обнаглевший средний медперсонал. Вижу, настаивать бесполезно, напрасная трата драгоценного времени. Хватаю каталку, один перекладываю

тяжеленного больного. Он пытается мне помочь, но я запрещаю ему шевелиться. Везу в перевязочную, приступаю к перевязке. Кровит здорово. Осушив, пытаюсь осмотреть рану. Куда там: рана мгновенно заполняется кровью. Нехватает рук. Необходимы сменные тампоны. Тут бы сестру...

Входит Оганесова, но помогать не собирается. Форсирует голос:

- Я запрещаю (!!) вам без меня перевязывать!
- Некогда, Женя. Подавай тампоны...
- Никаких тампонов я вам не дам! Прекратите хулиганить!

Нелепость ситуации и неуместность фразы меня не удивляют: вздорный характер малограмотной Жени известен всем сотрудникам. Сейчас не до споров. Бросаюсь к столу с перевязочным материалом. Нужно взять побольше тампонов. Оганесова выхватывает у меня из рук корнцанг – длинный прочный металлический зажим. Я охотно уступаю, полагая, что она, наконец, начнёт выполнять свои обязанности.

Внезапно Оганесова наносит мне удар корнцангом по лицу. Одно стекло очков вдребезги. Ещё удар. Второе стекло выпадает из покорёженной оправы и катится под стол.

- Немедленно прекрати!

Закрываю лицо рукой. На руку обрушиваются осадняющие кожу удары. Нет сомнений: у неё истерика. А больной на перевязочном столе. Теряет кровь! Выйти бы, позвать кого-нибудь на помощь хотя бы для того, чтобы уняли Оганесову. Но нельзя: „фукнет“ почечная артерия – больной умрёт в считанные мгновения. И не оправдаешься, почему покинул истекающего кровью человека. Надо продолжать перевязку. Для этого прежде всего необходимо уговорить Оганесову, прекратить её истерику любой ценой.

Крепко шлёпаю Оганесову по щеке. На миг она цепенеет. Удивлённый, что-то соображающий взгляд. Зачем-то срывает с меня сломанную оправу очков и с воплем: „Он ударил женщину!“ бежит к замполиту.

Наконец-то могу закончить перевязку. Стряхиваю стёкла с лица, обрабатываю руки, склоняюсь над раной. Видимо, больной тоже выделил адреналин – рана посуше. Обслежую её.

Нет, сосуды целы. Обильно кровоточат пышно разросшиеся грануляции: больной скоро пойдёт на поправку.

Закончив перевязку, я доложил начальству о произошедшем. Мне демонстративно не верят, ссылаются на то, что версия Оганесовой полностью противоположна. Многократно опрашивают единственного свидетеля – больного, заставляя его изменить показания в пользу Оганесовой. Но даже в сглаженном варианте его рассказ подтверждает мои слова. Да и медсёстры припомнили предшествовавшие эксцессу выпады Оганесовой в мой адрес. Однако администрация жёстко гнёт свою линию: виноваты оба и пощады не будет никому.

На следующий день Оганесову уволили „по собственному желанию“. Теперь моя очередь. Мне ставят в вину „неэтичное, неврачебное поведение“(?!). Это бзик нового замполита В.Г.Ромашкина. Он несколько месяцев назад переведен в госпиталь из ВВМУ подводного плавания, но уже успел с позиций марксизма-ленинизма вникнуть в суть медицины и даже провёл научно-практическую конференцию об этике врача и клятве Гиппократа. Мне угрожают от имени коллектива ВМОЛГа организовать петицию в соответствующие инстанции с требованием лишить меня диплома врача и кандидатской степени. Я знаю, с кем имею дело, и не сомневаюсь: так и сделают. Даже, если правда победит, крови выпьют много. Да и надоела мне гнойная хирургия – пусть высокооплачиваемая, но во многом неинтересная, дисквалифицирующая работа, подходящая разве что для пенсионеров.

К нескрываемой радости администрации прошу месяц на поиски нового места.

- Конечно, конечно!..

Дают непостижимо великолепную, лелейно-ангельскую характеристику. Опять иду по всем больницам города.

Глава 8. ОНКОДИСПАНСЕР

То ли марка крупного военного госпиталя, то ли блестящая характеристика, то ли времена изменились, но работу нахожу не

в пример быстрее. Даже две работы.

Впрочем, насчёт изменившихся времён, похоже, хватил лишку. Об этом повествует свежий анекдот. Пришедшему устраиваться на работу заведующий кадрами говорит: "Товарищ Рабинович, раньше я бы вам предложил позвонить через неделю, а теперь, в эпоху гласности, отвечу прямо – мы евреев не берём". Рабинович закипает: „В разгар Перестройки! Как вы смеете?..“ – „Да, не берём! А дураков тем более“.

Итак, насчёт работы. Через пару месяцев открывается вакансия в Областном онкодиспансере. Хоть сегодня возьмут на лёгочную хирургию в Госпиталь инвалидов Отечественной войны. В этом госпитале льготные надбавки, дополнительные платные дежурства, до 400 рублей и более в месяц запросто. Но чудовищно мало операций – в среднем по отделению меньше сорока в год. Это не хирургические нагрузки. А в онкодиспансер я давно мечтал попасть. Там за год выполняют до полутора тысяч операций, и каких! Вот только, как ни просился, что-то не брали меня туда раньше.

Прошу администрацию ВМОЛГа отложить увольнение до ноября. Куда там: „Уговор дороже денег!“ – в ответ. Пришлось поработать три с половиной месяца в Госпитале инвалидов (включая положенные тогда законом после подачи заявления об уходе 60 дней – от звонка до звонка). К счастью, главврач онкодиспансера А.И.Чолганов оказался на редкость обязательным человеком: при появлении вакансии позвонил мне домой, пунктуально дожидался два месяца, при первой возможности направил в Институт усовершенствования врачей (ГИДУВ) на специализацию по онкологии. Так, теряя в зарплате добрую сотню, я наконец, получил возможность прийти в настоящую хирургию.

Я рад, просто счастлив. Напряжение последних месяцев спадает, и я не сразу начинаю замечать настороженно-хмурые взгляды новых сотрудников. Впрочем, это меня не смущает: я трудолюбив, добросовестен, честен, – остальное приложится. На распросы отвечаю откровенно – признаю свою неопытность в брюшной хирургии, прошу помочь в освоении новой специальности. Слышу уклончивые, равнозначные

отрицательным, ответы. Знакомые онкологи ещё до перехода предупреждали: в онкодиспансере сложная обстановка, коллектив раздирают конфликтные взаимоотношения. Но мне-то что за дело? Ведь пришёл работать, не конфликтовать. Да и не умею я конфликтовать. Зато какие здесь операции! Как грамотно и умело работают коллеги! Мне есть у кого учиться.

Через диспансер партия за партией проходят группы совершенствующихся хирургов из Военно-медицинской академии. С ними опытные преподаватели, доценты, профессора. Спустя три месяца молодые офицеры выполняют резекцию желудка и другие серьёзные операции. А наши оперируют не хуже академических преподавателей. На мой взгляд, даже лучше. Ну не через три, через шесть месяцев, через год, но научат же они меня онкохирургии. Это даже в их интересах разделить огромный поток больных, отдав часть новичку после соответствующей подготовки.

В отделении работает сорокапятилетний крепыш Ю.П.Богородский. Решительный хирург, опытен. Берётся за сложные операции. По слухам – бывший начмед большой больницы им. Коняшина, за что-то изгнан. Прошу его помочь в освоении онкологических операций. На лице Богородского появляется сардоническое выражение:

- Никогда ничему я учить вас не стану! Мне за это не платят.

Н-да... Вскоре начинаю понимать подоплеку. То Богородский начинает рассказывать о некоем еврейском катехизисе, показанном ему друзьями из „Памяти“ (лет пять назад возникшей в Ленинграде и Москве крайне националистической организации), в котором де иудеям расписаны способы угнетения россиян. По-видимому, речь шла о пресловутых „Протоколах сионских мудрецов“ (жаль, я тогда не был знаком с обстоятельными разоблачениями этой фальшивки в книге М.Бейджента, Р.Ли и Г.Линкольна „Святая Кровь и святой Грааль“. – М.: Эксмо, 2007. 496 с.). То, распространяясь об интернациональном составе коллектива, шутовски-торжественно величает меня евреем и утрированно важно пожимает мне руку. Уже знакомые ухмылки коллег.

Богородский – секретарь партийной организации

диспансера. Он из числа тех, кто вечно ратует за всё новое, передовое, прогрессивное. Убеждённый атеист при Советской власти, теперь он горячий сторонник возрождения православия, так сказать, наших духовных исторических ценностей. Теперь он ясно видит, кто завёл русский народ в тупик. А вы знаете, кто? Конечно же это Маркс, Ленин, Троцкий, Свердлов и прочие носители пакостных генов. Следуя модным веяниям, Богородский всё чаще поговаривает о выходе из партии, но с оглядкой. Через год выжидания видит – пора, и мотивированно выходит из партии: зря он столько лет платил членские взносы („это ж какие деньги!“).

У Богородского есть единомышленники. Заведующий оргметодотделом полулитовец В.Э.Шуркус большой патриот России (это бывает: Жириновский, Осташвили-Семёнов, например). У Шуркуса непьющая работа, оставляет бездну свободного времени. Сиживает в ординаторской, вслух зачитывает статьи из новоиздающихся газет. Излагается версия гибели Есенина. Названы еврейские фамилии якобы убивших его. Рядом сопереживает Богородский. Слышу их дружный мат и яростный полушёпот:

- Жиды проклятые!

Напоминаю обоим, что тогда было жестокое время – травили всё дееспособное и неподатливое. Михоэлс и Эйзенштейн, Бабель и Мандельштам, Пастернак и Гроссман, Светлов и Бродский. Еврейский антифашистский комитет. „Дело врачей“. В ординаторской напряжённая тишина.

Через несколько месяцев в результате интриг в коллективе Чолганова увольняют. Главврачом назначен сорокачетырёхлетний венгр Л.Д.Роман, сильный онкохирург, опытный лодман в море коллизий, раздражающих коллектив диспансера. В это же время „съедают“ заведующего хирургией Б.Н.Силина. Старого „зубра“ переводят в рядовые онкологи. Вскоре инфаркт окончательно выводит его из игры.

Заведующим хирургическим отделением назначают Богородского. Вместе с Шуркусом он разрабатывает анкету. В ней сотрудники отделения, якобы анонимно, должны поставить друг другу оценки – за общехирургическую опытность,

выполняемый объём операций, знание онкологии и т.п. Догадайтесь, чей балл был наименьшим. Оргвыводы имели вполне законный, можно сказать, научный вид. Фисановичу оперировать рано, пусть пока учится, ассистирует. А у меня уже пошло удаление поражённой раком молочной железы – непростая, трудоёмкая операция. Начинал готовиться к другим, более сложным.

Это „пока“ затянулось беспросветно – ассистирую уже который год. Ассистенции фактически поставили под угрозу подтверждение моей первой хирургической категории. На очередную переаттестацию мне почти нечего включить в список самостоятельно выполненных операций.

Спустя полгода, нарочито распахнув дверь ординаторской (в коридоре собрались на перекур сотрудники хирургического и гинекологического отделений), Богородский громко заявил:

- Неужели вам не стыдно, Тарас Ильич, быть в ассистентах в вашем-то возрасте? Я подам главврачу докладную о переводе вас в поликлинику. А на ваше место возьмём помоложе.

Знакомые песни. Недавно в поликлинику диспансера пришёл работать молодой хирург К.А.Фёдоров. Говорят, у него „крыша“ в Облздраве. Как хирург Фёдоров начинает, но его часто зовут в операционную несмотря на вечно переполненную ожидающими больными поликлинику. Надо видеть, как неуравновешенный (вплоть до истерик) Богородский кротко пестует Фёдорова. И тот постепенно совершенствует технику, выполняя всё более сложные операции.

Сдержанно отвечаю:

- Я научусь. Буду читать, смотреть, как работаете Вы и Роман. Научусь!

Фёдоров хочет в отделение. Здесь интереснее, да и зарплата выше. Но нет свободных ставок. Фёдорову я откровенно антипатичен. Что бы я не сказал о погоде или политике, медицине или телевидении – раздражает его. Со мной он разговаривает с непередаваемым апломбом, нравоучительным тоном, исключительно громким голосом.

Однажды он внезапно взрывается, невпопад произнося, видимо, давно наболевшее:

- У вас мало смирения, Тарас Ильич! Вам нужно учиться смирению...

Мне не до дискуссии – полно работы. Молчу. Да и не считаю нужным брать у него уроки смирения.

В другой раз Фёдоров обстоятельно растолковывает мне вину евреев, поголовно ставших в 1917-м году комиссарами. Они, дескать, втравили русский народ в катаклизмы революции, и эту катастрофу России не расхлебать по сию пору.

Раньше мне не доводилось выслушивать такие параноидальные рассуждения, и я прямо-таки онемел от изумления. Впрочем, мне не ответить лучше, чем это сделал известный русский философ: „Евреи, конечно, имели немалую роль в революции и её подготовке. В революциях всегда будут играть большую роль... угнетённые национальности и угнетённые классы. Это заслуга евреев, что они приняли участие в борьбе за более справедливый социальный строй...“. И далее: „евреи падают жертвой не только национализма... Существует мистический страх перед евреями. Этот страх, правда, испытывают люди довольно низкого культурного уровня, которые легко заражаются самыми нелепыми и низкопробными мифами и легендами...“. И заключительный аккорд отповеди: „есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учёными и философами. Борьбаться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры...“ (Н.Бердяев. „Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства“. Журн. „Дружба народов“, 1989, №10, с.205-213).

Заходит речь о новоявленном претенденте на руководство страной Травкине. Перестройка во множестве выплеснула на авансцену общественной жизни страны подобных политиков-однодневок. Травкин возглавил только что возникшую Демократическую партию и был популярен. 14.03.91 в 22⁰⁰, выступая в программе „Пятое колесо“ по Ленинградскому телевидению, он изложил позицию этой партии по отношению к референдуму о сохранении СССР, намеченному на 17.03.91.

Не скрываю удивления по поводу прямо-таки неграмотной

лексики возможного „Отца нации“. Богородский, обложив меня матом, вылетает за дверь. Фёдоров, назидательно растягивая слова, заявляет, что у Травкина огромные заслуги перед Россией. „А у вас, Тарас Ильич, таких заслуг нет! Поэтому лучше помолчите...“.

Ошарашенно осведомляюсь, какие именно заслуги Фёдорова перед Россией позволяют ему одобрять и критиковать того или иного общественного деятеля. В ответ Фёдоров и Головцов запевают ставший символом черносотенцев гимн „Боже, царя храни...“. Исчерпывающе ясно.

- Учтите, Тарас Ильич, грядёт смута. А в смутные времена в России, уж вы-то должны знать, кому достанется первая палка! – с наигранным сочувствием говорит Головцов и, вздохнув, добавляет: – На вашем месте я бы давно смотал за бугор!

В крови Головцова добрая четверть – эстонская, и я не скрываю усмешки. Головцов понятлив. Бросив на меня взгляд, он глухо произносит:

- Я не антисемит!

Ну, что ж. Сегодня удовлетворимся этим заявлением.

О Головцове стоит рассказать подробнее. Молод, я бы сказал – талантлив, общителен, остроумен. Держится и работает с присущим ему артистизмом. Говорят: до учёбы в медицинском институте поступал в театральный. Зять в семье профессора из НИИ онкологии. Вместе с тем – истинный сын своего времени – научился лебезить, изворачиваться. Добиваясь своих целей, умело затевает интригу. Может продать ни за грош. Став кандидатом в члены КПСС ради карьеры, через год с откровенной бравадой забирает документы: в связи с переменами в стране членство в партии уже перестало влиять на продвижение по службе. Говоря словами польского сатирика С.-Е. Ленца, „кто схватывает идею, как насморок, тому легко чихать на неё“.

И всё-таки Головцов мне симпатичен. В диспансере у него нет перспективы роста и он это понимает. Он мог бы перейти в НИИ онкологии, но не уходит, крепко держится за место. Я, было, порадовался за него: он поступил в заочную аспирантуру – из него мог бы получиться отменный эрудированный хирург.

Но через полгода он бросил аспирантуру.

Всё чаще я замечаю его в подпитии, причём не только в ординаторской, но и в операционной. Однажды, ассистируя ему, заметил, что он держится как-то странно и оперирует как-то неловко. Спросил о самочувствии, но Головцов сделал недоумевающее лицо и заверил меня, что всё в порядке. Но тут я увидел, что он вот-вот пересечёт крупные кровеносные сосуды и – раздумывать было некогда – едва успел прикрыть ладонью сосудистый пучок. Это разъярило Головцова. Он сделал мне резкое замечание, но вскоре опять чуть не повредил эти же сосуды и крупный нерв по соседству с ними. Я едва успел придержать его руку со скальпелем и был вынужден позвать на помощь. Подоспевший Фёдоров оттащил Головцова от операционного стола, затем помылся, и мы с ним благополучно закончили операцию.

Оказалось, что Головцов кроме вина пристрастился к наркотикам. Каким-то образом к его „сворачиванию“ оказалась причастна медсестра из перевязочной Зина Краснова, но это ей сошло с рук, а Головцов принуждён был уволиться „по собственному желанию“. Потом он вроде бы лечился от наркозависимости и после лечения работал хирургом в одной из ленинградских больниц.

Ко мне подходит гинеколог С.П.Кайдун. Мы мало знакомы. Его долго не было в диспансере: творческий отпуск, несколько дней назад защитил кандидатскую диссертацию.

- Тарас Ильич, мне предлагают постоянную работу в медучилище. Преподавать хирургию. Двести пятьдесят в месяц. Может быть вы перейдёте?

С чего бы это он вдруг? Поблагодарив, отказываюсь: хочу работать в диспансере.

После полугодовой нервотрёпки от меня отстали. С уходом Силина ставка для Фёдорова освободилась. Кто следующий? Сын Богородского на четвёртом курсе медвуза. Начинал учёбу в Ярославле. После первого курса оказался в войсках МВД. Богородский откровенно рассказывал, как „откупил“ сына от изнурительной караульной службы – деньги, море коньяка. Второй год его сын отслужил санитаром в медчасти. После

армии перевёлся в Ленинград. Может быть ему сберегается место – моё место, и потому меня пока не трогают? По себе знаю, попасть в онкологию очень трудно.

Недружелюбное отношение ко мне из ординаторской просачивается в среднее звено. Пользующаяся благоволением начальства смазливая медсестра Зина Краснова систематически изливает на меня откровенное хамство. Стараюсь не реагировать на её выпады, но её это лишь подстёгивает. Понимаю, что она, уверенная в поддержке руководства, планомерно провоцирует меня на срыв. Помытая об опыте с Оганесовой, не трудно просчитать, к чему это приведёт.

Впрочем, Зинино хамство обрушивается на всё, что попадает ей на язык. И все молчат. Но какими душевными качествами надо обладать, чтобы не отреагировать на такую, например, ситуацию. По коридору бредёт в состоянии тяжёлой интоксикации больной. У него четвёртая стадия рака гортани, он обречён. Постовая сестра окликает его, выясняя, куда он направляется. Рядом с ней, изнывая от хронического безделья, точит лясы Зина. И, опережая ответ заторможенного изнуряющими головными болями пациента, Зина громко произносит свою дежурную остроту: „За белыми тапочками!“ . Полагаю, теперь не трудно будет представить, что Зина говорит мне и обо мне.

Рассказал Богородскому о несовместимой со званием сестры милосердия выходке Зины и услышал в ответ, что он, как заведующий отделением, готов скорее расстаться со мной, чем с Красновой. Вот так и живём.

В диспансере работают и дружелюбно относящиеся ко мне люди, но, к сожалению, не они задают тон в коллективе. Впрочем, постепенно ко мне „привыкают“ даже самые непримиримые юдофобы. Нет, мне по-прежнему нет доступа к серьёзным операциям, но кое-что понемногу становится дозволяемым. Правда, если события и дальше будут развиваться в таком темпе, то к моему девяностолетию, глядишь, даже позволят делать экстирпации желудка. А пока мне часто снятся по ночам не сделанные мною операции – от первого разреза до последнего шва.

Порой я заговариваю с Богородским о том, что уже многократно ассистировал ему или Роману в качестве первого ассистента и что в моей палате подготовлен очередной больной: пора бы и мне, при его или Романа участии и наблюдении сделать самому операцию повышенной сложности. И в очередной раз натываюсь на отказ. *"Мне за это не платят, – категорически заявляет он, – и ассистировать вам я не собираюсь!"*.

Меня прямо-таки подмывает предложить ему оплату серии ассистенций. Но я знаю, что делать этого нельзя ни при каких условиях: Богородский – гроссмейстер провокаций. К тому же, повышение квалификации своих рядовых сотрудников является прямой обязанностью заведующего отделением. В частности, за это он и деньги получает. Правда, надбавка за заведование невелика, как, впрочем, и любая другая оплата труда медработников в государственных лечебных учреждениях страны.

Через диспансер проходит колоссальный поток больных из области. А ведь у нас всего 150 коек. Уйма операций, в большинстве случаев тяжёлых, порой рискованных. Но мои коллеги, действительно, мастера своего дела. К тому же, онкология – наука точнейшего врачебного расчёта, строгих показаний к тому или иному виду лечения. Надо только изучать это и умело применять. А наш диспансер в силу сложившихся условий работы является прекрасной школой практического обучения онкологии. В диспансере, на удивление, небольшая смертность, заметно меньше, чем во многих лечебных учреждениях, берущихся за лечение онкологических больных. И хотя того мои коллеги или нет, я учусь, учусь настойчиво и упорно, учусь у них, хотя, в силу отмеченных выше обстоятельств, не столь эффективно, как бы мне этого хотелось.

Глава 9. НАПАСТЬ

И всё-таки я люблю свою работу. Она кормит, одевает, обеспечивает круг интересов, духовных проблем и задач. Работе отдаёшь всё – время, силы, здоровье. В работе забываешь о

невесёлой повседневности. Свыше двадцати больных, операции, перевязки, требующие точности и вдумчивости записи в историях болезни, дежурства. Изо дня в день, изо дня в день. И не ждёшь, и не чаешь, что в привычный ритм жизни может вторгнуться беда.

Беда подстерегала мою семью вечером 20.03.90. После дежурства по приёмному покою освободился позднее обычного. Под занавес вызвали к перенёсшей неделю назад операцию пациентке. У неё возникли сильные боли в животе. Пришлось повозиться.

Встретил жену. Едем домой. В метро прихватывает сердце – бывает. Как назло, в кармане нет валидола. Медленно, в щадящем сердце темпе бредём к дому. Подходит пьяный:

- Дай закурить!
- Не курю.

Действительно, не курю. Бросил десять лет назад. Однако мой ответ разъярил его. Он идёт рядом, с театральной медлительностью достаёт складной нож, раскрывает его, замахивается. Едва успеваю подставить ладонь. Клинок остановлен в паре сантиметров от глаза. Из порезанного пальца течёт кровь, но я не замечаю крови, не чувствую боли.

Чудом выбиваю нож из руки напавшего на нас пьянчуги. Стремительно подбираю упавший на тротуар нож: успею он к ножу первым, во второй раз мне вряд ли удастся отразить удар. Прячу нож в карман. Из кратковременного ступора меня возвращает к действительности голос жены:

- Что ты стоишь?! Он твою сумку украл!

Действительно, напавший на нас негодяй улепётывает с моей сумкой. А я и не заметил в суматохе, как он вырвал сумку у меня из рук. Бросаюсь в погоню. Возвращение сумки облегчεται тем, что он, споткнувшись, падает, ударившись лицом о поребрик тротуара.

Отбираю сумку. Успокаиваю жену. Продолжаем путь к дому. Мы оба перенервничали и не замечаем, что кровь из рассечённого пальца заливает полы моего пальто, пачкает пальто жены.

Убедившись, что трёпки не будет, пьянчуга наглеет. Он

тащится за нами, куражится, бранится, прослеживает наш путь. Я не хочу вести его к своей парадной и направляюсь вокруг дома, надеясь оторваться от преследователя.

Разгадав наш манёвр, он обгоняет нас и, преградив дорогу, пытается нанести мне побои. Жена, желая угомонить его, кричит, что вызовет милицию. Тогда внезапным ударом в лицо мерзавец опрокидывает её навзничь. Он на голову выше меня, на добрый десяток лет моложе, заметно, хотя и ненадолго, протрезвел. Мне не просто отбиться от расходившегося негодяя.

Подобрав валявшуюся ветку (накануне обрезали тополя), я отмахиваюсь от его наскоков, отгоняю от упавшей жены. Моя ярость, подкреплённая шлепками хрупкой ветки, ломающейся при каждом взмахе, его пугает. Он пятится. И тут вновь мне на помощь приходит его опьянение. Пятясь, он, оступившись, падает, ломая при этом руку.

И тотчас нас окружила толпа. Поразительно, что во время эпизода с ножом, похищения сумки и преследования нас, несмотря на крик жены и нападение на неё, улица оставалась пустынной, словно вымершей. Но стоило только нейтрализовать нападавшего, как, откуда ни возьмись, будто из-под земли, появилось множество людей, в основном, пожилого возраста. Все они дружно обвиняли меня в избиении безвинного человека.

Попытка объясниться с разъярёнными людьми не имела успеха. Каким-то образом они безошибочно определили мою национальность, что в их глазах категорически усугубляло мою вину. Все мои заявления тотчас же отметались вставшими в истерический транс старушками и стариками, извращались и тут же оборачивались против меня.

Чтобы сказанное не воспринималось как моя выдумка, приведу хотя бы такой момент моего противостояния толпе. Пытаясь воззвать к их здравому смыслу, я показал людям мою раненную руку и залитое кровью пальто, поясняя при этом, что тот, кого они так рьяно защищали, первым напал на меня с ножом.

Толпа заулюлюкала, выражая недоверие. Потребовали предъявить нож. Я объяснил им, что нож мне удалось отобрать

у нападавшего, и, достав этот нож из кармана своего пальто, показал его. В ответ раздались дружные крики, что этот нож наверняка мой собственный, и мне не удастся обмануть людей, приписывая принадлежность ножа избитому мной человеку.

Обстановка накалялась. Раздавались призывы к самосуду надо мной. Тем временем на место происшествия приехали милиция и скорая медицинская помощь, вызванные женой. Мы несколько успокоились, полагая, что теперь незамедлительно восторжествует правда. Однако, отдавая милиционерам отобранный нож и моё орудие самозащиты – обломок тополиной ветки длиной 60-70 см и толщиной не более 2 см, – мы не могли даже предполагать, что с этого момента мне предстоит направленная против меня судебно-следственная эпопея, затянувшаяся на полтора года.

Посадив меня и жену в зарешетчатый УАЗ, милиционеры переписали свидетелей. Причём напрочь проигнорировали тех немногих, кто собирался засвидетельствовать факт моей самообороны. Потом мне пришлось самому разыскивать этих людей, добиваться включения их показаний в материалы следствия, да ещё доказывать, что они не являются подкупленными мной лжесвидетелями. Но поначалу у меня и у жены не возникло и тени сомнения ни в компетентности, ни в приверженности закону работников милиции.

Далее... Нас доставили в отделение милиции, где составили протокол. О, милицейская пунктуальность! В протоколе не было ни описания ножа, ни обломка ветки. Не была составлена опись содержимого сумки, которую пытался похитить напавший на нас пьянчуга. А нам, не имевшим ни малейшего представления о том, как должен быть оформлен протокол, и в голову не пришло включить эти данные в его текст. На суде защитник напавшего на нас негодяя постарался использовать эти недочёты протокола.

В процессе следствия обломок ветки был утерян. По наущению защитника свидетели напавшего на нас пьнчуги заявили на суде, что я наносил ему побои дубиной 1,5 м длиной и толщиной 8 см, ни мало не смущаясь тем, подобного размера бревно невозможно удержать в одной руке (во второй была

сумка) и, тем более, наносить удары.

И ещё: мне помнился заржавленный складной нож с одним, довольно длинным лезвием. Через 9 месяцев следователь предъявил мне для опознания тщательно вычищенный ножик с двумя небольшими лезвиями, шилом и штопором. Пресекая возражения, показал протокол с описанием именно этого ножа, составленный милицией без моего участия спустя сутки после происшествия. Ни о какой идентификации по крови и речи быть не могло. Сказал, что будучи взволнованным, я, по-видимому, не запомнил истинный вид ножа и что мои возражения только задержат рассмотрение дела.

Тогда у меня не нашлось контрдоводов. Но позднее я всё более утверждался в мысли, что нож с какой-то целью был подменён в самом начале следствия. Не случайно его так долго мне не предъявляли для опознания. Возможно, поэтому на суде мой противник так спокойно и уверенно заявил, что такого ножа у него никогда не было. Теперь это вовсе недоказуемо: решением суда нож уничтожен.

Как известно, первое освидетельствование пострадавшего осуществляют в травмпункте. Встретивший нас с нескрываемым недружелюбием молодой травматолог, безглаголиво осмотрел мою рану и, как потом оказалось, назвал её резаной ссадиной в нарушение принятой в медицине терминологии (ссадина, осаднённая рана – следствие скольжения тела или участка тела по более или менее гладкой поверхности). Кроме того, он не указал размеры повреждения. При описании травм у жены он отметил ушибы лица (удар кулаком) и спины (следствие падения), но не пригласил пациентку на повторный осмотр для уточнения размеров сформировавшихся позднее гематом.

Судебно-медицинское освидетельствование проводилось спустя 6 месяцев на основе записей травматолога. Судмедэксперт заявил, что для подтверждения нанесённых нам травм он не располагает необходимой информацией. Так благодаря милиции и медицине преступник на первом этапе следствия может получить существенную фору.

Через неделю после описанных событий меня и жену вызвал к себе участковый и объявил, что против меня (!?)

возбуждено уголовное дело. К тому времени выяснилась личность нападавшего. Им оказался шофёр машины скорой помощи сорокалетний Дмитриев В.А., член КПСС, дружинник. Меня обвиняли в превышении пределов необходимой обороны, из-за чего у Дмитриева произошёл перелом плеча, сотрясение мозга, ушибы лица. А главное, как мог я – врач, нарушая клятву Гиппократова, не оказать пострадавшему по моей вине человеку первую помощь? Когда мы, придя в себя от изумления, попытались объяснить, участковый заявил, что ему и так всё ясно и слушать он ничего не желает.

Вспоминать о последовавших месяцах борьбы за правду, за возможность остаться на свободе, избежать тюремного заключения и всего, с этим связанного, тяжело до сих пор. Буду краток. На протяжении полутора лет моё дело прошло через руки **четырёх** следователей. Против меня **трижды** возбуждали уголовное дело. Причём первый допрос состоялся только через 5 месяцев. В оправдание столь долгой проволочки меня, якобы не являвшегося по повесткам к следователю, объявили во всесоюзном розыске (!). Заметьте, ни прокуратура, ни суд не отреагировали на мои возражения против такого откровенного психологического давления следствия. А ведь иначе это не назовёшь: я не покидал Ленинграда, не изменял место проживания и место работы, мой адрес и телефон с первого дня были известны следствию.

Первый следователь, на приём к которому меня вызвали впервые только спустя 5 месяцев, майор Лебедева без обиняков заявила, что она является лучшим следователем Московского района Ленинграда и тут же предложила мне оплатить (!!!) получение благоприятного для меня заключения судмедэкспертизы. Убедившись, что её предложение мной не принято, она с элегической интонацией сказала, что меня ждёт восьмилетнее лишение свободы. Тут уместно сказать, что вымогательство взятки у подследственного является далеко не единичным случаем в работе Ленинградской – Санкт-Петербургской милиции (см.: В.Пешков. „День майора Гордановой. 50 тысяч для лучшего следователя района“. Газета „Невское время“, №68 (729), 12.04.94, с.2).

После этого издевательская манера проведения допроса другим следователем – Пономарёвой – уже не воспринималась как беззаконие. И уж совсем мелочь: показания разоблачённых мною на предварительном следствии лжесвидетелей, представленных защитой напавшего на нас Дмитриева, были перед судом откорректированы на основе сведений, доверчиво представленных мною следователю Петрову. Тогда я и так, и этак пытался заставить себя думать, что всё это происходило не по злой воле следователей, а как-то невзначай. Но факты...

Готовясь к суду, я решил отказаться от помощи адвоката: и дорого – мне не по карману, и оказаться в зависимости от равнодушного к твоим бедам человека, – мне представлялось невозможным.

Судмедэкспертиза, категорически проигнорировавшая наши травмы, в отношении Дмитриева всё же проявила объективность и констатировала, что перелом хирургической шейки плеча у Дмитриева мог образоваться исключительно в результате его собственного падения на руку. Был отвергнут диагноз сотрясения мозга: при изучении истории болезни никаких симптомов, подтверждающих этот диагноз, не значилось.

Суд продолжался три дня с 9.09 по 11.09 1991 г. Дмитриева приговорили к четырём годам заключения условно. Одна из лжесвидетельниц его защиты была привлечена к уголовной ответственности. Правда победила, но, думается, не столько усилиями правозащитных служб, сколь благодаря нашей последовательности и бескомпромиссности. И ежели в столь ясном деле путь к справедливости был так долог и труден, то можно ли полагаться на органы правозащиты в таких тонких и сложных вопросах, как защита национального достоинства и гражданских прав граждан?

Глава 10. ЗИМА ТРЕВОГИ

Тем временем гром национальных конфликтов 1988-1989 гг., разразившихся на Кавказе и в Средней Азии, достигая Ленинград отдалённым эхом, казался здесь чем-то нереальным,

абсолютно невозможным. Да и выходки фашиствующих молодчиков: осквернение еврейского кладбища, демонстрация у Казанского собора в день рождения Гитлера, митинги союза „Память“ под откровенно антисемитскими лозунгами, фланирование по улицам юнцов в эсэсовской форме, – представлялись какой-то клоунадой, эпизодами без продолжения. Ну а на нарисованные мелом кресты и свастики, время от времени появлявшиеся на дверях моей квартиры, обращать внимание и вовсе не стоило, – детские шалости.

В действительности всё было куда серьезнее. В мае 1989 года до Ленинграда дошли подробности пасхального погрома на старом дачном участке в Подмосковье. А по Москве поползли слухи о подготовке новых эксцессов. Видимо, для того, чтобы эти слухи не воспринимались как шутка, в периодической печати опубликовали сообщение, что „органами охраны общественного порядка были предприняты профилактические меры“ (Газета „Аргументы и факты“ (далее АиФ), 1989, №33 (462), с. 8).

Вскоре подобного содержания слухи стали циркулировать и в Ленинграде. Среди них – пикантейший: вступительным взносом в „Память“ служит адрес еврейской семьи. Поверить в это было не трудно: всем помнились сообщения о том, что в Фергане адреса турок-месхетинцев погромщики получали от местных милиционеров.

К зиме слухи о возможных погромах уже открыто обсуждались в средствах информации. К руководителям государственных и правоохранительных органов с публикуемыми в периодической печати запросами обращались депутаты, представители общественности, известные всей стране писатели и учёные. Неопределённые и уклончивые ответы властей только усиливали тревогу (И.Гамаюнов. „Почему мы „ищем рыжего“?“. Лит.газета, 27.12.89, № 52 (5274), с.13; А.Репина, А.Николаев. „Репортаж для прокурора“, Смена, 14.01.90, № 12 (19462), с. 3; П.Котов. „Ходят слухи по домам. Беседа с прокурором Ленинграда Д.М.Верёвкиным“, Ленинградская правда, 28.01.90, № 23 (22765), с.; „Не допустить трагедии“, Ленинградская правда, 03.02.90, № 27 (22769), с.1;

„В Комитете Государственной безопасности СССР“, Ленинградская правда, 10.02.90, № 33 (22775), с.2; А.Д.Александров и др. „Сознательная акция? Открытое письмо“, Ленинградская правда, 11.02.90, № 34(22776), с.1; Ю.Болдырев и др. „Не допустить трагедии. Открытое письмо“, Лит.газета, 14.02.90, № 7 (5281), с. 7; „Не разжигать национальную рознь. О слухах“. Правда, 20.02.90, № 51 (26134), с.6; „Заявление Верховного Совета СССР“. Правда, 21.02.90, № 52 (26135), с.1; и многие другие).

Максимального напряжения обстановка достигла в двадцатых числах февраля 1990 года. В квартирах знакомых мне еврейских семей раздавались телефонные звонки – звонившие анонимные „доброхоты“ не скупилась на угрозы. Некоторые мужчины-евреи в эти дни отправили своих русских жён с детьми к их русской родне. Оставаясь в опустевших квартирах, они клали рядом с кроватью топор или нож, надеясь в случае вторжения разделаться хотя бы с одним из погромщиков. В подобном положении находилась и моя семья.

Намеченный на 25 февраля общегородской предвыборный митинг оппозиции был неожиданно отменён: опасались эксцессов. Организаторы сорванного митинга заявили, что слухи о грядущих выступлениях националистов распространяли сотрудники городской администрации и партаппарата специально накануне выборов в местные Советы, чтобы под предлогом обеспечения безопасности помешать кандидатам оппозиции публично изложить свои взгляды. Если это правда, то получается, что ленинградские евреи были заложниками в политических играх уходящих и приходящих к власти сил. М-да, „и чего это они уезжают?“.

„Еврейский вопрос в нашей стране давным-давно перестал быть вопросом чисто национальным – куда в большей степени это вопрос социальный. Сегодня, когда дружбу народов можно наблюдать разве что на знаменитом фонтане в ВДНХ, когда нет покоя ни в Средней Азии, ни в Прибалтике, ни в Закавказье, ни в Молдавии, ни на просторах огромной России, всё-таки вряд ли есть другая такая нация, которая чувствовала бы себя менее защищённо, чем евреи. И с другой стороны, нет другой нации,

кроме евреев, в адрес которой определёнными силами выпускалось бы столько обличительно-гневных залпов“ (С.Бурин. „Исход?“. Газета „24 часа“, 1990, вып.Ш, с.10). „Еврейский погром не только греховен и бесчеловечен, но он есть показатель страшной слабости и неспособности (и власти, и общественности страны –Т.Ф.)... Мы живём в эпоху звериного национализма, культа грубой силы, настоящего возврата к язычеству“ (Н.Бердяев. „Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства“. Журн. „Дружба народов“, 1989, №. 10, с.205-213). „Наивные люди... Кого они хотят убедить? Молодчиков, преследующих на Арбате среди бела дня пожилую женщину со словами: „Жаль, Гитлер вас недорезал“?. Тех, кто кучкуется на площадях и взвешивает меру исторической ответственности на весах сегодняшней мести, нового насилия“ (Е.Якубович. „Уроки Анны Франк“. Лит.газета, 18.07.90, № 29 (5302), с. 11).

Ленинград – Санкт-Петербург. Почитай, тремя веками выпестованная культура, интеллигентность и... национализм. Казалось бы, несовместимо. Однако „... в 70-х годах XX века стало не стыдно быть антисемитом – вещь немыслимая для интеллигента 10-х годов; когда на приёмных экзаменах надо завалить несколько дюжин юношей-евреев – в добровольцах недостатка нет; и всё же, согласитесь, урожай на ниве человеконенавистничества явно не соответствует количеству удобрений, распыляемых с партийных высот: результат слабее зловония“ (Г.Копылов. „Как быть?“, Газета „Совершенно секретно“, 1990, № 6, с.20-21).

Оставляя г-ну Копылову логическую неувязку начала и конца цитаты, равно как и парфюмерные ассоциации, позволю себе усомниться. Так ли? Перед нами „цвет отечественной интеллигенции“ – математик от бога, член-корреспондент АН СССР, почётный член ряда зарубежных академий, лауреат престижных премий СССР, ФРГ и др. Прирождённый теоретик. Дадим слово теоретику: „Чувства, которые движут (борцами с антисемитизмом – Т.Ф.)... трудно иначе охарактеризовать как *руссофобия* (причём вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин „фобия“ – страх и ненависть). А ненависть одной

нации скорее всего связана с обострённым переживанием своей принадлежности к другой... Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи учёных, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре... „Еврейский вопрос“ приобрёл непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование „русского вопроса“, по-видимому, вообще не признаётся... Пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как учёного, слава композитора Шенберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского... Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи... Когда же этот процесс разлагается..., исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленной, молодёжь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков, женщины перестают рожать, народ вымирает“ (И.Шафаревич. „Русофобия“. Журн. „Наш современник“, 1989, № 6, с. 167-192).

Что это? Паранойя? Да, что-то здорово разладилось у „теоретика“ и, к сожалению, не у него одного. В 22 часа 15.11.89 по Ленинградскому телевидению в молодёжной программе „Крыша“ была показана группа молодых неофашистов – жителей города, ещё до конца не залатавшего последствия фашистской блокады 1941-1944 г.г. Они без малейшего смущения изложили перед телекамерой планы стерилизации „неполноценных рас“: „Ведь это простая и безболезненная операция!“. Шафаревич может быть доволен: юные „гуманисты“ явно учли именно тот „опыт народа“, которым меж строк насыщен его „труд“. Далее неофашисты выразили тоску по „сильному“ руководству, которому надлежит прийти на смену „нынешней еврейской демократии“. Заметьте, своё кредо они излагали в трезвом состоянии. Как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вспомните эпизод моего общения с подвыпившим фашистом в троллейбусе. Вопрос

тогда ставился более радикально – вешать или сжигать в крематории.

И.Р.Шафаревич в конце выше цитированного опуса „Русофобия“ написал, что теперь (понимай – после опубликования этого примечательного сочинения) может умереть спокойно. Прекрасно! Но... Шафаревич? Очень подозрительная фамилия. Юные неонацистские энтузиасты, судя по их лексике, далёкие от высшей математики, вполне могут ошибиться. Представьте себе: исполненные того самого „народного опыта“, к которому так рьяно взывал наш „теоретик“, они приходят к Шафаревичу. Чик-чик ножницами. Ведь это простая и безболезненная операция! А теперь, адон* Шафаревич, можете спокойно умирать – „прооперированным“ уготованы и виселица, и крематорий.

Это – фашисты. Саморазоблачающая откровенность их идей и кровавая практика прошедшей II Мировой войны в известной мере страхует от неограниченного распространения фашизма. Но будем объективными – лишь в известной мере. Тоталитаризм, владевший страной долгое семидесятилетие, оказался и в теории, и на деле ничуть не лучше фашизма чистой воды. Вбитый в сознание нации тоталитаризм ещё не раз оторвётся попытками самовозрождения в идеологической, внутривластной и экономической сферах, даже если на словах он всячески будет отрекаться от правоверного фашизма.

Цитирую программу Союза „Память“. „...Есть одна национальность, которая имеет больше прав, чем остальные. Это – евреи, „ассимилированные“ евреи и породнённые с евреями лица“. Читаем далее: „А кто был у власти? Евреи. Они же занимали доминирующее положение и во времена И.В.Сталина... (Поскольку – Т.Ф.) особенно широко евреи занимали столь большое количество ответственных постов в те годы, на них лежит пропорциональная доля ответственности за репрессии культа личности, за раскулачивание, уничтожение интеллигенции, голод 1931-1933 г.г., за огромные потери в годы

*Адон (иврит) – господин.

Великой Отечественной войны и т.д. А поскольку они доминировали в науке, средствах массовой информации, высших руководящих органах в годы застоя, на них лежит пропорциональная доля ответственности за сам застой. В том числе за алкогольный геноцид народа“. Далее „Память“ „...требует осуществления принципа национально-пропорционального представительства евреев и породнённых с ними лиц на всех ступенях общественной лестницы. Для этого необходимо впредь, до исправления создавшейся диспропорции, не допускать евреев и породнённых с ними лиц к защите диссертаций, к получению званий и степеней, к вступлению в ряды КПСС (оцените стриптиз! –Т.Ф.), (потому что – Т.Ф.) необходимо довести количество евреев и породнённых с ними лиц до полагающегося процента на всех уровнях...“ (Газета „Энергетик“. МЭИ. 18.01.90, № 3-4 (3037-38), с. 3, 4-5) и т.д. Не хочу продолжать. Комментируйте сами.

Но и это не всё. „Мы будем проводить исследования на хромосомном уровне, и каждого, в ком есть хоть один ген еврейской крови, будем уничтожать“ – откровенничает один из деятелей „Памяти“ (видать, тоже „учёный“), и на вопрос интервьюера, что же будет с детьми, обстоятельно отвечает, что детей ждёт то же самое (А.Птушко. См. в газете „Демократическая Россия“ № 6 (декабрь) 1990 г. Поскольку этот номер в ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина мне не нашли, цит. по: Ю.Шнеерзон. „Всё евреи да евреи...“. Газета „Штерн“, Свердловск, 1990, № 3, с.3).

„...Антисемитизм изменил свой нрав. Из некогда застенчивого и двуличного стал агрессивным. А ещё изобразил на лице благородство борца против поправленного евреями русского национального достоинства“ (А.Калиниченко. „Кого мы обманываем?“. Правда, 27.03.90, № 86 (26169), с. 4).

Так сказать, „риторический“, идеологизированный национализм охотно принимает в свои ряды „безыдейные“ массы хулиганствующего и уголовного элемента (ещё бы к ним не идти – пахнет поживой!), приобретая, как показал опыт Ферганы, Сумгаита, Баку, Гурьева, неукротимую силу. „Примеры духовного вырождения становятся всё более явными.

Вульгарное „бытовое“ хамство, грабежи потерпевших аварию поездов, мародёрство в местах захоронения жертв нацистского террора – всё это признаки люмпенизации общества... Анализ социальной структуры показывает..., что достаточно нажать кнопку, чтобы полыхнуло по всей стране. Не должно быть сомнения, что если миллионам чернорабочих, лимитчиков, люмпенов и просто малокультурных „промежуточных“ людей предложить на выбор либо терпеливую, упорную, долгую выработку демократических ценностей, либо следование „простому“ лозунгу вроде: „Все беды многострадального народа вызваны происками инородцев“, – не должно быть сомнения, что выберут эти слои“ (Е.Стариков. „Маргиналы, или размышления на старую тему: „что с нами происходит?“ . Журн. „Знамя“, 1989, № 10, с.156, 159-160). „... Не хотелось бы говорить об этом, но в газетах уже циркулирует очередная дата будто бы готовящихся погромов, и её, не сомневаюсь, и без меня знает каждый еврейский ребёнок“ (С.Бурин. „Исход?“ . 24 часа, 1990, вып.Ш, с. 10). Уточняю, это было написано в июне 1990 года – „зима“ 1989-1990 г.г. продолжалась.

Результат закономерен (точнее сказать – запрограммирован): „многие евреи сейчас готовы уехать (из СССР – Т.Ф.) куда угодно... Большинство евреев чувствует себя как на вулкане... Многие советские евреи охвачены зловещими предчувствиями... „Мы знали, что пора уезжать. Если что-нибудь было не так, например, в магазинах пропадало масло, виноватыми оказывались евреи...“ (Т.Стингер. „Исход на святую землю“. 24 часа, 1990, вып.Ш, с.3 – перепечатано из газеты „News Week“ от 22.01.90).

„...Чем, как не исходом евреев из нашей страны, назвать события последних месяцев? В прошлом году СССР покинуло более 100 тысяч евреев, и, по прогнозам специалистов, это число в будущем может возрасти до 150 и даже до 200 тысяч“ (С.Бурин. „Исход?“ . 24 часа, 1990, вып.Ш, с. 10). Эти цифры были опубликованы в июне 1990 г., а уже 17 июля по Центральному телевидению прозвучало: „Израиль ожидает до конца года прибытие до одного миллиона евреев из СССР“.

Изощёренные унижения, которым подвергались эмигранты,

создавали видимость попыток властей удержать их от выезда. Но результат подобных действий был обратным и лишь укреплял желание эмигрировать любой ценой. Вот типичный пример: „у лиц еврейской национальности, награждённых государственными наградами в Великую Отечественную войну, при выезде для воссоединения со своими родственниками в Израиль военкомат забирает награды“ (М.Роговой. „Как снимают ордена“. АиФ, 1989, № 38 (467), с.6). И всё-таки уезжали с мучительной болью в душе, „с мясом“ вырывая рабскую тягу к впитанным с материнским молоком обычаям и привычкам страны, по инерции называемой Отчиной, с тайной надеждой, пережив в эмиграции антисемитское безумие, охватившее её, вернуться в привычную среду обитания.

*Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать –
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад тёмно-синий
Я впотьмах не найду.
Между выцветших линий
На асфальт упаду.
И увижу две жизни
Далеко за рекой,
К равнодушной отчизне
Прижимаясь щекой...
(И.Бродский. „Стансы“).*

Но практически никто не возвратился, в том числе и Бродский.

И всё же, не галлюцинации ли это воображения, испуганного высказываниями и поступками отдельных безответственных лиц? Существуют ли такие реальные, организованные и целенаправленные силы, которые угрожают евреям в России?

„Один из лидеров „Памяти“ К.Осташвили, вспоминая об известной стычке в ЦДЛ (Центральный дом литераторов в Москве, где антисемиты сорвали заседание, организовав

националистическую демонстрацию – Т.Ф.) 18 января (1990 г. – Т.Ф.)... говорил: „На наших митингах я часто вижу людей в военной форме. Не менее половины наших сторонников – рядовые члены КПСС (заметьте: там, где исповедуют антисемитизм, там говорят о КПСС – Т.Ф.). Главная же наша опора – рабочий класс... У нас прекрасно обученные ребята – бывшие „афганцы“, пограничники... На 200 тысяч московских евреев найдётся столько же „памятников“, благо что (сторонников „Памяти“ – Т.Ф.)... в столице „предостаточно“ (С.Бурин. „Исход?“. 24 часа, 1990, вып.Ш, с. 10).

На чью же защиту могут рассчитывать дети, женщины и старики, еврейское население России, если националистические силы однажды приступят к осуществлению своих планов? Евреи-мужчины (отцы, мужья, братья, сыновья), застигнутые врасплох, поодиночке, безоружные, безусловно не смогут оборонить своих близких. Именно на этом и строится расчёт погромщиков. Кто же защитит российских евреев?

Органы правопорядка? „...Во время митинга 12 марта (1990 г. – Т.Ф.) возле площади Маяковского в Москве... били собравшихся с кличем „жиды пархатые, ублюдки сионистские“... ребята из ОМОНа, те самые, кому в критической ситуации будет вверена наша безопасность. Кто же именно так натаскивает, именно на это науськивает мальчиков в грозной форме и с грозным оружием в руках?“ (С.Чуприн. „Одна любовь, но неодинокая!“.. Лит.газета, 09.05.90, № 19 (5293), с.4).

Естественно возникает вопрос: кто руководит ОМОНОм? Министерство внутренних дел? Служба госбезопасности? В наше тревожное время кому, как не им стать гарантами межнационального мира в многонациональной стране, некогда провозгласившей интернационализм стержнем своей внутренней и внешней политики? Если верить заявлениям их нынешнего руководства, эти органы уже не те, что в 1944 году заживо сожгли в сарае подлежащих высылке в Казахстан из чеченского аула Хайбах стариков и детей, не способных пешком добраться до железной дороги, а в послевоенные годы осуществляли политику государственного антисемитизма,

организовали „Дело врачей“, разгромили Еврейский антифашистский комитет, строили специальные концентрационные лагеря в ожидании массового поступления евреев. Однако компетентные люди утверждают, что цели и методы этих служб остались прежними (О.Калугин. „КГБ пока не меняет принципов“. Газета „Комсомольская правда“, 20.06.90, № 140 (19840), с. 2).

Тогда будем надеяться на защиту армии, на Вооружённые силы. Но армия уже давно утратила принцип служения народу, деморализована (В.Лопатин. „Армия и политика“. Журн. „Знамя“, 1990, № 7, с. 147-159). Националистические эксцессы и стычки на национальной почве среди военнослужащих систематически происходят в самых разных воинских формированиях. Националистическими настроениями заражён и офицерский корпус. В этом меня убедили мои наблюдения в госпиталях Кронштадта, Пскова, Ленинграда, в Военно-медицинской академии им.С.М.Кирова. Да если бы только мои. Многочисленные публикации о „дедовщине“, дело Брозгаускаса, статьи и очерки о быте и боевых действиях „ограниченного контингента советских войск в Афганистане“, наконец, заметки А.Лиханова о фактах потрясающей жестокости в Вооружённых Силах, заканчивающиеся малоутешительным выводом: „армия выполнит любой приказ, не рассуждая“ (А.Лиханов, „Эшафот“. Совершенно секретно, 1990, № 6, с.22-23). И пусть не успокаивает мысль, что армия не стала выполнять приказы ГКЧП. Просто эти приказы не были подкреплены достаточно долгой психологической обработкой „человека с ружьём“. Об антисемитизме этого не скажешь.

Кто ещё? Руководители государства. Вот кто должен защитить своих граждан! Но вспомним, что президент СССР М.С.Горбачёв в этом вопросе фактически отмалчивался. Разве не показательны постоянные „опоздания“ с применением надёжных мер защиты национальных меньшинств в случаях то тут, то там происходящих погромов? О действенных превентивных мероприятиях в масштабе страны пока вообще нет речи. А каковы наказания погромщиков? До изумления мягкие, вопиюще несоизмеримые с содеянным. Они явно

предназначены для „отвода глаз“ общественности и по своему воздействию на умы скорее носят поощрительный характер („Осуждён инициатор погромов“. Правда, 18.10.90, № 291 (26374), с.6; Т.Иванова . „...Но не тюрьмами, не решётками!“ Газета „Книжное обозрение“, 23.11.90, № 47 (1277), с.6).

Или взять отношение к этой проблеме, так сказать, правопреемника президента бывшего Советского Союза. На вопрос, заданный Б.Н.Ельцину на встрече с коллективом Ленинградского политехнического института зимой 1990 года, о том, что он думает о росте местных антисемитских настроений, Борис Николаевич рассеянно пожал плечами: ему, видите ли, ничего не известно (или безразлично?). Впрочем, не так уж безразлично. На вопрос интервьюира ТВ „Останкино“ (16.11.93), может ли еврей стать президентом России, Ельцин с циничной улыбкой ответил, что теоретически может, но вряд ли. Куда яснее!

Попробуем всё же перейти на мажорный лад. *Кто ещё? „...Те, которые 4 и 25 февраля (1990 г. – Т.Ф.) заполнили улицы (Москвы – Т.Ф.), которые готовы выйти на них снова и преградить дорогу черносотенцам“* (С.Бурин. „Исход?“. 24 часа, 1990, вып.Ш, с. 10). Нет, не могу разделить оптимизм г-на Бурина – не верю! В день несостоявшейся демонстрации я прошёл по центральным улицам Ленинграда. Огромный город был хмур, настороженно тих, смиренно пуст. 25 февраля 1990 года в „северной столице“ этих сил я не видел.

„Сегодня в стране нет организации, способной обеспечить безопасность человека, - считает... генерал Леонид Иванович Шершнёв“ (Ю.Щекотихин. „Личная безопасность каждого“. Лит.газета, 25.04.90, № 17 (5291), с.12). Словам генерала, призванного охранять спокойствие в государстве, приходится верить.

Но мне могут возразить: это было в 1990 году. Теперь же восторжествовала демократия, теперь всё иначе. 1991-й год. Ирак оккупировал Кувейт. Иракские ракеты (советского производства) несут смерть в нейтральный Израиль. На улицах Ленинграда плакаты: „Мы с тобой, Ирак. У нас общий враг!“ . Нужны комментарии? Опять на Дворцовой площади знамёна со

свастикой (пardon! – с „соколом в полёте“), опять „Память“, опять откровенный и безнаказанный призыв к антиеврейским действиям в стране, и опять никаких сил противодействия (С.Лурье. „С чего начинается фашизм?“. Невское время, 18.04.91, № 46 (455), с. 4; В Работнова. „Квартиры бесплатно. Из духа противоречия“. Там же, 28.11.91, № 141 (550), с.1; П.Сергеев. „Будем терпеть?“. Там же, 30.11.91, № 142 (551), с. 2).

К началу 1992 года согласно опубликованным в газете „Невское время“ (27.12.91, № 151 (560), с.4) выдержкам из „Каталога документов национал-патриотического движения С.-Петербурга“ в Ленинграде действовали следующие национал-патриотические партии, организации и группы: 1) Патриотическое объединение „Память“, 2) „Русский национально-патриотический центр“, 3) Республиканская народная партия России, 4) Русское патриотическое движение „Отечество“, 5) Общественный комитет спасения Невы-Ладоги-Онеги (название не должно вводить читателя в заблуждение – это вовсе не историко-археологическое общество – Т.Ф.); 6) Национально-демократическая партия (Петроградская региональная организация). В плане „патриотической“ ориентации, ни в коем случае не смешивая или противопоставляя их программы и аргументацию, следует упомянуть ВКП(б) во главе с Н.Андреевой, Национал-социалистическую партию во главе с безымянным руководством, движение „Наши“ (где подвизался А.Невзоров), „Русское национальное единство“ (фюрер – А.Баркашов), а также военизированные казачьи группы. Вот такой „букет“.

Грозным фактором явилось создание вооружённых фашистских дружин (сошлюсь на программу „Альтернатива“ ТВ „Петербург от 06.09.92 и следующие печатные публикации: М.Шабалин. „Мы могли бы ударить в спину“. Невское время.16.11.92, № 219 (367), с.3; А.Вермишев. „И мальчики пятнистые в глазах...“. Там же, 23.03.94, № 54 (715), с.3).

Об угрозе фашизма в России предупреждает и советник президента Ельцина Г.А.Старовойтова (её статья „Веймарская Россия?“. Невское время, 06.09.93, № 107 (586), с.1). Но не

слышит советника президент, глухо его правительство. Пользуясь попустительством властей, фашистское движение в России набирало темпы. Так попытка путча в Москве 02.10.93 расценена рядом политических обозревателей как „дебют русского фашизма“ (А.Щелкин. „Указ о роспуске – услуга Советам“. Невское время, 09.10.93, № 193 (602), с. 1-2). И хотя этот „дебют“ был сорван, ставить на этом точку было бы преждевременно. Публикации 1992-1993 г.г. убеждают в попустительстве и сочувствии фашистам не только в руководстве страны, но и в силовых структурах, а также в судебно-следственных институтах (Е.Соломенко. „Какого цвета питерская милиция?“. Известия, 19.09.92, № 209 (23783), с.3; Д.Лебедев. „Последыши Юлиуса Штрайхера с улицы Савушкина“. Невское время, 13.02.93, № 28 (437), с.3; М.Золотоносцев. „Гитлер, Безверхий и другие товарищи...“. Там же, 13.03.93, № 47 (456), с. 3; И.Десятерик. „Дело о „народном деле“ Там же, 22.04.93, № 75 (484), с. 3; В.Шабалин. „Поблажки для „патриотов“. Там же. 02.07.93, № 123 (532), с. 2). И вновь, теперь уже ставшая неуютной, бывший советник президента Г.Старовойтова рассматривает возможный механизм прихода фашистов к власти на очередных президентских выборах в 1996 году (её статья „Президент опоздал“. Невское время, 30.12.93, № 251 (660), с. 1).

И ещё по существу вопроса. В 1998 году один из „отцов перестройки“, бывший член ЦК КПСС и соратник М.В.Горбачёва Александр Яковлев прямо заявил, что фашистские организации в России возникли при прямом участии КГБ. Об этом знали и М.В.Горбачёв, и Б.Н.Ельцин, но никаких действенных мер не предпринимали для прекращения их деятельности (А.Яковлев. „Российских фашистов породил КГБ“. Известия, 17.06.98, № 108 (25208), с. 5).

Созданный правящей верхушкой страны Франкенштейн фашизма после избрания Ельцина на второй президентский срок в 1996 году (точнее, на третий срок во главе России) оказался ненужным. Но, успев встать на ноги и окрепнуть, фашизм не хотел уходить в небытие. Лишь после серии скандальных выходов, демонстраций, поджогов синагог, осквернений

памятников и кладбищ, под постепенно нараставшим давлением общественности и прогрессивно настроенных СМИ, после многократных декларативно „грозных“ окриков из Кремля весной 1999 года наконец-то последовало президентское запрещение на свободное распространение фашистских изданий, ношение фашистской формы одежды и символики.

Буквально на следующий день возле станций петербургского метро можно было видеть парней в пятнистой униформе и с повязками „РНЕ“ (красная нарукавная повязка со стилизованным фашистским знаком), раздающих фашистские газеты и листовки прямо на глазах милицейских патрулей. Я позвонил в Городское управление внутренних дел и сообщил об этом дежурной, назвавшей свою фамилию Волкова. В ответ с нескрываемым раздражением последовало: „Они вас не трогают? Нет? Ну и вы оставьте их в покое!“. Так на пороге нового тысячелетия петербургские правоохранительные службы „боролись“ (или братались?) с фашизмом.

Глава 11. АНТИСЕМИТИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Итак, статьи конституций, призванные регулировать межнациональные отношения в нашей стране, не действуют. Они постоянно и повсеместно не выполняются. Они – фикция, потому что их несоблюдение всегда остаётся безнаказанным.

Демонтаж провозглашённых в конституциях принципов страны был организован партийно-правительственным руководством путём проведения в разное время репрессивных мероприятий против многих наций и народностей, проживающих на территории СССР. В результате ни одна этническая группа не была гарантирована от дискриминации по национальному признаку (как показали события конца века, в том числе и этнические русские – на национальных окраинах бывшего Союза).

В настоящей работе рассматривается практика

межнациональных отношений в применении к еврейскому народу (во избежание начётничества я ограничился исследованием периода времени моего сознательного восприятия происходящего – когда „раскрылись глаза“, ранее зашоренные оглушающей и оглупляющей официозной пропагандой). Сразу замечу, что в отличие от проявлений национализма вообще, в большинстве случаев локальных, антисемитизм повсеместен. Поныне антисемитизм является значимым инструментом геополитики и стоящих у власти кругов, и „теневых кабинетов“ во многих странах СНГ, Восточной Европы и государств Западного мира. О накале антисемитизма в мусульманских странах Востока и Африки события последних десятилетий говорят сами за себя.

Так что же такое антисемитизм? Пусть не в глобальном масштабе, а в нашей стране. Антисемитизм на территории бывшего СССР – это антиеврейские настроения и действия, в течение многих лет последовательно культивируемые в сознании населения партийными и правительственными инстанциями Советского Союза и осуществлявшиеся на бытовом, производственном, административно-хозяйственном, образовательном уровнях, а так же в сфере науки и культуры. Это создание образа врага в лице „международного сионизма“. Это введение негласного запрещения на ряд профессий для евреев в послевоенные годы. Это организованные судебные процессы против видных представителей еврейской нации, прикрытые фиговым листком лозунга „борьбы с космополитизмом“. Это откровенно протекционистская позиция по отношению к антиеврейским выступлениям в средствах массовой информации. Это фактическая безнаказанность националистических, черносотенных и неофашистских организаций. Это создание атмосферы незащищённости и бесперспективности существования евреев в нашей стране, то есть недвусмысленное подталкивание их к массовой эмиграции.

Всплеску национализма в различных регионах страны предшествовала длительная антиеврейская компания, ставшая своеобразным катализатором разложения и свёртывания идеи интернационализма – единственной, способной стабилизировать

внутриполитическое положение в многонациональном государстве. „Самая большая ошибка – полагать, что антисемитизм – это проблема евреев. Если вы позволяете выделять какую-либо группу людей, дискриминировать их, преследовать, даже убивать, то помните – в конце концов будете убиты и вы. В войне (1939-1945 г.г. – Т.Ф.) погибло 6 миллионов евреев – но и 60 миллионов людей других национальностей“ (Е.Якубович. „Уроки Анны Франк“. Лит.газета, 18.07,90, № 29 (5303), с. 11). Эти слова вещим образом иллюстрируют последовавшие события: Израиль ещё прикидывал вероятность прибытия миллиона советских евреев, а в России в 1990 году уже насчитывалось более 600 тысяч внутренних эмигрантов, в том числе, русских, – беженцев из районов националистических погромов („Обращение Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР ко всем Верховным Советам союзных республик СССР“. Правда, 05.12.90, № 339 (26422), с. 1).

Преступное извращение законности одними инстанциями и конформизм других неизбежно привели к нарастанию криминогенной обстановки в стране. Влиятельной и грозной силой стала мафия – выпестованная правящими кругами элита преступного мира, и ранее сотрудничавшая с властью, а в семидесятые-восьмидесятые годы всё более сливавшаяся с определёнными звеньями административного аппарата и – с целью выхода из подполья – политизирующаяся, претендующая на власть. Тех, кому это утверждение покажется беспочвенным, отсылаю к статье В.И.Бувевича, члена КПСС, бывшего работника Леноблпрокуратуры, зампреда комиссии Ленсовета по правам человека. Цитирую: „...я довольно быстро понял: передо мной коррумпированная система, включающая в себя и правоохранные органы... Я считаю: есть... аппарат, сросшийся с преступным элементом. И если... не взорвать эту, по сути, уголовную связь, то ничто не помешает... аппарату быть правящим и жирующим за счёт народа классом“ (В.Бувевич. „Мы живём в антигуманном обществе“. Невское время, 11.04.91, № 43 (452), с. 2). А говорят – нет пророка в своём отечестве.

Мне могут возразить: в августе 1991 года победила демократия, КПСС распущена, прежнего управляющего страной аппарата нет. Это действительно так. Но... Куда подевались люди, составлявшие прежний гос- и партаппарат? Куда делись огромные средства партии, профсоюзов, комсомола? Разве не ими и не на эти деньги созданы бесчисленные акционерные, арендные, малые и немалые предприятия, общества с ограниченной и полным отсутствием ответственности, кооперативы и т.п.? Ибо, что бы не говорили, невозможно понять, каким ещё образом (кроме разве что спекуляции государственным имуществом и средствами, мошенничества и грабежа) можно было собрать в условиях нашей страны многомиллионные состояния, изначально вкладываемые в эти, словно по команде, расплодившиеся организации. И уж совсем невозможно поверить, что распались былые связи партийных функционеров с криминальным сообществом, сложившиеся в советское время.

О проникновении преступного мира во все поры внутригосударственных отношений свидетельствуют многочисленные публикации. Чтение их даёт чудовищную, умопомрачительную картину состояния страны, но знать это надо. Поэтому привожу как можно подробнее (Ю.Щекочихин. „Шторм после шторма“. Лит.газета, 02.12.87, № 49 (5167), с. 13; А.Ваксберг. „Кость мамонта“. Там же, 18.05.88, № 20 (5190). с.13; А.Борин. „Старинная игра“. Там же, 06.04.88, №14 (5184), с. 12; В.Соколов. „Бандократия“. Там же, 17.08.88, № 33 (5203), с.13; „Прыжок льва на глазах изумлённой публики“. Там же, 28.09.88, № 39 (5209), с. 13; М.Малахиев, Н.Савельев. „Жернова властолюбия“. Комсомольская правда, 02.08.88, с.3; Н.Варсегов. „Дело прокурора“. Там же, 19.08.88, с.2; К.Столяров. „Пропажа“. Газета „Неделя“, 1988, № 42 (1490), с. 10; Ю.Щекочихин. "Экстремальная модель". Лит.газета, 12.10.88, № 41 (5211), с. 13; Ю.Феофанов. „Взятка: было - не было“. Известия, 19.09.89, № 262, с. 3; П.Лукиянченко. АиФ, 1989, № 40 (469), с.8; С.Киселёв. „Шторм – 2“. Лит.газета, 10.05.89, № 19 (5241), с. 13; А.Илеш. „Как ловили убийцу и уволили из милиции тех, кто его задержал“. Известия, 26.10.89, № 299, с. 6;

К.Аксёнов, В.Демидов. „Избитая истина“. Правда, 11.12.89, № 345 (26063), с. 4; Н.Кривомазов. „Во имя добра?“. Журн. „Крокодил“, 1989, № 25, с. 4-5; Н.Волынский. „После взрыва на Невском“. Правда, 24.02.89, № 41 (25760), с. 6; Б.Пипия. „Пролом в арсенале“. Там же, 24.09.89, № 267 (25985), с. 3; С.Кислинская. „Сюжет с компьютером“. Газета „Советская Россия“, 27.09.89, № 223 (10074), с. 6; А.Сахаров. „Закон должен быть гуманным“. Лит.газета, 24.01.90, № 4 (5278), с. 13; Л.Тимофеев. „Я – особо опасный преступник“. Журн. „Юность“, № 8, с. 76; К.Баялинов. „Ош 1990“. Комсомольская правда, 22.09.90, № 218 (19918), с. 2; В.Василец. „Прокурор с чужим ружьём“. Правда, 22.03.90, № 26164), с. 4; Ю.Щекочихин. „Московский спрут“. Лит.газета, 12.09.90, № 37 (5311), с. 12; В.Белых. „Мафия не отступает“. Газета "Труд", 04.05.90, № 102 (21049), с. 4; А.Коробеев. „Какой гуманизм нам нужен?“. Правда, 20.06.90, № 201 (26284), с. 3; А.Урванцев. „Суду всё ясно“. Правда, 14.09.90, № 257 (26340), с. 6; В.Чертков. „За преступников берётся контрразведка“. Правда, 21.09.90, № 264 (26347), с. 3; „Контрразведка: против спецслужб и организованной преступности. Беседа корреспондента „Правды“ с заместителем председателя КГБ СССР, членом ЦК КПСС В.Ф.Грушко“. Правда, 26.08.90, № 238 (26321), с. 2; П.Пасечник. „Петлюра и еврейские погромы“. Газета „Правда Украины“, 26.07.90, № 170 (14635), с. 3). Сюда же следует включить многочисленные сообщения о межнациональных столкновениях и погромах в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Фергане, Гурьеве, Абхазии, Молдавии, Армении, Казахстане, Азербайджане, Душанбе, Западной Украине, Прибалтике, Туве, Киргизии – список публикаций неподъёмно огромен. И в завершение сказанного, приведу публикацию 2011 года. Согласно американским исследованиям „захват власти криминалом произошёл вскоре после распада СССР, когда партноменклатура и КГБ объединились с вожаками мафии“ (О.Добровольский. „Прощай, шпана замоскворецкая!“ Газета „Европа-Экспресс“, 2011, №32 (700), с.12). Как видите, спустя 20 лет ничего оптимистичного о постперестроечных годах нам сообщить не смогли..

Анализ представленного материала недвусмысленно свидетельствует, что нарастание криминогенной обстановки в нашей стране постоянно сопутствует нагнетанию национальной розни и разрушению правозащитных механизмов, то есть развивается в направлении, в котором заинтересованы националистические силы. При этом уголовные элементы активно вовлекаются и широко используются националистами в качестве застрельщиков и штурмовых отрядов в погромных делах, что усугубляет варварство и животную жестокость эксцессов. Опыт зимы 1989-1990 годов показал, что одним из возможных тактических направлений деятельности этих сил является подготовка еврейских погромов.

Но как бы ни были грозны симптомы, за ними следует разглядеть саму болезнь. Суть её – борьба за власть. Сочетание институтов власти с уголовным миром и националистическими силами – это и есть русская мафия. И независимо от того, ставится или не ставится сегодня отдельными её руководителями такая задача, объективно деятельность русской мафии является реальной предпосылкой возможной победы фашизма в России. „...Единственной реальной альтернативой (демократии – Т.Ф.)... в нашей стране является национал-социализм, фашизм, прикрытый до времени то чалмой, то щитами отрядов спецназначения, избивающих „сионистов“ на площади Маяковского, то газеткой „Пульс Тушино“, издаваемой сорокатысячным тиражом „неведомо“... кем и неведомо как организующей шовинистические митинги в клубе оборонного предприятия. И надо быть безумцем или слепцом, чтобы не видеть: шансы этих сил на успех... с каждым днём возрастают“ (В.Вильчек. „Съезд и разъезд“. Журн. „Огонёк“, 1990, № 24, с. 8-9). Ну, что касается упомянутой выше „неведомо кем“ издаваемой газеты, то И.Бунич прямо пишет: „Близкая к ФСБ газета „Пульс Тушино“. (И.Бунич. „Хроника чеченской бойни и шесть дней в Будёновске“. СПб: Облик, 1995. с. 8). Впрочем, это было понятно и так. Главное в другом: события последующих лет подтвердили актуальность сделанного Вильчеком вывода.

Да, фашисты, как таковые, не захватили власть в России, но

и не исчезли безвозвратно. Не разогнаны организации и партии, исповедующие фашистскую идеологию и пытающиеся реализовать её человеконенавистнической практикой. Не наказаны их инициаторы и руководители. Они ушли в неглубокое, декоративное подполье, временно растворились в криминальных структурах и ждут своего часа. Ждут, когда их позовут. Не исключена ситуация, когда на фоне очередного разжигания межнациональных противоречий, на гребне раздутого антисемитизма возможной формой прихода мафии к власти в России может стать фашизм.

В процессе подготовки к реваншу продуманы и пути отхода на случай возможного поражения, в частности, в виде проведенного через Думу пакета законодательных актов, фактически защищающих преступников от заслуженного полновесного наказания. Спекулируя на идее „гуманизации“ уголовного права, их лобби добилось принятия уголовного законодательства, естественного в благополучных в криминальном отношении странах, но в современной России объективно являющегося социальным заказом преступного мира.

Требование „гуманизировать“ уголовное законодательство так же абсурдно, как и требование ужесточить законы. Закон не может быть произвольно мягок или жесток. Единственный критерий законности – справедливость. Справедливость наказания можно и должно научно обосновать: она в наказании, адекватном причинённому ущербу как жертве преступления, так и всему обществу. Наказание призвано полностью компенсировать намеренно нанесённый ущерб, а в случае некомпенсируемого ущерба наказание должно абсолютно исключить для преступника возможность совершения вновь каких-либо преступлений. Только так можно обеспечить защиту законопослушного населения, только таким образом можно надеяться предотвратить рецидивы преступлений. И в первую очередь Российское уголовное законодательство и практическая деятельность органов правопорядка и правозащиты обязаны разрушить связи уголовного мира с националистическими силами, то есть обессилить и обескровить национализм. Лишь

обезопасив общество от разгула уголовщины, можно приступать к длительной антинационалистической пропаганде. Только тогда она будет эффективна.

С момента написания этой главы прошло двадцать лет. Идёт 2011 год. В стране с трудом прорывается сквозь административные и судебные проволочки дело юриста С.Л.Магнитского*, раскрывшего чудовищные хищения государственных средств в России. Робкие подвижки этого уголовного дела стали возможны лишь благодаря международной политической и общественной кампании, поскольку в самой России возбудить уголовное дело подобного плана было изначально невозможно. По этому поводу в мае 2011 г. совершенно чётко высказался в интервью международному интернет-порталу „Rezume.ru“ У.Браудер: „Я понял вот что. В России нет государства. Это территория, оккупированная горсткой преступников. В России живет 141 миллион нормальных, работающих, щедрых, умных, порядочных людей. И миллион преступников, которые все разрушают. А государства никакого нет. Вряд ли такая ситуация отвечает интересам Путина или Медведева. Тут возможны только два ответа: либо они в доле, либо они не могут ничего сделать.“

Очевидно, что в создавшихся в Российской Федерации условиях пока нельзя ожидать кординальных подвижек внутренней политики, в том числе, в национальном вопросе.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Инспирируемые стремящимися к власти силами национализм и криминогенная напряжённость создают в нашей стране для представителей малых народностей и, прежде всего, для евреев непереносимую атмосферу, побуждающую их всеми правдами и неправдами искать спасения за рубежом. Бесперспективность обитания евреев и „породнённых с ними лиц“ (да простится мне это терминологическое заимствование)

**Увы, дело Магнитского не „прорвалось“ сквозь судебные препоны. Он погиб в тюрьме 16.11.2009. Виновные в его смерти не наказаны.*

на постсоветской территории является результатом националистической и антисемитской пропаганды и систематического подавления интеллектуальных и творческих возможностей еврейского народа. При этом замалчивался или намеренно извращался факт, что интеллект евреев, их трудолюбие, добросовестность, устремление к поиску новых форм в производственной, исследовательской и педагогической деятельности, в искусстве и в спорте навечно вошли в состав производительных сил и достижений науки и культуры СССР так же, как воинская отвага, стойкость и полководческие способности вошли в анализы его боевых успехов. Вошли несмотря на уничижительные и геноцидные тенденции, культивировавшиеся высшими эшелонами власти.

Эта книга об антисемитизме в СССР, о практике межнациональных контактов в нашей многонациональной стране по отношению к людям с еврейской кровью, на протяжении десятилетий развивавшихся со знаком „минус“. Поэтому на её страницах фактически не нашлось места добрым, умным и честным людям, которые, конечно же, часто встречались в моей жизни и, в частности, так или иначе способствовали написанию этой книги. За это им глубокая, сердечная благодарность. И мне верится, что в „час X“ эти люди, даже если их будет не очень много, мужественно станут противодействовать черносотенцам.

Рассказать о взрыве антисемитизма в последнее десятилетие XX века – долг моей совести, право и преимущество человека, в жилах которого поровну течёт кровь двух рас – семитской и славянской. Я не имею морального права молчать в то время, когда умело натравливают большой народ на малый. И пусть эта книга послужит важному для нашей Родины делу восстановления взаимопонимания и взаимоуважения между ними.

„Люди, которые хотят, чтобы их считали порядочными, не имеют права смотреть на всё со стороны. Мы обязаны бороться с антисемитизмом“. (Т.Иванова. „...Но не тюрьмами, не решётками!“). Газета „Книжное обозрение“, 23.11.90, № 47 (1277), с. 6).

РАССКАЗЫ

ТЁТКА

После Второй мировой войны государственные деятели многих стран, светские и религиозные идеологи, националисты и жаждающая крови прочая дрянь используют любые возможности, чтобы раскачать и разрушить устои мирной жизни. Воюют то там, то тут: стреляют, взрывают, бомбят. В то же время бесконечно множатся статьи, романы и фильмы о том, что написанное по свежим следам о прошедшей войне – пропаганда, что всё было не так жутко и мерзко, что количество жертв и их муки преувеличены, что военные преступники и изуверы-палачи тоже люди, старые и больные, нуждающиеся, ну, ладно, не в любви, но, уж во всяком случае, в понимании и прощении. Да и были ли перемолотые в щебень селения, концлагеря, массовое истребление мирного населения и военнопленных? Был ли Холокост? Вместо всеобъемлющей оценки прошлого звучат бесконечные призывы возлюбить ближнего. А под оставшимся после войны пеплом, на котором пытаются культивировать добро, тлеет и готово полыхнуть всемирным пожаром скрываемое до поры зло. Такие размышления выстраивались у меня под неспешные рассказы моей двоюродной тётки Натальи Алексеевны Петровской-Рейно.

Тётя Наташа живёт в Ниоре, старинном французском городе в центральной Франции, примерно в сотне километров от города-крепости Ла Рошель, что на Бискайском заливе. Я сижу в квартире у тётки, среднего роста весьма худощавой и очень подвижной женщины (тогда 85-ти лет) со скуластым славянским лицом. Странно слышать её русскую речь с заметным французским акцентом. Забывшись, она переходит на французский. Тогда приходится её останавливать, и мы, посмеявшись, продолжаем беседу. Вообще-то тётка говорит одна. Я напряжённо слушаю, стараясь запомнить хотя бы узловые моменты её рассказа. Изредка задаю вопросы, уточняю.

Вся тёткина и моя родня по материнской линии в предреволюционные и послереволюционные годы жила в городе Бердянске на Азовском море или в его окрестностях: Самойловы, Петровские, Поддубные, Извековы, Вязмитиновы, Бурьяновы, – почитай, четверть населения Бердянска довоенных лет.

Город Бердянск расположен на ровном, как стол, берегу Азовского моря. От зимних ветров с севера город защищает некогда бывшая морским берегом Гора – высокое плато, оставшееся после обмеления моря в доисторические времена. Многокилометровая песчаная Коса спасает береговой урез от ударов штормовых волн в осеннее и зимнее время. Речка Берда, впадающая в море рядом с Косой, образует небольшой лиман. Здешние лиманные грязи известны лечебными свойствами. Два века их применяют для лечения больных с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Здесь выстроен Курорт. Добрая слава о Курорте приводит в Бердянск многочисленных страждущих из СНГ и дальнего зарубежья.

Основанный в 1827 году, Бердянск в середине XIX века стал уездным городом, известным своим хлебным портом, через который за границу ежегодно вывозили до 10 миллионов пудов зерна. Градоначальником Бердянска в 1876 году был защитник Севастополя контр-адмирал П.П.Шмидт, отец Петра Петровича Шмидта, лейтенанта, возглавившего в 1905 году восстание на учебном крейсере „Очаков“. До революции в городе работали 3 завода (сельскохозяйственных машин, канатный, свечной) и 3 фабрики, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию, судоремонтные мастерские, электростанция, паровая мельница, пекарня. Была подведена железная дорога, сооружён небольшой аэродром. Действовали мужская и женская классические гимназии, промышленное училище, мореходные классы, приходские школы. Окружающие сёла в достатке снабжали горожан мясом, молоком, фруктами и овощами. Море в те годы изобиловало рыбой.

Дед тётки Самойлов Антон Севастьянович и бабка Агафья Николаевна (мои прадед и прабабка по материнской линии) владели десятиной земли (немного больше гектара) в Колонии –

предместье Бердянска за Косой, в те годы заселённой колонистами-немцами. Десятина была засажена виноградом и фруктовыми деревьями. Это обеспечивало прожиток старикам. Прабабка умерла в 1927 году. Прадеда во время коллективизации раскулачили и выгнали из собственной хаты. Спасибо, не выслали, и до смерти в 1933 году старик жил у дочери в городе.

Мать тётки Мария Антоновна Тягунова (урождённая Самойлова) после смерти мужа, торговавшего зерном, бедствовала, оставшись с двумя малыми детьми на руках Леонтием и Константином. Через четыре года вдова сочеталась браком с овдовевшим крестьянином Петровским Алексеем Ивановичем, у которого от первого брака тоже было двое детей, Татьяна и Алексей. Новая семья продолжала пополняться детворой. Наташа (о которой этот рассказ) родилась в 1919 году. Потом родилась Мелания и ещё через три года самая младшая сестра Нина.

Детство тётки протекало в Бердянске и в Колонии у деда, сад которого оставил у неё много радостных воспоминаний. Расположенный неподалёку от берега моря, сад был местом сбора и игр детворы многочисленных родственников вплоть до раскулачивания деда. Именно там сложились крепкие дружеские отношения у Наташи с моей матерью Еленой и её братом Всеволодом Бурьяновыми. Матери и дяди уже давно нет, и вот теперь от тёти Наташи мне довелось услышать о них много добрых слов.

Стоит только вспомнить историю СССР конца двадцатых – начала тридцатых годов, чтобы понять: жизнь многодетной семьи Петровских была очень трудной. Подраставшие дети рано начинали самостоятельную трудовую жизнь. В голодном 1932-м году, ещё не окончив семилетку, Наташа вынуждена была искать рабочее место. Выручило умение красиво и грамотно писать. Её приняли в контору Бердянской биржи труда. В 1935 году, получив в вечерней школе свидетельство о семилетнем образовании, она перешла на работу в Рыбпотребсоюз, где зарплата была заметно выше. Рыбпотребсоюз объединял десятки рыболовных артелей, расположенных на северном

побережье Азовского моря от Таганрога до Сиваша. Рыбаки зачастую пытались утаить от государства часть улова, чтобы с большей для себя выгодой продать рыбу на рынке. Контролируя вылов рыбы, Наташа постоянно бывала в разъездах. Эти, в общем-то неподходящие для юной дивчины условия работы, требовали от неё изрядной самостоятельности, умения устанавливать нужные контакты и, находя верный тон, получать необходимую информацию. Так формировался инициативный и стойкий характер.

Разъездная жизнь не устраивала Наташу. Хотелось продолжать образование. Да и создать свою семью в этих условиях было проблематично. В феврале 1941 года она перешла на работу в бухгалтерию Бердянской мельницы – достаточно крупного и стратегически значимого предприятия. Знаний бухгалтерского учёта у неё не было. Пришлось самоучкой доходить до всех тонкостей этого дела. Постепенно освоившись, стала дельной помощницей главного бухгалтера, самостоятельно проводя учёт выработки и госпоставок различных сортов муки, манной крупы, отрубей. Отдавая дань времени, вступила в комсомол. Бердянск украинский город, но его жители говорили по-русски и только в окрестных сёлах можно было услышать украинскую речь. Для Наташи же, чье детство большей частью протекало вне города, проблем с обоими языками не было. Поэтому в качестве комсомольской нагрузки ей поручили ежедневные читки газет на русском и украинском языках. Рассказывая, тётя Наташа и теперь без затруднений переходит на украинский.

Немецкие войска оккупировали Бердянск 7 октября 1941 года. Мельницу они сразу же запустили на полную мощь: немецкой армии требовалась мука. Наташу, комсомолку-активистку, уволили. На её место оккупационные власти назначили молодую немку из проживавших в Колонии немецких колонистов. Гражданское население снабжать продовольствием немцы не собирались. За попытку выйти в море на рыбную ловлю – расстрел на месте. Хотя новая власть возвратила прежним хозяевам ранее принадлежавшие им земельные наделы, но до лета и связанных с ним надежд на

овощи и фрукты предстояло как-то перебиваться. Морозы доходили в ту зиму до 30 градусов. Семья голодала. В 1942 году умер отец Наташи Алексей Иванович Петровский.

Затем пришла новая беда. Немецкие власти составили списки бердянской молодежи, предназначенной для отправки на работу в Германию. О масштабе этой акции в небольшом Бердянске говорят цифры – списки включали 11,5 тысяч человек. Наташа попала во второй список, а её младшая сестра Нина в четвёртый. Об этом Наташе сообщила её знакомая немка, работавшая переводчицей в городской управе. Спрятаться было невозможно: другие члены семьи являлись заложниками, которых немцы хладнокровно расстреливали, если кто-то из включённых в списки делал попытку скрыться. Один такой случай произошёл в соседнем доме: немецкий унтерофицер, не найдя внесённую в списки молодую женщину, застрелил её престарелую мать. За 2 года оккупации в Бердянске погибло более 6 тысяч жителей. Единственное, что удалось сделать, это упротить переводчицу-немку внести Нину в тот же список, в котором была Наташа. Всё-таки более приспособленной к самостоятельной жизни Наташе было уже 23 года, тогда как Нине только 17.

Группа молодежи, в которую попали Наташа и Нина, состояла из нескольких сотен девчат. В Мелитополь их погнали 3 июля 1942 года пешком, так как железная дорога была разрушена бомбёжками, а автомобильный или гужевой транспорт оккупанты сочли излишней роскошью. Путь протяжённостью в 110 километров они проделали за 2 дня. В тех, то делал попытку убежать, падал от усталости или отказывался идти пешком, стреляли. Шагая из последних сил, девушки бросили свои чемоданы и котомки: жизнь была дороже. Потом, в Германии, им очень недоставало выброшенных вещей. В Мелитополе их по сто человек затолкали в вагоны для скота и повезли на Запад.

В Германию они прибыли 21 июля 1942 года. Наташа и Нина были направлены на небольшую фабрику в Бушюттен (Buschütten) в округе Зиген (Siegen) земли Северный Рейн-Вестфалия (Nordrhein-Westfalen). Фабрика изготовляла мелкий

бытовой и сельскохозяйственный инвентарь: вилы, лопаты, кочерги и т.п. Хозяин фабрики Гартманн, активный член НСПГ, сразу объявил девушкам, что будет жестоко наказывать за попытку отлынивать от работы или за любое проявление недовольства. Затем прибывших разбили на тройки. Их тройке надлежало вручную переносить из склада в цех тяжеленные стальные пластины и разрезать их на заготовки специальными ножницами опять же вручную. Ежедневная двенадцатичасовая работа, очень тяжёлая, совершенно неподходящая для женщин, к концу рабочего дня доводила до полного изнеможения. Ввиду военного времени фабрика работала без выходных, и лишь в дни общегерманских праздников можно было получить передышку. Заболевших не освобождали от работы и не лечили. Только инфекционных больных помещали в больницу одного из лагерей для военнопленных, откуда они не возвращались.

Кормили невероятно скудно: утром эрзац-кофе и ломтик хлеба, в обед миска баланды с редкими кусочками картофеля и капустных листьев и ломтик хлеба, на ночь травяной чай. Все мысли были только о еде. Чтобы как-нибудь уменьшить муки голода, девчата подбирали всё мало-мальски съедобное, где бы оно ни валялось. Выход в город не разрешали. За самовольную отлучку с территории фабрики, где в одном из бараков жили остарбайтеры, наказывали. Общение с местными жителями и немцами, работавшими на фабрике, запрещалось под угрозой строгого наказания. За этим следили. Изредка некоторым сердобольным немкам удавалось тайком сунуть русским девушкам яблоко, морковку или луковицу.

От полного истощения Наташу и Нину спасло знакомство с французским военнопленным Луи-Рене-Жозефом Рейно. Пленные французы работали в других цехах этой фабрики и пользовались относительно большей свободой передвижения, нежели остарбайтеры. Кормили их много лучше. Кроме того они получали продовольственные посылки из дома. Луи явно симпатизировал Наташе. Время от времени он приносил овощи или какую-нибудь другую снедь. Это позволило сёстрам продержаться более года.

Спустя год обеих сестёр направили на работу в Нидершельден (Niederschelden), где девушки должны были ремонтировать баки для авиационного бензина. Опять изнурительная многочасовая работа, большие нормы выработки. Пять баки надо было в холодном помещении, дыша испарениями от используемых кислот и припоев. Чтобы получить хоть какую-нибудь передышку, измученные работой Наташа и Нина решили спрятать запасы припоя в сугробе за бараком. Надсмотрщик заметил их проделку. Сестёр, правда, не били, но арестовали и в качестве наказания направили на несколько месяцев работать в крестьянском хозяйстве. Питание там было немного лучше, да и спали они не в ледяном бараке, а в относительно тёплом хлеву. Таким образом, наказание обернулось некоторым облегчением невероятно тяжёлых условий существования. Через пару месяцев девушек вернули в Нидершельден.

Потом их перевели на работу в мастерские городка Айзерфельд (Eisfeld), где им надлежало очищать от ржавчины и складировать изделия из стали и чугуна. Это была тяжёлая и грязная работа. Здесь они тоже были разбиты на тройки. Третьей была Ольга, молодая женщина из Польши. Луи и тут разыскал Наташу. Общались они на ломаном немецком языке. Их дружба постепенно переросла в любовь. Спустя некоторое время Наташа забеременела. Несмотря на беременность, от работы её не освободили и рабочую нагрузку не уменьшили.

Обычно английские и американские лётчики не бомбили небольшие города и посёлки, но Айзерфельду не повезло. Бомбёжки становились всё более частыми. Укрывались от них в большом бомбоубежище, вырытом у подножья горы на другом берегу речки Зиг (Sieg), протекавшей рядом с мастерскими. Хозяин мастерских распорядился перегородить мост металлической решёткой с воротами, запиравшимися на замок. В целях увеличения рабочего времени ворота открывали только тогда, когда самолёты уже заходили на бомбёжку. Как-то, стараясь поскорее оказаться в безопасном месте, беременная Наташа попыталась перелезть через решётку и уронила в реку ботинок. Другой обуви ей не дали, и до прихода англо-

американских войск она вынуждена была заматывать ногу в ветошь.

Наташа родила мальчика 4 марта 1945 года. Назвали ребёнка Луи в честь отца и оформили соответствующие документы. Остарбайтеров при приближении войск союзников 11 марта 1945 года отправили пешком в глубь Германии, в Марбург (Marburg), но с полдороги вернули ввиду бессмысленности мероприятия. Теперь их перестали гонять на работы, поскольку мастерские были разрушены прямыми попаданиями бомб. Никакой еды не давали. Водоснабжение было нарушено. Воду брали из речки, но кипятить её было негде. У Наташи иссякло молоко. Вошедшие в город союзники открыли городские хранилища и раздали остарбайтерам по 20 банок мясных консервов. Из-за плохой воды и жирной пищи, от которой её организм отвык за три года голодной жизни в Германии, Наташа заболела тяжёлой формой энтероколита и несколько дней находилась между жизнью и смертью. Когда она пришла в себя, её малыш Луи был уже мёртв. Пока Наташа болела, освободители срочно отправили всех французских военнопленных во Францию, чтобы там сформировать из них вспомогательные войсковые части. Хорошо, что Луи Рейно предусмотрительно оставил Наташе адрес своей сестры.

Немного оправившись от болезни и потрясения, вызванного смертью ребёнка, Наташа оказалась перед выбором: искать Луи или вернуться вместе с Ниной на родину. Не зная ни французского, ни английского языка, ей вряд ли удалось бы найти Луи, если бы не работавшая с Наташей Ольга и другие девушки из Польши. До войны эти молодые польки много лет жили во Франции и свободно изъяснялись по-французски. Они рассказали представителям французского командования, прибывшим в округ Зиген за французскими военнопленными, историю Наташи Петровской, Луи Рейно и обстоятельства гибели их ребёнка. На основании их свидетельских показаний Французский Красный Крест выправил необходимые бумаги, и Наташа получила разрешение отправиться во Францию на поиски Луи Рейно. Нина же должна была уехать в Бердянск. Сёстры смогли увидеться только через 12 лет во времена

Хрущёвской оттепели, когда Наташа получила разрешение советских властей навестить родных. До этой поры многочисленные письма Наташи к её родственникам не достигали адресатов.

Это почти невероятно, но Наташа каким-то чудом, порой по наитию, без денег и провианта смогла добраться до сестры Луи в посёлке Ла Коер в Вандейской глубинке. О ней там уже знали от Луи. Встретили Наташу сердечно, как-то объяснясь с помощью жестов и улыбок. Через два дня приехал Луи. Они оформили брак. Так для Наташи начался, перемежающийся многими трудностями и сравнительно редкими счастливыми моментами, французский этап её жизни. Она самостоятельно выучила французский язык: свободно говорит, пишет, много читает.

У тётки Наташи двое детей, сын и дочь. Для того, чтобы дать детям приличное образование, ей и Луи пришлось очень много работать. Поставив детей на ноги, они смогли купить себе небольшой дом с садом на семи сотках в вандейском городке Фонтэн ле Комт. Тяжёлая работа сказалась на основательно подточенном германским периодом здоровье тётки Наташи. В 1969 году ей удалили большую часть желудка. Плен и тяжёлая работа сказались и на здоровье Луи. После длительной болезни он умер в 1992 году. Тётка Наташа не могла жить в доме, где всё напоминало ей о муже. Продав дом, она переехала в Ниор, купив там недорогую квартиру. Её дети теперь живут и работают в Париже. У них свои взрослые дочери, подарившие тётке Наташе правнуков. Дети часто навещают Наташу. Порой вместе с ней они проводят неделю-другую на одном из курортов Бискайского побережья. Тётка Наташа и сама любит путешествовать. Она побывала в Испании, Италии, Бенилюксе, Англии, объездила средиземноморское побережье Франции, несколько раз бывала в России (Ленинград, Москва, Сибирь), на Украине и в Средней Азии. Единственная страна, куда она никогда не поедет, это Германия.

ГОЛОД

Четверг 8 сентября 1966 года – двадцатипятилетие начала Ленинградской блокады – был обычным рабочим днём. Мы, студенты-вечерники Политехнического института, перед лекциями забежали в столовую. Не подумав, как это воспримут ленинградцы, я ляпнул, что проголодался будто в блокаду. И получил...

– Что ты знаешь о блокаде? – В её взгляде холод, в голосе медь.

Я впервые видел её так близко и исподтишка любовался ею. Стройная. Сероглазка. Миловидные черты лица. Короткая стрижка открывала трогательную тонкую шейку. Одета со вкусом, но скромно. Настоящая ленинградка.

– Что знаешь о голоде?! – она буравила меня внезапно потемневшими глазами.

У меня хватило ума не пытаться заболтать бестактную шутку. Сказал, что зимой 1941-1942 года в оккупированном фашистами Харькове мне, трёхлетнему, довелось испытать настоящий голод.

Её взгляд смягчился.

– И всё же ты не видел настоящего голода.

Она произнесла это странно тихим, скорее даже усталым голосом и замолчала, глубоко задумавшись. Потом, прощая меня, скупой улыбнулась и начала рассказывать. Её рассказ произвёл на меня большое впечатление и все эти годы просился на бумагу. Похоже, теперь пришло его время.

В мае 1941 года ей исполнилось три года. А через месяц началась война. Её первые воспоминания относились к проводам отца на фронт. Самого отца она толком не запомнила. В памяти осталась бесконечная колонна солдат с винтовками за спиной, шагающих под пронзительные звуки духового оркестра, и торопливые поцелуи остро пахнущего потом и махоркой солдата, в котором она так и не узнала отца. Вскоре пришла похоронка.

А потом началась блокада. В трёхлетнем возрасте даты не запоминаются. В памяти блокадного ребёнка осень 1941 года

оказалась сжатой в несколько отрывочных эпизодов, позднее дополненных рассказами взрослых. Уже к концу сентября город, изолированный немецкими войсками от остальной страны, остался без продовольствия. Экономия уголь, городские власти отключили подачу тепла и электроэнергии в жилые дома. Рано ударившие сильные морозы вывели из строя водоснабжение и канализацию. Воду они стали приносить из Невы. Мать раздобыла печку-буржуйку, но дров не было. На топливо пошли книги, мебель, паркет и доски пола. Их хватило ненадолго. Девочке запомнился невыносимый холод.

Ещё хуже был голод. На улицах, во дворах и в квартирах лежали трупы людей. Трупы некому было убирать. В их большой коммунальной квартире соседей не осталось: то ли умерли, то ли эвакуировались, – она не знала. Затем в квартире поселился одинокий старик из соседнего повреждённого бомбой дома, и жизнь маленькой девочки стала чудовищным кошмаром.

Обезумевший от голода несчастный старик в поисках еды обшаривал опустевшие дома. Потом стал приносить и варить куски вырезанного из трупов мяса, распространявшего в квартире жуткую вонь. До сих пор ей временами снится багровое одутловатое лицо старика и его безумные, постоянно что-то ищущие глаза. Однажды старик решился напасть на её мать. Истощённая голодом женщина оказалась всё же достаточно крепкой и смогла защитить себя. В качестве оружия самообороны она постоянно носила большую отвёртку ещё и потому, что на улицах было небезопасно. Кроме уже привычных бомбёжек и артиллерийских обстрелов в городе частым явлением стали случаи бандитизма и людоедства. Пойманных преступников расстреливали на месте, но милиция редко поспевала вовремя.

Мать, работавшая в две смены на военном заводе, оставляла дочку дома одну. Бросить работу мать не могла: по законам военного времени не то что прогулы, опоздания строго карались, вплоть до расстрела. Работающие на заводе вдобавок к 250 граммам хлеба получали миску горячей баланды, скудно заправленной крупой и жиром, и плошку перловой каши. Часть

этой еды мать приносила дочери. Так им удалось продержаться до последней недели декабря, когда впервые увеличили нормы выдачи хлеба. К этому времени девочка из-за дистрофии едва ходила. Из осаждённого города их эвакуировали по Ладоге летом 1942 года. В её памяти остались взметнувшиеся к небу в абсолютной тишине (она так и сказала: „...в абсолютной тишине...“) обломки впереди идущей баржи с женщинами и детьми, в которую попала бомба, и, потом, уже на берегу, вкус круто посоленной картошки в мундире.

В шестидесятые годы о блокаде говорили и писали как о проявлении беспримерной стойкости, мужества и героизма ленинградцев. О бандитизме и, тем более, о людоедстве я услышал впервые и сказал ей об этом. Собираясь с мыслями, она отрешённо смотрела сквозь меня. То, что она затем рассказала, запомнилось на всю жизнь.

Уходя на очередную двенадцатичасовую смену, мать не решалась запретить дверь в комнату. В случае пожара при бомбёжке или артобстреле дочка не смогла бы выбраться из дома. Но в квартире был людоед. Чтобы он не проник в комнату, где оставалась беззащитная девочка, мать подпёрла дверь старинным дубовым буфетом и огромным платяным шкафом, оставив узкую щель, в которую она, исхудавшая от голода, едва пролезала. Для людоеда же щель была слишком узка.

После ухода матери начиналось самое страшное. Людоед наваливался на дверь, стараясь расширить щель. Убедившись в тщетности своих усилий, он пытался выманить забившегося в дальний угол комнаты ребёнка, елеинным голосом обещая дать кусочек хлеба или конфетку. Девочке ужасно хотелось есть, но она знала, что приближаться к двери смертельно опасно. Тогда людоед менял тактику. Через щель он закидывал в комнату корочку хлеба на длинной верёвке и медленно подтягивал к себе приманку. Устоять против такого соблазна было невозможно, и девочка, не сводя глаз с уползающей корки хлеба, начинала приближаться к двери. Людоед просовывал в щель руку, пытаясь поймать ребёнка. В последний момент она со слезами успевала отпрянуть, так и не

схватив вожделенную еду. Людоед раздражался за дверью диким рёвом, осыпая девочку проклятиями, а она, вся дрожа, забивалась в самый дальний угол. Через некоторое время людоед опять начинал свою жуткую охоту. Это происходило ежедневно на протяжении непредставимо долгого для трёхлетнего ребёнка времени. До сих пор она не может понять, почему мать не обратилась в милицию. После Нового года людоед исчез: то ли погиб при очередной бомбёжке или артобстреле, то ли застигнутый при расчленении трупа был расстрелян.

Она смолкла. Не находя слов, молчал и я. Что мог я для неё сделать?.. На занятия мы не пошли. По дороге ко мне купили картошку, четвертинку хлеба (250 граммов) и чекушку водки. Дома я начал разрезать хлеб пополам (по 125 грамм – суточная норма блокадного ребёнка) и вдруг заметил, что лицо моей однокурсницы побледнело. Застывшими глазами она следила за моими руками. В полном молчании мы съели сваренные в мундире круто посоленные картофелины и, поминая погибших, выпили водку, заев её чёрным хлебом. Разговор не клеился: дети военного времени мы опять были в страшном сорок первом. Потом я проводил её домой.

Вскоре она перевелась на другой факультет, более соответствующий её профессии. С той поры я её не видел. В памяти остался рассказ о чудовищном голоде в блокадном Ленинграде, об едва не умершей от дистрофии девочке и ежедневной охоте на неё обезумевшего от голода людоеда. Имени молодой женщины не называю: всё-таки это её история.

PS: блокада продолжалась 871 день. В сентябре 1941 года на блокированной территории оказалось более трёх миллионов людей. После блокады в Ленинграде насчитали 557 600 жителей. Количество погибших и эвакуированных до сих пор окончательно не уточнено. Предполагают, что только от голода умерло миллион двести тысяч ленинградцев.

НИЧЕГО НЕ БЫЛО

... Лена ... Ленка ...

Ночь. Не заснуть. Жесточайший грипп, без малого 40°. Временами люто знобит. Мокрая от пота постель мерзко липнет к телу. Встать и сменить бельё нет сил. Да и страшно вылезти из-под согретого телом сырого одеяла, натянутого по самые уши. Затылок, прилипший к влажной подушке, налит тяжестью и болью. Оглушённый вирусом мозг вяло перебирает события давних лет.

Лена... Мысли вяло цепляются за это имя, и сквозь гриппозное оцепенение постепенно вытягивают его из забвения. Из далёких школьных лет...

- Лена... Нет, Ленка! Когда я стал тебя так называть?

Ленка стоит передо мной. Совершенно живая. Я отчётливо вижу её и при желании мог бы дотронуться. Я слышу её дыхание, ощущаю её тепло. Я узнаю её запах, запах свежести, запах без запаха. Так пахнет только что сорванная на озере лилия.

- Привет, Ленка! Мы опять вместе. Как много времени утекло!

Её спокойные серые глаза внимательно смотрят на меня. Так могла на меня смотреть только Ленка – мягко, ободряюще, с почти неприметной улыбкой в глубине зрачков.

- А ведь ты красивая, Ленка! Я рад тебе!

Я принимаюсь её разглядывать, тщательно отыскивая почти забытые детали.

- У тебя прекрасные волосы, Ленка!

Густые, светлорусые, двумя тяжёлыми косами они падают на спину, чуть-чуть запрокидывая голову и придавая её осанке неприступный, горделивый вид. Мне хочется подержать эти косы в руках, ощутить их вес и упругость.

- Ленка! У тебя красивое лицо. Почему раньше я не замечал этого?

Немного вытянутое, худощавое, очень европейское. Строгий контур нешироких скул. Маленькие, изящной лепки ушки, слегка прикрытые прядями волос. Тонкая матовая кожа щёк,

при волнении окрашиваемая лёгким румянцем. Мне бы тогда научиться твоему умению сдерживать свои эмоции. Короткий прямой нос. Открытый высокий лоб, подчеркнутый густыми тёмными бровями. Их прямая линия придавала твоему лицу твёрдость, почти суровость. Компенсируя эту жёсткость, притягательной формы тёмно-алые губы в лёгкой улыбке открывали ровные белоснежные зубы. Не очень-то баловала ты нас улыбками, Ленка! Чётко очерченный подбородок без ямки довершал рисунок волевого девичьего лица.

Меня будто черти подначивали. Помнится, я сказал тебе, что подбородок без ямки – признак верности, очень опасное для женщины качество. Я ожидал, что ты смутишься. Но ты только усмехнулась и ответила, что всегда будешь сторонницей верности. И тогда смутился я.

Каким-то шестым звериным чувством я заметил, что нравлюсь тебе. А меня, как и других моих погодков, тогда тянуло к насыщенным гормонами одноклассникам. И ты, видя мою незаинтересованность в тебе, держалась отстранённо, не выказывая ни своих чувств, ни своих мыслей.

- Почему я ни разу не поцеловал тебя, Ленка?

Тогда, в середине двадцатого столетия, наши одноклассники на глазах приобретали столь привлекательные для мальчишек пышные формы. Ты же в свои шестнадцать сохраняла хрупкость и угловатость подростка. Только очень опытный взгляд мог провидеть твой расцвет. Но этого нужно было ждать ещё три-четыре года. Твоей грациозной шее, развёрнутым прямым плечам, небольшой красиво обрисованной груди, изящно прогнувшейся спине, округлой линии бёдер и стройным, пока ещё не налитым женской силой ногам могли бы позавидовать многие модели конца века.

- Ты обещала стать красавицей, Ленка! Тогда я этого не понял. Жаль.

Впрочем, чего ждать от шестнадцатилетнего мальчишки.

Как-то случилось, что на несколько дней я оказался предоставленным самому себе: мать и бабушка были в отъезде. Гормоны во мне тогда били ключом. Я искал разрядки, и бушующие инстинкты побуждали к авантюрам.

Не могу вспомнить, каким образом мы договорились. После школы ты пришла ко мне. Мы сидели на диване в нетопленной комнате, и я впервые в жизни осмелился обнять девушку. Ты не отстранилась, но я понял, что и тебе это было внове. Нас трясло то ли от неопытности, то ли от избытка эмоций, то ли от холода. Мы сидели, прижавшись друг к другу плечами, постепенно успокаиваясь и согреваясь. Я держал тебя в объятиях, сцепив руки в замок так, что одна рука охватывала тебя со спины, а другая спереди, под грудью, как бы нечаянно дотрагиваясь до неё.

Ты не могла не заметить моих ухищрений, но вместо ожидаемого отпора без лишней аффектации легко положила грудь на моё предплечье. И тогда я стал врать тебе, что меня в связи с какими-то ужасными симптомами недавно обследовали врачи и очень рекомендовали для спасения жизни и здоровья начать половую жизнь. Ты была много мудрее меня и сразу поняла, куда я клоню. Я до сих пор изумляюсь тому спокойствию, с каким ты, глядя мне в глаза, ответила, что если это мне надо, то ты готова помочь мне в любое время.

И тут со мной что-то случилось. Возможно, мне стало стыдно своей лжи, а, скорее всего, я струсил, вообразив последствия близости двух несмышлёнышей. Так или иначе, ничего не произошло. Ещё с полчаса мы посидели обнявшись. Потом я проводил тебя до дому. Вот и всё...

Через несколько месяцев мы окончили школу. В медицинский институт я поступил без проблем, на пятёрки сдав положенные серебряным медалистам экзамены. Лена, хотя и не претендуя на медаль, училась очень хорошо. Однако поступить в этот вуз ей удалось лишь с третьей попытки. Как объяснить теперь причины её экзаменационных неудач?

Шёл 1956-й год. Только-только разрешили возвращаться на прежние места жительства народам, высланным во время войны в Сибирь и Среднюю Азию. Ещё долгие годы действовали многие негласные административные ограничения. Элен Руппе, чешка, может быть, немка. Лена смогла поступить в Первый Ленинградский медицинский институт на основании льготы для

профориентированных абитуриентов, отработав два года санитаркой-уборщицей в виварии кафедры микробиологии.

Она была очень талантливая, наша Ленка. К окончанию вуза студентка Руппе подготовила кандидатскую диссертацию. Защита произошла через три месяца после выпускных экзаменов в клинике гематологии Ленинградского института переливания крови. Выездная сессия Высшей аттестационной комиссии единогласно присвоила Элен Адамовне Руппе степень кандидата медицинских наук. А ещё через месяц в этой же клинике она умерла от острого лейкоза.

- Лена Руппе, Ленка! Пусть земля будет тебе пухом! Изредка, в минуты душевного неурюстройства, тоски и сердечной опустошённости ты приходишь ко мне из своего далёка как сладкая боль и светлое воспоминание о том, что могло быть и чего, увы, не было.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

В общем-то, это банальная история. Если бы не изумившая меня сила страсти, безбрежная радость обладания и безмерная горечь утраты, так несвойственные нашему прагматичному времени, стал бы я отнимать время у читателя? Но больше всего меня поразила неожиданная откровенность рассказчика.

Так получилось, что очередной отпуск мне предоставили зимой и, компенсируя ущерб зимних вокаций, выдали бесплатную путёвку в Пицунду. Личные дела в ту пору складывались крайне неудачно, на душе было отвратительно, и перемена места, пусть на три недели, оказалась кстати.

Меня поселили на десятом этаже одного из высотных зданий в двухместном номере с окнами, выходящими на роскошный парк реликтовых сосен – флоры доледникового периода. Я, было, подосадовал, что не на море, но это оказалось к лучшему: по ночам не так донимал холодный морской ветер.

Соседом оказался немногословный, уверенно державшийся мужчина моего возраста, со вкусом одетый, обстоятельно

экипированный для отдыха. Всё это сразу бросалось в глаза. Его социальное положение, несомненно, было выше уровня среднего советского служащего, учителя, врача, инженера, и привычная властность исключала курортное панибратство.

Мы несколько сухоовато познакомились, то есть представились, назвали свои специальности и сообщили, откуда приехали. Оказалось, что мой сосед главный инженер одного из Пермских заводов. Это меня удивило: по своему статусу он вполне мог выбрать более престижное время и место для отдыха. Я тогда собрался высказаться по этому поводу, но что-то меня остановило. Скорее всего, выражение его лица. В нём было странное несоответствие его облику и манере держаться – не то какая-то непонятная робость, не то необъяснимая растерянность или задумчивость. Помнится, в памяти всплыла прочитанная перед отпуском повесть Кабо Абэ „Чужое лицо“.

В общем, я не спросил его об этом. Да и знакомство наше дальше первых формальностей как-то не пошло. У каждого были свои дела и интересы. Я часами просиживал в местной библиотеке, небогатой, но снабдившей меня книгами по истории народов Кавказа и Средней Азии, неожиданно всерьёз увлёкшими ранее неизвестной мне информацией. Его же постоянно видели в компании молодых экстравагантных дам. Пару раз он просил меня задержаться в библиотеке подольше, но к оговоренному часу номер был пуст, проветрен, тщательно прибран и претензий не вызывал.

Общались мы преимущественно в столовой, где нас прекрасно кормили и великолепно обслуживали, и поздними вечерами, когда, перекинувшись парой малозначительных слов и пожелав друг другу спокойной ночи, засыпали сном праведников. Так продолжалось около двух недель. Потом дамы уехали, что дало возможность пресытившемуся легкомысленным обществом соседу прийти в себя, а я до боли в глазах переусердствовал с чтением. Как-то само собой получилось, что я стал почти всё время проводить со своим молчаливым соседом. Теперь после завтрака и обеда мы, почти не сговариваясь, отправлялись в многочасовые походы вдоль

берега или, углубившись в парк реликтовых сосен, бродили по извилистым дорожкам.

Как передать очарование зимней Пицунды? Меж белых высоченных корпусов курорта вознеслись до уровня третьего-четвёртого этажа веерные пальмы. Их мощные стволы были окутаны жёсткими переплетающимися волокнами, растущими из расщелин шершавой пепельно-серой коры.

В день моего приезда прошёл непродолжительный снегопад, и тёмная зелень пальм, припорошенных снегом, казалась измышлением сюрреалиста. Ощущение нереальности усиливал бассейн в насквозь просматриваемом стеклянном, тоже припорошенном снегом, одноэтажном корпусе, где от души резвились, плавали и прыгали с вышки в воду загорелые (зимой!) отдыхающие. Правда, через пару часов снег растаял, и только влажный асфальт дорожек, да заснеженные горы вдаль напоминали о зиме.

В полусотне метров от корпусов раскинулось море. Бескрайний водный простор насыщенно голубого цвета как будто дышал, медленно вздымался и опадал, неспешно накатываясь на устланный крупной галькой берег. Ритмичный шорох омываемой морем гальки, словно дыхание сказочного доброго гиганта, действовал умиротворяюще, успокаивал и упорядочивал мысли.

Робкого тепла повисшего над морем солнца явно нехватало, чтобы согреть идущий с моря поток воздуха. Но его запах, насыщенный солью, йодом и какой-то особой морской сыростью, приятно охлаждал, призывал дышать глубоко, полной грудью и прямо-таки явственно придавал телу невесомость.

Однако, солнечного тепла доставало, чтобы согреть чаек. Они садились на воду вплотную друг к другу, образуя на синей глади километровые белоснежные ленты – зрелище невиданной красоты. Вдруг эти ленты как бы взрывались и, загромождая гомоня, разом взмывали в небо. Это неудачно пытались пожить подкрававшиеся дельфины. Их блестящие в солнечном свете аспидно-чёрные тела стремительно возникали над поверхностью моря и, изогнувшись в акробатическом полёте, с плеском тяжело падали в воду.

После ночного прибоя берег был усеян мириадами сохнувших на солнце медуз и спутанными комками водорослей, остро пахнувшими морем, йодом и лёгким, почему-то успокоительным, запахом тлена. Но порой и днём море пенилось, бурлило. Гонимые ледяным ветром волны с грохотом обрушивались на пляж, преграждая путь отважившемуся выйти на берег смельчаку, а обжигающие холодом брызги и пена достигали кустов и растущих за ними деревьев.

В такую погоду даже выглядывающее из-за облаков солнце не располагало к прогулкам вдоль берега, и мы – оба фанаты моря – направлялись в реликтовый парк, неслышно ступая по его извилистым тропинкам, покрытым, словно ковром, толстым слоем опавшей коричневато-серой хвои. Мы вслушивались в шум раскачиваемых ветром крон огромных сосен. Вдыхали незабываемый запах сосновой смолы, смешанный с приносимым ветром запахом моря. С радостным изумлением застывали перед ярко-зелёными ростками свежей травы или проклюнувшимися подснежниками, столь необычными для нас, северян, на исходе января.

Разросшиеся кусты ежевики, сохранившие среди зимы буровато-зелёную листву и чёрные пупыристые ягоды, защищали от пронизывающих порывов ветра и докучливого общения с другими отдыхающими. Каждому из нас с избытком хватало своих мыслей и воспоминаний, и мы отмахивали километр за километром в полном молчании. Это молчание делало наше общение лёгким, не обременяющим, и мы, весьма довольные взаимной ненавязчивостью, постепенно проникались доверием и взаимопониманием.

Накануне отъезда день выдался ветренный. Вещи были загодя уложены в чемоданы, книги и прочее курортное имущество сдано. После обеда мы знакомыми тропками бродили по парку, стараясь запомнить восхищавшую нас зелень, неповторимый запах хвои и смолы, характерный шум ветра в лесу и сказочную игру света и тени от пробивающихся сквозь раскачивающиеся кроны лучей солнца.

Настроение было благостное. В голове неясно возникали причудливые образы. Осмысливать их не было ни сил, ни

желания. И вдруг он негромко прочитал короткое стихотворение, показавшееся мне удивительно гармонирующим с окружающей природой и охватившим нас душевным настроем. К сожалению, в памяти остались только первые строки:

*О, парк, поставь деревья стеною, чтоб не дуло,
Из веток сделай крышу над нашей головой ...*

„Прекрасно! – искренне сказал я. – Ваши?“.

„Её... – меня поразила интонация его голоса. – Она, действительно, необычайно талантлива“. И он замолчал, надолго уйдя в свои воспоминания.

На обратном пути мы зашли в небольшое абхазское селение, где приобрели кувшин лёгкого красного вина и корзинку фруктов. После прощального ужина мы сидели в нашем номере, потягивая вино и закусывая грушами и хурмой. Свет не включали. Да и особой надобности в нём не было: огромная луна, казалось, повисшая прямо за окном, заливала большую часть комнаты мягким светом. Привычно молчали, но теперь, после стихов и загадочной реплики моего соседа в нашем молчании подспудно ощущалось напряжение, некая недоговоренность.

Видимо, чувствуя это, сосед достал из кармана пиджака бумажник и вынул из него черно-белую фотографию. Это был любительский снимок форматом 13х9 см с незамысловатым сюжетом. По полупустынной улице явно провинциального города шли три молодые женщины, о чём-то оживлённо разговаривающие между собой. Фото было сделано сзади, очевидно, втайне от них. Об этом свидетельствовали естественная осанка и нескованный шаг удаляющихся собеседниц.

Бегло взглянув, я, было, собрался вернуть снимок, но задержался, рассматривая женщин. Две крайние, коротко стриженные блондинки, ничем не привлекали внимания. Но в центре, между ними, шла, без сомнения, красавица. Несмотря на небольшой формат снимка и необычный ракурс, было видно,

что эта женщина необыкновенно красива. Густая волна чёрных вьющихся волос ниспадала ниже лопаток, не скрывая грациозную шею и нежный абрис плеч, обтянутых белой шерстяной кофточкой. Короткая серая юбка подчёркивала тонкую талию, ладно облегла стройные бёдра и позволяла любоваться скульптурными ножками, обутыми в чёрные туфельки на высоких каблуках. Полностью разглядеть улыбающееся лицо, повернутое в четверть оборота к одной из спутниц, было невозможно, и в то же время не оставалось сомнений в его одухотворённой и необычной для северной России откровенно семитской красоте. Возможно, это впечатление складывалось под влиянием общего настроения снимка, но домысливалось оно так естественно, что в душе я поздравил фотографа с удачей.

„Она?“ – спросил я, не сомневаясь в ответе. Он молча кивнул головой.

И вдруг его словно прорвало. Он стал рассказывать, как рассказывают, будучи твёрдо уверенными, что потом никогда не встретят собеседника. Это была грустная исповедь сильного, но вконец отчаявшегося человека.

Они встретились здесь, в Пицунде, десять лет назад. Она отдыхала с сыном, он – с дочерью. На пляже дети познакомились, таким образом познакомились и родители. Она тоже оказалась пермячкой, но в Перми, хотя город сравнительно невелик, их пути ни разу не пересекались.

Её красота сразу покорила его, да что там покорила – загипнотизировала, поработила с первой же встречи. Он больше ни о ком не мог думать, и все его помыслы сосредоточились на ожидании новой встречи с нею.

Красавица держалась спокойно, дружелюбно, была светски общительна, но не более. Видимо, обладая какими-то таинственными чарами, она сумела поставить себя в обществе отдыхающих таким образом, что любое проявление фамильярности по отношению к ней казалось невозможным. Удивительно, как традиционные прилипчивые кавказские ухаживания обходили её стороной. Пляжные донжуаны лишь осмеливались издали любоваться ею, однако же немедленно

бросались на помощь, если требовалось принести лежак, раздобыть шезлонг или оказать какую-нибудь другую услугу. Наградой им служили несколько слов, сказанных с завораживающе мягкими модуляциями голоса, и на этом все их ухаживания прекращались. Было видно, что такое положение вполне устраивало красавицу.

Как бы ненароком они стали ежедневно встречаться, сначала на пляже, а потом и на прогулках по парку. Она была интересной собеседницей, остроумно и тонко подмечавшей эпизоды и детали как их пицундского быта, так и жизни в Перми. Она работала инженером на одном из пермских заводов, но странным образом была осведомлена о многих закулисных обстоятельствах местной общественной и политической жизни.

Из её украшенных взвешенным юмором рассказов он узнал, что её муж, тоже рядовой инженер на заводе, был совершенно далёк от городских проблем, целиком посвящая досуг небольшому садоводческому участку, старенькому „Москвичу“ и рыбалке в любое время года. Нет, он не был пьяницей, хотя и любил обстоятельное дружеское застолье. Восемнадцати лет она вышла замуж, покорённая его фанатической влюблённостью, однако скоро поняла, сколь различны их характеры и круг интересов, и внутренне отдалилась от мужа. Удерживали её сын, родившийся спустя год после бракосочетания, совместный быт, да с детских лет привитое представление о семье, как единственно надёжной опоре в жизни.

Отвечая откровенностью на откровенность, он рассказал ей все этапы своей жизни: школа, армия, вуз. Он был женат, любил свою жену и не представлял себе иных с ней взаимоотношений. Просто в это лето какие-то важные обстоятельства не позволили им, как обычно, взять отпуск вместе, и жена отправила его с дочерью на море с тем, чтобы к концу лета тоже провести с нею отпуск, но в Минводах.

А теперь, познакомившись с этой восхитительной женщиной, он впервые почувствовал себя не то, чтобы неуверенным в своих жизненных правилах, но как бы незащищённым, и растерялся. Встречаясь с ней, день за днём он всё больше проникался её очарованием, пока не понял, что не на

шутку влюбился. Сперва он решил прекратить встречи, но дочь непременно хотела видиться со своим новым другом, и он вынужден был уступить. Их встречи на пляже и в парке продолжались.

Женщина была умна и тактична. Казалось, она поняла его состояние и держалась хотя и дружески, но несколько отстранённо. И только её янтарные с искрами глаза, пронизательные, западающие в душу, при взгляде на него загорались припрятанным в глубине зрачков смехом, полностью зомбирующим его волю.

От безнадёжности своего положения он совершенно потерял голову и признался ей в своём чувстве. К его удивлению она ответила, что тоже равнодушна к нему, постоянно думает о нём и испытывает к нему сильное влечение. Тогда он впервые осмелился взять её под руку. Странное дело, он, до женитьбы имевший немалый успех у женщин, знавший приёмы и ухищрения, безотказно приводившие его к желанной цели, теперь чувствовал себя абсолютно беспомощным и робел перед нею самым унижительным образом. Смешно сказать: его, как мальчишку, при прикосновении к ней била дрожь.

Любовь, настоящая любовь овладела всеми их помыслами. Хотя тогда они не стали любовниками, но, провожая её с сыном на вокзал (она уезжала несколькими днями раньше его), он получил доказательство её любви. Она назначила ему встречу на квартире своей подруги, уже год жившей за границей. Пермь – город небольшой, все на виду. Поэтому, избегая свиданий в общественных местах, они встречались не чаще одного раза в месяц только в этой квартире, проводя вместе два-три дня. Для маскировки он вступил в охотничье общество и якобы уезжал охотиться в отдалённые заказники. Потом, купив на базаре подстреленную дичь или корзину грибов, он предьявлял дома убедительное алиби. Ну а ей придумывать ничего не надо было: её муж пропадал на рыбалке почти все выходные и праздничные дни.

Затаив дыхание, я слушал его исповедь, неожиданно для себя проникнувшись сочувствием к, по сути, заурядному адюльтеру. В полутёмной комнате голос мужчины звучал

приглушённо-успокоенно, раздумчиво. Лунный свет, льющийся через огромное, во всю наружную стену окно приносил неизъяснимый колорит в его слова, а густые тени по углам комнаты только усиливали впечатление.

Мы выпили вина. Помолчали. И опять в полутьме зазвучал его голос. Как описать сочетание страдания и откровенной радости, горечи и восхищения, пронизывавших его повествование. Чувствовалось, что теперь рассказ давался ему нелегко. Он явно искал облегчения от терзавших его воспоминаний, и наше временное знакомство сделало меня необходимым ему слушателем. Но порой казалось, что он забывал о моём присутствии и рассказывал самому себе различные эпизоды их встреч.

Так он вспомнил их первую встречу на квартире её подруги. С первых минут она сумела придать свиданию непринужденно-дружеский оттенок. Они с шутками и смехом быстро соорудили роскошный ужин, а потом, сидя с бокалами в руках, долго смотрели совершенно выпавший из его памяти телефильм. Он, сильный и страстный мужчина, горел и томился ожиданием ночи, но что-то мешало ему нарушить спокойное течение вечера. И она, соблазнительная и отчаянно желанная, без сомнения, видя его томление, тем не менее не торопила события, давая ему вдосталь налюбоваться её изяществом, грацией, чарующим голосом и смехом.

„Боже, как она смеялась!“ – он даже задохнулся под наплывом воспоминаний.

Потом они лежали в постели, и он, обнимая и целуя её, с паническим испугом ощутил, что мужской пыл в нём перегорел и он бессилён. Взаимные ласки, поцелуи, объятия не помогали и только углубляли его отчаяние. Она, поняв его состояние (он подчеркнул её ум, проницательность и такт), стала ласкать его особым образом, одновременно успокаивая и поддразнивая, давая, с одной стороны, отдохнуть и освоиться с её близостью, но, с другой стороны, будя его чувственность.

Она без малейшего стеснения воспринимала их наготу и близость, и её спокойствие и уверенность постепенно передались ему. Однако сила не восстанавливалась. И тогда она,

смеясь и призывая его огромными янтарно-жёлтыми глазами, лёгкая как бабочка, вспорхнула ему на грудь, решительно отбрасывая последние условности. Наслаждаясь её возбуждением, её трепетом и истомой, он вскоре почувствовал прилив сил. Они провели феерическую, волшебную ночь.

В дальнейших встречах он вполне соответствовал её темпераменту, и она, удовлетворённая и утомлённая его ласками, засыпала, свернувшись „калачиком“. Засыпал и он, прижавшись к ней всем телом и согревая её, не признающую одеяла. Проснувшись, они продолжали длившиеся часами любовные игры, пока голод не загонял их на кухню. А насытившись, они снова кидались в объятия друг к другу.

Она была неистощима в выдумках, ободряя его и возбуждая его страсть. Как-то, после душа войдя в спальню, он застал её в очаровательном халатике, причёсывающуюся перед зеркалом. Её пронзительная красота буквально бросила его к её ногам. Тогда она, не говоря ни слова, села ему на плечи и, нежно сжимая бёдрами его голову, как ни в чём не бывало продолжала причёсываться. Затем, встретив в зеркале его восторженный взгляд, смеясь глазами, притворно сердитым голосом сказала, что он её отвлекает, и накрыла его голову полой халатика. Он не шевелился, боясь помешать прекрасной наезднице завершить причёску. А потом они слились в бешеном продолжительном экстазе.

„Она всегда была удивительно естественна, – сказал он, – и эта её черта покоряла безоговорочно“. Он поставил стакан и повернулся к жёлтому от лунного света окну, всматриваясь в усыпанное звёздами безоблачное ночное небо, словно надеясь там, в его глубине, найти ответ на мучившие его вопросы.

„Может сложиться впечатление, что нам кроме секса ничего не нужно было, – после некоторой паузы тихо произнёс он, – но это не так. Просто мы оба впервые в жизни познали всепоглощающее наслаждение от близости, гармонию не только в физиологическом смысле, но, прежде всего, во взаимопонимании. Теперь только так я представляю себе истинную любовь и дружбу между мужчиной и женщиной“.

Слушая его, я неподвижно сидел в затенённом углу комнаты, словно бы превратившись в бестелесную тень. Его голос под напором воспоминаний постепенно утрачивал звучность, слабел, теряясь где-то под потолком, глаза тускло горели отражённым лунным светом. Всё: этот вечер, полумрак в неярко подсвеченной луной комнате, тембр его голоса и сама исповедь, представлялись чем-то нереальным, фантасмогоричным. И опять что-то в выражении его лица мне показалось странным и непонятым.

А он уже спокойным голосом человека, решившего довести свой рассказ до конца, говорил о том, что они много беседовали, и постепенно она вошла в курс его семейных и служебных дел. У неё был практичный аналитический ум. Не раз её советы и чётко сформулированный план действий способствовали его успешному продвижению по службе или стабилизации внутрисемейных отношений. Это прямо-таки кажется невероятным, но им удалось сохранить их встречи в тайне. Ни его жена и дочь, ни её семья ни о чём не догадались. Возвращаясь домой, и он, и она вели размеренную жизнь, не давая ни малейшего повода для подозрений. Тем ярче были их встречи.

Летели годы. Дочь закончила столичный вуз и вышла замуж за москвича. Мой собеседник, следуя настоянию своей прекрасной подруги, вступил в партию и, успешно продвигаясь по службе, занял пост главного инженера завода.

Раньше, каждый раз, расставаясь с ней, он умолял её развестись с мужем и стать его женой, но она, целуя его, отвечала, что ещё не время, и запрещала ему думать о разводе. Казалось, теперь, когда всё складывалось самым благоприятным для них образом, они, наконец, могут оставить свои семьи и пожениться.

Полный радостных надежд, он, было, заговорил об этом, но она перевела разговор на другую тему. А прощаясь с ним после неповторимо нежной ночи, на его горячую просьбу выйти за него замуж, ответила, что со всей семьёй в конце недели уезжает в Канаду. Никакие его мольбы и уговоры не поколебали её решения.

„Оглянись вокруг, – сказала она. – Тут нет нам места!“. Потом, заметив его недоумение, с горечью добавила: – „Наступают опасные времена. Больше всего я боюсь за сына. И ни за что на свете не соглашусь поставить тебя перед необходимостью, жертвуя всем, защищать нас. Да и не в твоих это силах, родной мой...“.

Холодное отчаяние в её глазах убедило его сильнее слов, и он замолчал. Она уехала, а у него словно земля ушла из-под ног. Теперь он здесь, в их памятных местах, но её уже никогда с ним не будет.

Он смолк, разлил по стаканам остатки вина. Мы выпили. В комнате повисла угнетающе тяжёлая тишина. Я ещё раз подумал, что такие моменты своей жизни мужчина позволяет себе рассказывать, исходя из абсолютной уверенности, что потом никогда не встретит собеседника.

Утром, после съеденного в предотъездной спешке завтрака, мы сухо распрощались. Его автобус в аэропорт уходил раньше, мой – на железнодорожный вокзал – немного позднее.

Оставалось минут двадцать проститься с морем. Успокоившаяся после вчерашнего шторма бескрайняя синь ослепительно сверкала в лучах восходящего солнца. В сотне метров параллельно берегу тянулась широкая белоснежная полоса. Это тысячи чаек отдыхали на воде. Почти неприметная волна, накатываясь на пляж, умиротворённо шуршала галькой.

Попрощавшись с морем, я направился к парку. Проходя мимо пальмы, погладил её жёсткую волосяную шубу. На ладони остался пепельно-серый налёт – то ли пыль, то ли мелкие частички коры.

Парк начинался почти сразу за высотными корпусами. Огромные реликтовые сосны, освещённые утренним солнцем, были удивительно красивы. Их оранжево-красные стволы, увенчанные раскидистыми ветвями с тёмно-зелёной хвоей гармонично сочетались с нависшими над ними заснеженными горами. Впрочем, горы были далеко: прозрачный утренний воздух являлся причиной оптического обмана.

В глубь парка, ещё недоступного лучам восходящего солнца, уходила извилистая тропинка с притаившимися за её изгибами

таинственными тенями. Мне показалось, что там, за поворотом тропинки, в просвете между непролазными кустами ежевики мелькнула статная фигура моего молчаливого соседа. Под руку с ним, прильнув к его плечу, шла молодая женщина. Чёрные вьющиеся волосы густой волной падали ей на спину. Утренний ветерок принёс приглушенный расстоянием нежный женский голос:

*О, парк, поставь деревья стеною, чтоб не дуло,
Из веток сделай крышу над нашей головой...*

У меня перехватило дыхание.

„Вздор, - растерянно подумал я. – Этого не может быть! Он же только-что уехал. А она на другом континенте...“.

Наваждение рассеялось. Но тут мне вспомнилось застывшее на его лице выражение, и внезапно озарила догадка: *у него было лицо потерявшего себя человека.*

МЕНОРА

„Когда-нибудь мы попадём в мир иной и встретим там миллионы евреев, которые погибли в лагерях. Они спросят нас: „А что ты сделал?“ – И я скажу: „Я не забыл вас!“

Симон Везенталь

Я ни на что не претендую. Просто под впечатлением ряда сообщений СМИ захотелось зажечь менору сочувствия безвинно погибшим соплеменникам. Так появились семь новелл. Названия новелл обозначены цифрозначущими буквами иврита: 1; 2; 3....7.

Коль в человеке заложены черты гениальности, то они зачастую проявляются рано, ярко и полномерно... Он родился математиком.

Отца он не знал. Мать не любила вспоминать о тех давних событиях, а он, щадя её, не настаивал. То ли отец, утомившись плачем малыша и стирками пелёнок, сам ушёл из семьи, когда сыну не было и года. То ли мать, в общем-то, женщина покладистая, с мягким незлобивым характером, не выдержав жёстких повадок свекрови и вялый эгоизм бесхарактерного супруга, в одночасье собрала свои немногочисленные пожитки, уложила их в коляску поверх спящего сына и бесповоротно ушла к своим престарелым родителям. Однако родители категорически не одобрили поступок дочери. В дальнейшем его отец так и не пытался восстановить семью. А мать, учительница математики и физики в средней школе, растила сына в одиночку, Бог знает как собрав деньги на однокомнатную кооперативную квартиру. Это-то в Москве, на зарплату учительницы, не беря ни копейки у бывшего супруга и у своих стариков.

Математик в мальчишке проснулся рано. Едва научившись самостоятельно ковылять по комнате, он с радостным изумлением считал кубики: „Один и один – два, два и один – три!“.

Он пошёл в школу на год раньше сверстников, самостоятельно выучившись читать и писать печатными буквами. Летом по окончании первого класса ему подвернулась книга „Замечательные приключения Радикса“, рассчитанная, как минимум, на пятиклассников. Книга была им прочитана за месяц с немалым трудом, местами по складам, однако со всё возрастающим интересом. Он „заболел“ математикой, но это ещё была игра. А всерьёз увлёкшими его книгами были взятые с письменного стола матери методические руководства по преподаванию физики и математики в школе. Смешно морща лоб и недовольно сопя, он по несколько раз перечитывал туманные даже для матери объяснения авторов и внезапно торжествующе хмыкал, крепко уложив в голове их суть. Затем дифференциалы, интегралы и графики стали повседневными сотоварищами его игр.

В шестом классе на контрольной по математике его заподозрили в списывании: он постоянно заглядывал под парту.

Бдительная учительница подкралась и обнаружила, что он увлечённо читал руководство по векторному анализу. Контрольная лежала тут же на парте, написанная наспех, грязновато, но совершенно верно, причём с применением неожиданного и предельно рационального способа решения. Об этом учительница, посмеиваясь, рассказала в учительской, как о курьёзе. История дошла до директорши, и у той хватило здравого смысла свозить пацана в Академию педагогических наук. В результате его перевели в академическую школу для одарённых детей. Через год на городской олимпиаде по математике мальчишка шутя перещёлкал задачи для десятиклассников, оказавшиеся непосильными многим выпускникам специализированных математических школ. Он не получил диплом первой степени единственно потому, что ещё не сдал как всегда грязновато исписанные листки с решением, вытащил из-за пазухи научный журнал со статьёй И.Р.Шафаревича и, забыв обо всём, погрузился в чтение. Такое поведение сочли за нахальство и всерьёз обиделись.

Несмотря на семитское происхождение к вступительным экзаменам в МГУ его допустили, но иронии не скрывали: на экзаменах механизм отсева нежелательных абитуриентов работал практически безотказно. Однако он поступил на Физмат, играючи преодолев скандально откровенные придирки экзаменаторов. На третьем курсе он опубликовал несколько работ, позволяющих оценивать состояние крыла самолёта при возникновении флаттера во время преодоления звукового барьера. По окончании университета он защитил диплом, содержательная часть которого состояла из двух страниц формул, трижды прерываемых словами „следовательно“, „таким образом“, „что и требовалось доказать“. Диплом утвердили в качестве кандидатской диссертации, и молодой учёный был принят на работу в одном из филиалов Академии наук СССР. Член-корреспондент АН, лауреат Госпремии Шафаревич по-прежнему был властителем его математических дум, и ему было ровным счётом наплевать на то, что говорил его кумир о политике, нацвопросе и о евреях, в частности. Главным было то,

что думал Шафаревич о математике. Остальное вообще не заслуживало в этой жизни внимания.

В тот год в начале последней декады апреля установилась не по-весеннему холодная сырая погода. Сутки напролёт моросил мелкий ледяной дождь, проникавший, казалось, до мозга костей. Погода удручала, вгоняла в глухое раздражение, переходящее в злобную угрюмость. Ему же в такую погоду и думалось, и работалось легко.

С утра он засел в Ленинской библиотеке. В этот день ему явно везло. Перелистывая недавно поступившие труды зарубежных математиков, он вдруг почувствовал, нет, представил себе или, скорее, угадал возможность решения задачи, давно и безуспешно занимавшей его мысли. Да и не только его. Идея иного обоснования единой теории поля, выкристаллизуясь она в виде чётких математических выкладок, позволила бы по-новому подойти к проблеме гравитации.

Догадка взбудоражила его. Надо было пройтись, обдумать возможные подходы. Шагал, так и этак выстраивая в уме логическую нить решения, рассеянно озираясь при переходе улицы. Ноги вынесли его на Тверскую (тогда ещё улицу Горького). Погружённый в свои мысли он не сразу обратил внимание, что на этой, в любую погоду и в любое время суток переполненной народом и транспортом улице, было как-то странно малоллюдно. В воздухе висела какая-то угроза, причём её аура была столь явственна, что он, несмотря на всю свою отрешённость от повседневной суеты, оторвал взгляд от тротуара и остановился.

По проезжей части улицы двигалась необычная демонстрация. Крепкие парни несли портреты Гитлера, свастики и орлы на длинных шестах. Передние ряды демонстрантов были одеты в чёрную униформу с красными нарукавными повязками, на которых в белом круге чернела свастика.

„Фашисты!“ – понял он, ошарашенно глядя на толпу. – „День рождения Гитлера...“.

Его семитское лицо откровенно выразило брезгливость.

Дальнейшее произошло мгновенно. С десяток молодчиков из рядов демонстрантов ринулись к нему. Он, безо всяких сомнений – еврей, был именно тем искомым демоническим объектом их истинно национальных идей, их высоких духовных устремлений, их прекрасного возмущения, их благородной ярости. Именно на нём, тут же, наглядно, они могли осуществить те приёмы и навыки, которым давно и тщательно обучались в потаённых лагерях и на секретных базах.

Толпа с гиканьем сомкнулась вокруг него, смяла и опрокинула наземь. И он, отчётливо понимая, что выхода нет и что сейчас он будет избит, искалечен, а может быть, и убит, окинул взглядом улицу, заметив, как немногочисленные прохожие спешно переходят на другую сторону, оставляя его наедине с фашистской бандой, и что милиционеры, сопровождавшие демонстрацию, словно по команде, исчезли. Весь видимый мир предавал его, еврея. И тогда на смену отвращению пришла ярость: *он не порадует их – не будет молить о пощаде. Не закричит, ни за что не закричит!*

О матери подумать он не успел...

Этому событию впоследствии уделили пару строк две московские газеты. Остальные средства массовой информации предпочли отмолчаться. Демократическое руководство страны никак не отреагировало на это происшествие. Правительство занимали проблемы более высокого порядка – власти срочно приватизировали общенародное достояние.

О разгоне фашистских организаций не было и речи.

Б

Мне он нравился. Да и не только мне – всем, кто его знал. Вы бы посмотрели на него: в свои сорок пять – богатырь, красавец. Не красавчик, а именно красавец. Метр восемьдесят с гаком, с крупной седеющей головой на короткой мощной шее, с широкими плечами штангиста – мастера спорта, с большими тяжёлыми мужскими руками. Его не портила начинающаяся полнота. Как-никак уже пятнадцать лет не занимался спортом и немного оплыл. Между прочим, главный инженер одного из

известных ленинградских строительных НИИ, специалист международного уровня.

Особенно привлекало лицо, несомненно семитское и вместе с тем вполне европейское, спокойное, с несколько твёрдым подбородком, но в целом мягкое и добродушное. И только в задумчивом взгляде умных серых глаз чувствовалось, что этот человек крепок в своих убеждениях и знает себе цену.

Второго августа в День воздушно-десантных войск городом овладевало разгульное кабацкое действо. До самозабвения упившиеся парни в форме ВДВ восьмидесятых годов, украшенной самодельными аксельбантами и немислимым набором разнообразных значков, среди которых порой встречались и действительно заслуженные правительственные награды, повсеместно учиняли дебоши и пьяные драки, терроризируя мирных граждан при практически полном невмешательстве милиции. Не трогать этих „попугаев“, вероятно, рекомендовало начальство.

Три перепившихся „попугая“, обнявшись за плечи, вразвалку двигались по вестибюлю станции метро, для развлечения расшвыривая встречных пассажиров. Один из них лениво отвесил подзатыльник старику с орденской планкой на поношенном пиджаке – не успел, вишь, уступить им дорогу. Другой лягнул в зад семенившую перед ним старушонку, издевательски кланяясь ей и оглядываясь на своих товарищей. Все трое громко расхохотались. Два милиционера, стоявшие у дверей вестибюля, невозмутимо наблюдали за происходящим.

Приступ бешенства накатил на него, сметая привычную сдержанность и разумную осторожность. Не помня себя от ярости, чеканя слова он властно произнёс:

- Подонки! Прекратите немедленно!

На миг все застыли. В вестибюле установилась мёртвая тишина.

- Чё ты сказал? – с нескрываемой угрозой спросил наиболее рослый из них, с наигранной вальяжностью надвигаясь на него в явном расчёте на испуг противника.

- Напрашиваешься, жидовская морда?! – в пьяном остервенении прохрипел другой, приземистый и широкоплечий, разворачиваясь и занося кулак для удара.

Железные руки штангиста мёртвой хваткой ухватили обоих за шею. Глухо хрякнули сдвинутые со страшной силой лбы. На миг он упустил из виду третьего...

Нож вошёл ему под левую лопатку отработанным в спецназе и не раз опробованным в Афганистане приёмом – движение, доведенное до автоматизма, осуществляемое на уровне рефлекса, вне контроля рассудка. Учили здорово.

Он сразу понял, что произошло, и ещё смог прошептать:

- Хорошо, что не больно...

Не то, чтобы он панически боялся боли, просто – не любил...

На суде старик с орденской планкой заявил, что *убитого никто не просил вмешиваться* и что *он первый затеял драку*. А старушка, неодобрительно поджимая губы, добавила, что *мы сами между собой разберёмся, а чужих заступников нам не надобно, и вообще, эти чужаки вечно суются не в своё дело*. Этим немедленно воспользовался адвокат. Маловразумительная речь прокурора сводилась к тому, что во всём виноват *афганский синдром*. Убийца получил четыре года условно. Двух других отпустили на поруки...

„И спросил Господь Каина: „Почто убил брата своего Авеля?“. Но на суде бога не было и спросить было некому.

Это очень простая история, о которой, может быть, и распространяться-то не стоило бы. Ну, да уж ладно...

Они приехали в Германию из Николаева пять лет назад. Ничем не примечательная еврейская семья. Отец, тридцатипятилетний инженер-путеец; мать, тридцати двух лет, участковый врач, дочка десяти лет, ученица четвёртого класса обычной школы.

Никаких особых талантов, ни типичной для еврейских эмигрантов из Украины деловой хватки – той пробивной силы, которая приобщила к благополучию заметную часть членов гемайнды, за ними не значилось. Обустроились в трёхкомнатной квартире, по их понятиям – вполне приличной, во всяком случае более благоустроенной и удобной, нежели

имели в стране исхода. Прошли возможные общеязыковые и профориентирующие курсы.

Родителям немецкий язык давался плохо. Это создало непреодолимые препятствия для получения рабочего места по специальности. Надо сказать, что экономии ради советская действительность частенько требовала от мужчины умения самому наладить сантехнику и бытовое электрооборудование, починить мебель, вставить замки и стёкла, ремонтировать жильё, копаться в автомобиле или мотоцикле (кто чем богат). В конце концов муж устроился помощником, а через год хаузмайстером у некоего владельца большого жилого дома, как человек честный, умелый, пунктуальный и работающий, заслужив его полное доверие. Руки у эмигранта оказались на месте, сообразительности и технической грамотности хватало, а тех, в общем-то небольших знаний языка, что дали курсы, для этого дела оказалось достаточно. Не избалованный деньгами в прежней жизни он считал, что зарабатывает вполне прилично, тем более, что хозяин, благодаря деятельному хаузмайстеру имея немалую экономию, время от времени поощрял его премиями.

Жена тоже не смогла подтвердить диплом и после хлопотных поисков нашла место постовой медсестры в небольшой уютной больничке, благо там, на Украине, ещё до замужества, прежде чем поступить в медицинский институт окончила фельдшерскую школу и два года отработала процедурной сестрой в хирургическом отделении.

Ну а дочке было легче. Её направили в четвёртый класс, где она в общении с разноплеменной детворой (в школе учились не только немцы, но и дети выходцев из Восточной Европы, Азии, Африки и, даже, из стран Латинской Америки) стала быстро осваивать немецкий, приобретая тот разговорный автоматизм, который обычно даёт Muttersprache или постоянное общение в детстве на иностранном языке.

Вдруг как-то само собой получилось, что она, неприметная ученица в Николаеве, вскоре оказалась в числе лучших учащихся немецкой школы и первой по успеваемости в своём классе. Кстати сказать, это не единичный случай. Видимо, там, в

Союзе, обучение в школах было поставлено на довольно высоком уровне. То, что „эта русская“ (в Европе и в Америке всех выходцев из бывшего СССР именуют для простоты и ясности русскими) оказалась лучшей ученицей, поначалу вызвало замешательство и некоторую конфронтацию, инспирированную женской составляющей семей немецких учеников. Но постепенно негативное отношение к девочке как-то сгладились, улеглось, перестало носить характер демонстративного ostracizma. Девочка держалась спокойно, дружелюбно, но без подобострастия. Её уравновешенный характер импонировал учителям, и постепенно соученики приняли её в свою среду, стали приглашать в компании и даже к себе домой – нечастое явление среди коренных немцев.

За пять лет, проведенных в Германии, девчушка подросла, заметно постройнела, округлилась, как и положено пятнадцатилетней Jungfrau, и не то, чтобы похорошела, но приобрела тот флёр, который придаёт современным девушкам хорошее питание, кое-какое занятие спортом, возможность приодеться и, что скрывать, в общем-то отсутствие перегрузок школьными занятиями. Последнее обстоятельство отмечают здесь все дети, приехавшие из бывшего Советского Союза.

Накануне очередных каникул девчонки из её класса собрались на дискотеку. Рядом со школой располагался один из многочисленных благоустроенных и ухоженных стадионов, где постоянно гоняли мяч мальчишки из их класса. А за стадионом, ближе к парку находилось небольшое одноэтажное строение, в котором днём собирались за чашкой чая молодые мамы, и сотрудники Deutsche Rote Kreuz объясняли им их юридические права, учили уходу за младенцами, приобщали к новинкам домашней кулинарии и приёмам домоводства. Дважды в неделю здесь же собирались приехавшие из-за границы женщины на занятия немецким языком. Здесь же проходили рождественские праздники, ежегодно устраиваемые для жителей окрестных домов социальными жилищными службами с бесплатным угощением и раздачей памятных подарков. В общем, днём это скромное помещение использовалось для разнообразных общественных нужд..

Зато по вечерам в предвыходные и предпраздничные дни домишко, украшенный гирляндами разноцветных лампочек, преображался. Гремела и сверкала цветомузыка, и молодёжь, накачиваясь заблаговременно припасённым пивом, а то и чем покрепче, дымя сигаретами, к запаху табака которых порой отчётливо примешивалось характерное амбре марихуаны, предавалась танцам. А по утрам в ближайшем парке уборщики мусора находили разбросанные банки из-под пива, бутылки из-под водки и джина, обёртки от каких-то таблеток, а иногда девичьи бюстгальтеры и трусики. Ну что ж, в Германии секс широко пропагандируют различные СМИ и реклама, молодёжь начинает рано и это никого особенно не беспокоит. Да и к лёгким наркотикам отношение на Западе менее жёсткое.

На эту местную дискотеку приходила, в основном, молодёжь из окрестных домов, так сказать, завсегдатаи, более или менее знакомые друг с другом. Драк практически не бывало. Да и не принято в Германии драться. Это нечасто позволяют себе только выходцы из Восточной Европы, „русак“ (немцы из СНГ) и турки. Поэтому родители в Германии без понятного и привычного в СНГ опасения отпускают детей на танцы. Приходили, обычно, парами, оттягиваясь по полной программе (пардон – российский сленг) примерно в таком порядке: хмельное, наркотики, танцы, секс. Разумеется, схема не обязательно стопроцентная – возможны разнообразные комбинации и нюансы, но, как ни верти, в конце концов это приедается. Наступает та самая скука, от которой, что называется, лезут на стену. И лезли в буквальном и переносном смысле, оставляя на стенах многочисленные надписи и рисунки, разбивая стёкла кабин уличных телефонов, с грохотом носились на мощных мотоциклах по парку и ночным улицам, мгновенно исчезая при появлении полиции. Лезли, кто как умел и у кого как получалось. Но, повторяю, без драк, без крови.

В тот, в общем-то обычный вечер на дискотеку приехала на своём „BMW“ известная в кругу завсегдатаев местной дискотеки парочка. Около двух лет они вели семейный образ жизни без официальной регистрации брака – довольно распространённое явление в Германии, имеющее узаконенный

статус. Она, рослая блондинка семнадцати лет, на лице которой отражался бездумный и разгульный образ жизни. Он, девятнадцатилетний оболтус с накачанной мускулатурой и безвольным лицом, вещественно подтверждающим знакомство с наркотиками. Дёрнули пива, покурили травку, заглотив по „колесу“, без энтузиазма потанцевали, прерывая танцы приевшимся сексом в припаркованной неподалёку машине. Не заводило. Мыслей не было. Скучали, перебрасываясь малозначащими словами, раздражаясь отсутствием кайфа.

Опустошённая избыточной дозой наркоты и повторными быстротечными коитусами она испытывала тоскливое и злобное недовольство. Хотелось разрядки, чего-нибудь необычного, острого, нового. Вдруг ещё неотчётливо забрезжила идея.

- Ты когда-нибудь убивал? – она спросила неожиданно для самой себя охрипшим голосом.

- Не-е, – протянул он. И это было правдой: он на улице даже слизня обходил, опасаясь ненароком раздавить.

- Попробуем? – скорее решила, нежели спросила она. Решила, как всегда, и за себя, и за него. И ободрившись ожиданием приключения, и как бы стряхивая только что одолевавшие её расслабленность и безразличие, пружинящим шагом пошла навстречу выходящим из дискотеки подросткам. Прямо-таки кошка, вышедшая на охоту.

Одна, явно семитка, стройная, с задумчивым, интеллигентным лицом, привлекла её внимание. Нет, не лицом и не фигурой, – тем, что была одна. Сработал внезапно пробудившийся охотничий инстинкт. Не думаю, что на выбор повлияла какая-то антисемитская настроенность, хотя ксенофобия у подобного толка молодёжи явление нередкое.

- Алло! – окликнула она её, ещё не придумав, что скажет далее, и от того растерянно и даже как бы заискивающе улыбаясь. И вдруг её осенило:

- Слушай, поедem кататься! Скука здесь. Встряхнёмся немного...

И девчушка (рок, что ли?) вдруг легко поддалась этой неуверенной улыбке и дрогнувшему голосу и без раздумий села в машину почти незнакомых людей...

Нет, её не изнасиловали. *Её убивали, чтобы посмотреть, как умирает человек.* Но что-то у них не получалось. Дело оказалось грязным, непредвиденно трудоёмким, даже неинтересным, и только обескураживало и удручало. Убивали долго и неумело, в конце концов разозлившись на неё за её покорность, за свою неумелость, за то, что это приключение не принесло им ни удовольствия, ни облегчения, а только какое-то неопрятное, омерзительное, вязкое и безысходное ощущение ошибки, от которой теперь им не отделаться, из которой не выпутаться.

На поиски девочки были подняты крупные силы полиции. Искали и многочисленные добровольцы, привлечённые публикациями об исчезновении ребёнка из эмигрантской семьи. Её обезображенный труп, тщательно засыпанный прошлогодней листвой, нашли спустя три дня в переплетениях разросшейся дьявольски колючей ежевики. Вскоре задержали и убийц.

Осуществляя на практике принцип гуманного отношения к преступнику, суд приговорил несовершеннолетнюю инициаторшу убийства к двум годам условно, обязав её еженедельно посещать лекции по психологической реабилитации в городском центре по делам молодёжи. Он, главный исполнитель, был осуждён на четыре года исправительных работ.

Вот и вся история.

7

Если бы мне понадобилось рассказать о благополучном приезде в Германию какой-нибудь эмигрантской семьи из СНГ, то лучшего примера у меня бы не нашлось.

Их жизнь складывалась удачно, по-настоящему хорошо, прекрасно. В консульстве разрешение на въезд в Германию им выдали удивительно быстро, всего через шесть месяцев. ОВИР в соответствии с новыми веяниями в стране оформил документы тоже без проволочек. Денег после срочной продажи квартиры и немудрёного скарба хватило на билеты и даже немного осталось – на „чёрный“ день.

Немецкий город, небольшой по российским понятиям, был непривычно чист, ухожен и красив, полон зелени, цветов и покоя. Встретили их неплохо. Дали отдельную (на две койки) комнатку в домике лагеря для Flüchtling'ов, деревянном, но тёплом, со всеми удобствами и даже с кое-какой посудой и постельным бельём. И пособием не обидели – всё, как положено, чётко, вовремя. И на курсы немецкого языка определили в первый же месяц.

Им было интересно и весело ходить на эти курсы, учить язык, который постепенно стал нравиться, обретая в голове уловимую структурную ясность и логику, и, хотя с трудом, но усваивался. А когда уставшие после учёбы курсанты гурьбой высыпали на залитую солнцем улицу, то облегчённо перебрасывались русскими словами и весело смеялись, вспоминая сделанные ими ляпсусы на занятиях. Они были молоды, с дипломами известных в России вуз'ов, давших им приличные профессиональные знания, которые безусловно будут востребованы в Германии. Перед ними открывался весь мир, вселяя определённую уверенность в своём будущем и даже некоторую беспечность, почти бесшабашность.

Немцы их сторонились. Нет, они не подчёркивали негативного отношения, не выражали ни словами, ни жестами, ни мимикой своего неприятия иностранцев. Но взгляды, холодные, изучающие, оценивающие, как бы что-то прикидывающие, примеривающиеся, были лишены того, выработанного с детства дружелюбия, с которым жители Германии общаются между собой. Впрочем, это можно было объяснить. С притоком восточных эмигрантов в городке стали происходить ранее немыслимые случаи варварства и вандализма. По утрам жители застывали в немом негодовании перед размалёванными дурацкими надписями и рисунками стенами какого-нибудь только что отремонтированного здания, то под ногами хрустели вдребезги разбитые стёкла кабин уличных телефонов или фонарей уличного освещения, что, впрочем, возмущало многих приехавших не менее, чем коренных немцев. Однако это не уменьшало проявлений отчуждения.

И всё-таки было ещё нечто, что не то, чтобы сильно тревожило или решительным образом настораживало. Это было скорее какое-то неуловимое веяние, какие-то флюиды, предваряющие тревогу, даже не тревогу, а некоторое неудобство на глубоко подсознательном уровне, как бы это сказать, – на уровне генетической памяти. В общем-то пустяки, но иногда немецкие юноши шагали сквозь русскоязычную толпу с застывшим взглядом поверх голов, никого не толкая, но как бы понуждая людей расступаться, освобождая им дорогу. Оно, конечно, местные, хозяйева... Как-то поздно вечером после одного из многочисленных праздников, которыми изобилует Германия и которые здесь любят проводить умело, „с помпой“, они увидели, как выходящие из небольших кабачков мужчины прощались друг с другом, вздымая правую руку в нацистском приветствии и громко произнося „Heil!“. Но это были единичные, точнее нечастые эпизоды, которые вроде бы принимать к сердцу не стоило, но и забыть возникшие в глубине души тревожные вопросы не удавалось.

И они, приходя на занятия, задавали своим немецким преподавателям вопросы касательно этих проявлений, на что те им спокойно, с приветливыми, дружелюбными улыбками отвечали, что в отличие от той страны, из которой они приехали, в странах с подлинной демократией деятельность различных по своим политическим убеждениям лиц и групп людей естественна, и что на этом им не надо акцентировать внимание. Ну, что ж, не надо, так не надо...

Этот осенний день выдался на редкость солнечным, тёплым и безветренным. Занятия окончились, как обычно, в три. Впереди два выходных дня. Уговорились наутро всей группой съездить в Берлин на экскурсию. Если выехать в шесть утра, то к одиннадцати вечера можно и столицу осмотреть, хотя бы её центр, и успеть вернуться. Шумною гурьбой они высыпали на узкую улицу. Впереди шли женщины, как всегда громко переговариваясь по-русски. В нескольких шагах позади степенно вышагивали мужчины, покуривая и категорически не одобряя „Спартак“ за вчерашний проигрыш.

Шли ставшим привычным путём, не задерживаясь взглядом на примелькавшихся домах и палисадниках. Прошли туннель под железнодорожными путями. Далее дорога шла вдоль рельсов, отделённых от тротуара решёткой и густыми зарослями ежевики за ней. На решётке висел чем-то наполненный полиэтиленовый пакет – обычное теперь свинство. Ясное дело, кто-то поленился отнести его в ближайший мусорный ящик.

Тут её окликнул муж и она, отставая от подруг, приостановилась в ожидании, когда он подойдёт к ней. Она стояла, залитая мягким осенним солнцем, и улыбалась характерной своей улыбкой с дружелюбным лукавством и затаённым вопросом, стройная, очаровательно женственная и чертовски юная. О чём речь – двадцать четыре года! И подходившие мужчины, как бы застеснявшись, вдруг, словно по уговору, замолчали и спешно прошли мимо неё. Когда же муж поравнялся с ней, она, прижимаясь к нему плечом и радостно смеясь, шепнула в ухо, что у них, наконец, будет маленький – теперь нет никаких сомнений. А он, изумлённо ахнув, крепко обнял её, чего они обычно не позволяли себе на людях.

И в этот момент в двух шагах от них оглушительно взорвался висевший на решётке пакет. Взрывом ей разорвало живот и она умерла сразу, унося с собой в иной мир несбывшуюся жизнь их долгожданного ребёнка. Мужу оторвало руку и ногу...

Организаторов взрыва найти не удалось.

7

Странная была эта семья. Вроде бы люди как люди, но на каждом шагу проявлялась какая-то несуразность, нечто неприятное и отталкивающее.

Семье безраздельно руководила громкоголосая невестка, невыносимо самоуверенная стерва сорока пяти лет, маленького роста, заметно располневшая, отчаянно косящая правым глазом. При всём этом она явно претендовала на успех на сексуальном поприще. Ей беспрекословно подчинялись трое представителей

мужского пола: семидесятилетний свёкор, несмотря на возраст ещё могучий осанистый мужик, единственный из мужчин семьи, изредка осмеливающийся приглушенным ворчанием робко выражать недовольство властной невесткой; его сын, сорокадвухлетний оплывший жиром медлительный гигант за два метра ростом, плешивый и очкастый; и её сын, семилетний пацан с хорошенькой шкодливо-плутовской мордашкой, характерной для единственного и позднего ребёнка, как бы предупреждавшей не перечить ему, поскольку любая его проделка вне семьи всегда сходила безнаказанно. Добавим: мальчишка вслед за женщиной терроризировал мужчин, постоянно информируя мать об их делах и разговорах.

Они приехали в Германию из крупного южнорусского портового города, где старик и его сын, в своё время так и не одолевшие семилетку, всю жизнь до отъезда работали рабочими судоремонтного завода, очень довольные своим положением. С одной стороны оно не понуждало приобретать особые знания и, соответственно, не обременяло какой бы то ни было серьёзной ответственностью, а, с другой стороны, обеспечивало весьма приличный заработок, дай бог любому инженеру того же завода. Нахрапистая же хозяйка по окончании малопрестижного техникума исхитрилась устроиться на работу инспектором районного отдела народного образования, о чём не преминула сообщить в первые минуты знакомства. Её сынишка в России закончил первый класс с приличными оценками, не только не умея читать и писать, но даже толком не запомнив буквы русского алфавита. Зато в денежных знаках он разбирался превосходно, выживая их из карманов пальто и курток зазевавшихся родителей и случайных визитёров.

Можете представить себе, какие скандалы и попреки обрушивались затем на головы соседей по общежитию, походя обвиняемых в кражах. Истинный же виновник всегда находил безоговорочную защиту у пышущих праведным гневом родителей: „Да как они посмели заподозрить их ангелочка?!“.

Несомненно все четверо были евреями, но у мужчин на шее как символы предусмотрительной страховки висели маленькие серебряные крестики на засаленных шнурках, а у женщины,

естественно, золотой на золотой цепочке. Пацанёнок тоже был крещён, о чём имелось заблаговременно припасённое церковное свидетельство. Однако говорить о приверженности членов семейства к какой-либо религии было напрасным занятием. Мужики понятия не имели ни о Ветхом, ни о Новом завете, равно как о Торе или о Талмуде, а религиозные праздники воспринимали единственно как повод выпить. Женщина, у которой язык был подвешен много лучше, чем у её мужчин, могла что-то сказать о Рождестве Христовом и о Его мученической смерти, но об остальных догматах христианства имела весьма смутное представление. Добавлю, мужчины не знали, что такое менора, а мацу воспринимали как несуразное и невкусное печево. Об идише и, тем более, об иврите говорить с ними было бессмысленно.

Поражало их отношение к гигиене. Регулярно принимавший слабительное дед при многократных посещениях туалета умудрялся орошать мелкими каплями жидкого кала не только весь унитаз и стульчак, но и сливной бачок и заднюю стенку туалетной комнаты. Убирать за собой он считал ниже своего достоинства. Там, в России, этим занималась его жена. Она умерла два года назад, и старик, живший отдельно от молодых, вскоре превратил свою квартиру в совершенный хлев. Это подвигло его на второй брак. Выйти за него решилась русская женщина, единственно имея ввиду предстоящий выезд в Германию. Но поскольку документы уже прошли консульскую проверку, ей, вписанной позднее, разрешение на приезд дали лишь на следующий год. Формально в ожидании жены дед считался в Германии одиноким и ему отвели в общежитии отдельную комнатушку. Старик ленился готовить, но не забывал купить бутылёк дешёвой водки и, из соображений экономии питаясь всухомятку, частенько сокрушался, что теперь некому за ним ухаживать – невестка, если и постирает, то неохотно, а, главное, не бесплатно.

По-видимому, неопрятность – черта наследуемая. После посещения туалета верзилой сыном на полу постоянно оставались обширные лужи мочи. Делавший регулярные обходы старый сантехник-немец, будучи не в состоянии вообразить себе

такое скотство, угробил целый день в поисках дефекта фановых труб. В довершение общественных бед гигант не пользовался домашними тапочками. По вечерам собиравшиеся на кухне обитатели общежития вынуждены были обонять чудовищный букет, исходивший от его носков, пропитанных потом немых ног и застоявшейся мочой. От мальчишки, во всём подражавшему отцу, пахло аналогично. В мокрых носках семилетний грязнуля норовил лазать по кроватям соседей или, забавляя членов семьи, танцевал на кухонном столе. Коробило только несчастных соседей по общежитию, да редких гостей.

Была у старика и старшая дочь, приехавшая в Германию шестью годами раньше. Дочь явно не вписывалась в семейные традиции. Аккуратно одетая, подтянутая, к тому же прилично владеющая немецким, она выгодно отличалась от своей родни. Дважды, навещая отца и семью брата, приезжала она из другого города на серебристом „Мерседесе“. Однако, наткнувшись на скандальное недружелюбие невестки и подчёркнутое безразличие кровных родственников, она, оставив пару новокупленного белья отцу и коробку сладостей племяннику, сводила время общения к минимуму. После её отъезда о ней судачили матерно, не скрывая завистливого и насмешливого недружелюбия. Она ушла из семьи ещё шестнадцатилетней девчонкой и, по словам родственников, ничего, кроме забвения не заслуживала. Дирижировала хором хулителей, конечно же, невестка, утверждавшая, что дочь приезжает к отцу в расчёте на его денежки.

Дед, прилично зарабатывавший в России, привёз с собой крупную сумму, ещё до отъезда предусмотрительно переведённую в дойчмарки. Эти деньги были вождельённой целью невестки и в то же время служили старику некоей точкой опоры, позволявшей ему внутренне противостоять всеподавляющей властности настырной женщины. На этой и только на этой почве патриарх отказывал невестке в безоговорочном подчинении. Status quo обеспечивался тем, что старик постоянно держал дверь своей комнаты на замке, позволяя заходить туда остальным членам семьи только в своём присутствии. А в отсутствии молодых, дед, будучи в подпитии,

любил прихвастнуть своей финансовой независимостью, неизменно именуя при этом сына дураком, а невестку – жидовкой.

Однако после каждого отказа передать деньги на хранение невестке у старого гипертоника резко подскакивало давление. Ночь напролёт он глотал таблетки, мучаясь жестокими сердечными спазмами, но не смел разбудить молодых. Наутро после приступа старик брёл в ближайший Praxis, где его уже знали и при полном его немецком безъязычьи безошибочно направляли к терапевту. Высокомерный терапевт-немец наскоро обследовав старика, выписывал бесплатный рецепт и, распорядившись насчёт инъекции понижающего давление лекарства, тщательно мыл руки.

До некоторого времени такое лечение помогало, но как-то раз приступ затянулся. Здоровье старика ухудшалось, и на четвёртые сутки его госпитализировали в ближайшую больницу, где первым условием лечения был объявлен запрет на спиртное. Спустя несколько дней его навестили сын и невестка. Старик, подшучивая над собой, рассказал, что лечат хорошо, кормят вполне достаточно, хотя и не по-нашему, и единственное, что плохо, так это отсутствие выпивки. В это время в палату вошла медсестра и, где словами, где мимикой, подтвердила, что алкоголь пока запрещён, более того, смертельно опасен.

На этом, собственно, можно закончить рассказ: дальнейшее вполне угадываемо. В голове у невестки моментально созрел план. Кося сильнее обычного правым глазом, она пообещала вскоре навестить свёкра. На следующий день невестка принесла литровую бутылку купленной в „русском магазине“ сорокаградусной. Лукавая женщина убеждала старика пить понемногу, не более глотка за раз, поскольку врачи предупреждают и тому подобное. Но, с другой стороны, ведь всем известно, что пьющему человеку разом прекратить пить – тоже вред. Только поэтому-то она и принесла...

Старик слушал её недоверчиво, но презент принял. А вечером он, мучимый жаждой, выросшей за неделю до непереносимых размеров, отбросил всякую осторожность.

Короче, к утру бутылка была пуста, и старик тихо скончался, что и требовалось. Используя слова известного в России писателя и правозащитника А. Приставкина (правда, по другому поводу), скажем: „Практически, с моральной точки зрения, это – убийство, а формально – всё по закону“. Во всяком случае, расследования, как такового, по всей видимости не было.

При описи скромного имущества деда деньги указаны не были. Бедного старика похоронили за счёт общины по еврейскому обряду. Пройдоха-невестка и тут сумела обойти довольно-таки недоверчивых руководителей гемайнды.

По слухам, спустя месяц, будучи в туристической поездке в Антверпене, невестка открыла счёт в местном банке на довольно круглую сумму.

1

“Барух Ата Адонай Э-лой-хейну мелех хаолам ашер кидшану бэмцвота вэцивану лехадлик нер шель йом тов”.*

Она проснулась раньше обычного с ощущением чего-то нового, значимого, необыкновенного, что вот-вот вторгнется в её жизнь и всё переменит, перевернёт, вспыхнет фантастически ярко, как фейерверк. И завтракая, и потом, рассеянно делая заданные на дом уроки, она постоянно чувствовала магию этого ощущения. Это ощущение не покидало её весь день, постепенно усиливаясь, пугающе и в то же время приятно тревожа и, даже, радуя.

Маленького роста, худенькая, с несколько асимметричным горбоносым лицом, на котором как бы независимо от неё самой жили огромные тёмно-карие, почти чёрные глаза, придавая её в общем-то некрасивым чертам тревожную одухотворённость и какую-то колдовскую притягательность. К этому добавлю густую шапку коротко остриженных чёрных кудрявых волос, по-девичьи тонкую шейку, худенькие плечики, невысокую грудь, узкие бёдра, несколько полноватые икры крепких коротковатых ног с крохотными стопами 32-го размера – сплошное мучение при покупке туфель. Еврейская девочка семнадцати лет из России. Ничего особенного.

Они приехали в Израиль несколько месяцев назад после мучительных колебаний и многих семейных сцен, расколовших тихую интеллигентную семью на два лагеря. Лагерь “вечных мазохистов” и “России верных жидов” состоял из матери, такой же, как дочь, худенькой и непривлекательной женщины сорока пяти лет с легко узнаваемыми семитскими чертами лица, преподававшей в одной из школ Москвы русский язык и литературу, и дочери. Они полагали, что ехать не стоит. Пик антисемитизма начала девяностых годов в их воспоминаниях успел понемногу сгладиться, а те его проявления, с которыми так или иначе приходилось сталкиваться в последующие годы, стал, как бы это сказать, не то, чтобы безразличным, нет, скорее привычным, как, например, давка по утрам в метро или запах мочи в подъезде. То есть было неприятно, но быстро забываемо, и акцентировать на этом внимание, видеть в этом нечто значимое и, тем более, сводить к этому все проблемы и невзгоды бытия никак не следовало. Надо было стоять выше этого, и они стояли. А что ещё оставалось?

Оппозицию возглавлял отец, преподававший рисование и черчение в той же, что и его жена, школе. Этот невысокий сутуловатый мужчина сорока девяти лет с нервическим лицом и большим крючковатым носом, как бы олицетворял собой карикатурный типаж еврея. Возможно, он чаще других подвергался различным антисемитским выпадам на улице, в транспорте и, порой, на работе. Он и умершая незадолго до их отъезда в Израиль бабушка представляли собой группировку „безродных космополитов“ и „предателей Родины“. И хотя все эти эпитеты употреблялись с явно дружелюбной и понятной иронией, они всё-таки задевали нечто потаённое, если не оскорбляя, то всё же возбуждая внутренний протест и способствуя некоторому охлаждению отношений в ранее очень дружной и крепко спаянной семье.

Отец и бабушка были убеждены, что вслед за волной антисемитизма перестроечных лет последуют новые антиеврейские кампании, что руководству и населению страны присущ дух национализма. Случись какая-нибудь внутрисполитическая или межгосударственная заваруха и, отводя

удары разгневанных толп от проворовавшейся верхушки, гнев народа канализируют в направлении нацменьшинств и, в первую очередь, на евреев. С этим ощущением и с этими мыслями уже уехали многие их друзья и знакомые, и им нечего дожидаться очередного холокоста. Надо уезжать, и уезжать в Израиль, где все евреи, а, значит, антисемитизм невозможен. Там как-нибудь притерпимся, приживёмся, устроимся, выдадим замуж малышку, а, может быть, и на долю нас, старших, перепадёт что-нибудь хорошее. Поживём – увидим.

С тем и приехали, привезя с собой небогатый скарб учительской семьи, и, главное, увозя дочь от бед, которые, как они были убеждены, сулила ей дальнейшая жизнь в России. За время, прошедшее после приезда в Тель-Авив, они как-то устроились, благо нашлись московские друзья, уже акклиматизировавшиеся на новой родине. Срочно учили язык, которого, само собой разумеется, не знали и не могли знать, прожив всю жизнь в окружении русских людей. Это сделало русский язык, русскую культуру и русский образ мыслей естественными и даже родными несмотря на все, известные любому российскому еврею, перипетии. В некоторой степени выручал английский язык, который все трое более или менее знали, то есть умели читать и немного говорить на бытовые и профессиональные темы. Конечно, для свободного общения их знаний английского было недостаточно. Впрочем, по соседству каждый второй говорил по-русски. По-русски говорили многие и в школе, которую она начала посещать, хотя было ясно, что год пропал. Но ведь надо было с чего-то начинать, что-то делать, как-то вживаться в новую, яркую, непривычную и необычную жизнь.

А сегодня вечером она с одноклассницами пойдёт на танцы. И это тоже непривычное и новое, так как в Москве ей редко приходилось бывать на танцах. Да и не была она охотницей до танцев. Её, невзрачную малявку, мальчишки в общем-то не часто и неохотно приглашали, и она, лишённая привлекательности и раскованности своих подруг, чувствовала себя в танцзале стеснённо и неуютно, вроде как Золушкой. Но сегодня всё будет иначе, поскольку мама выдала ей свои

единственные туфли на высокой шпильке и она теперь будет почти на десяток сантиметров выше. И она, притоптывая и пританцовывая в этих туфельках, привыкая к ним и приучая себя двигаться естественно, вдруг с радостным удивлением отметила, как постройнели и приобрели пикантную форму икры полноватых ног, как округлилась попка, прогнулась поясница, подтянув живот и вызывая выпятив маленькие грудки, и гордо взметнулась на тонкой шейке кудрявая черноволосая головка с загорающимися тревожно-радостным огнём огромными тёмными глазами. Да, сегодня что-то непременно произойдёт, обязательно произойдёт. Предчувствие было почти осязаемым. Такое не подводит.

На дискотеку они пришли пораньше: до начала танцев девчат пропускали бесплатно. Подруг сразу же разобрали знакомые ребята и она, как это не раз бывало в России, опять оказалась в одиночестве в шумной и нарядно одетой толпе. Но сегодня это её не огорчало. Она знала, что сегодня всё будет иначе. Она не будет одна, потому что сегодня, именно, сегодня, придёт **он**, увидит её, подойдёт к ней и скажет... И, вообще, сделает что-то такое необыкновенное, прекрасное и долгожданное. И она, постепенно переполняясь этой уверенностью, этим ожиданием, весело оглядывала толпу бурлящей молодёжи, высматривая **его**, которого она, конечно же, узнает сразу, как и **он** её узнает сразу же, раз и навсегда.

И вдруг каким-то шестым чувством она поняла, нет, скорее ощутила, восприняла, как некое таинственное знамение, что **он** уже здесь, **он** идёт, **он** ищет её. И она сама, напряжённо вытянувшись и вибрируя каждой своей молекулой, медленно повернулась и взглядом сразу выхватила **его** из толпы. Это был невысокого роста юноша в тёмном костюме, хорошо сшитом и, в целом, неплохо сидевшем на его явно худощавом теле, но делавшим его несколько плотным в талии, как бы непропорционально полноватым. Он шёл с гордо поднятой головой, увенчанной шапкой непокорных черных кудрей, обрамлявших смуглое семитское лицо. И всё в **нём** было явно к месту и только украшало **его** – её тоску, её надежду, её ожидание, её счастье.

Экзальтация переполняла её, рвалась наружу, порождая необъяснимое сочетание восторга и отстранённой, почти холодной рассудочной наблюдательности. О, как горели *его* глаза, гордо, с какой-то недоступной леденящей высоты озирая бурлящую толпу и, казалось, не видя её, что заставляло людей расступаться перед *ним*, словно они чувствовали в *нём* некую неординарную, неподвластную силу иного порядка. Впрочем, у всех здесь было полно своих дел и, пропустив *его*, очередного посетителя дискотеки, толпа вновь смыкалась в водовороте тел, взглядов, слов, шуток, смеха, поиска встреч и ощущений, не обращая на *него* особого внимания и, тем более, не испытывая ни её трепета, ни её обожания. Но это был *он*, несомненно *он*. *Он* шёл к ней, ещё не видя её, и она, вбирая *его* глазами, вновь почувствовала какой-то цепенящий восторг, к которому теперь примешивалось ненужное тревожное и холодное нечто, причем, оставаясь неосознанным и не пугающим.

Под её взором он вздрогнул, как бы очнувшись от глубокой задумчивости или внутреннего одиночества, отчуждавшего его от толпы и, резко повернув голову, встретился с ней взглядом.

„Что это она так смотрит? Не может быть!.. Вычислила?.. Ну, что ж, тем лучше!” И он пошёл ей навстречу, неотрывно глядя ей в глаза и внутренне сопротивляясь её властно влекущему взгляду, немного сбиваясь в шаге, но вместе с тем неуклонно приближаясь к ней, как движется сомнамбула навстречу гипнотизёру или лазерная детская игрушка навстречу лучу, управляющему её механизмом. И, шагая в таком сомнамбулическом состоянии, он всё время тревожно думал: „Чего она так тарашится? Распознала-таки! Сейчас закричит! Надо успеть...”

И всё же он медлил. Идя к ней, загипнотизированно глядя ей в глаза и, в свою очередь, гипнотизируя её взглядом, он внезапно ощутил неуверенность в себе и в своём деле и, почувствовав это и отбрасывая от себя эту неуверенность, он со злобной иронией подумал, что девчонка хоть и некрасива, но необычайно привлекательна. И тогда...

И тогда, как в трансе, не помня себя и не понимая, что с ней происходит и что она делает, как будто с мольбой она протянула к *нему* руки. Мгновенно её гипнотические чары развеялись. В его ушах и в мозгу громко зазвучали, зримо и почти вещественно возникли наставления и инструкции, на которых строилось его обучение в последние месяцы. В голове пульсировала одна паническая мысль: „Разоблачён! Сейчас схватят!“ И забыв крикнуть каноническое „Аллах акбар!“, он судорожно рванул пуговицу, натянув шнур спрятанной на его теле бомбы.

Ей показалось, что её и *его* глаза слились в единой яркой вспышке. И сразу ничего не стало.

Взрывом разметало толпу в радиусе пятнадцати метров, но для неё ничего этого уже не было...

Растерянно бродя в этом эпицентре ужаса и смерти, мать нашла две чёрные туфельки тридцать второго размера с высокими каблуками – шпилькой, совершенно целые, словно бережно оставленные на память. Её туфельки, их туфельки. Других таких не было во всём Израиле. И чувствуя, что сходит с ума, спросила непонятно кого и зачем, спросила сухим, бесцветным и холодным голосом: „Почему они уцелели? Почему-у?...“. И кто-то, так же сходя с ума, таким же бесцветным и сухим голосом ответил ей: „Причуда взры-ыва...“.

А дальше была тьма. Что-то умное и, наверное, правильное прочувствованно говорил премьер Шарон, но она ничего не понимала. Впрочем, он говорил на иврите.

В ту же ночь тихо скончался отец – не выдержало сердце.

“Йитгадаь вэйиткадаш шэмэ раба, бэ‘альма див‘ра хир‘утэ вэйамлих малхутэ, бэхайехон увйомэйхон увэхайей дэхоль бэт Йисраэль, ба‘агала увизман карив, вэ‘имру. Амен”.**

* и ** (см. стр. 178 и 183). Русская транскрипция Субботней молитвы и Каддиша взяты из „*Luach Kalender 5761 2000/2001*“, изданного *Landesrabbinat von Hamburg und Schleswig-Holstein, Konzeption und Realisierung U.Michael Lohse.*

Евреи бывают настоящие и ненастоящие. У матери-еврейки дети получаются настоящими евреями, а если мать не еврейка – извините. В таком случае как бы отец-еврей ни старался, у него ничего хорошего не получится. Точнее, получится недоразумение, которое антисемиты всю травят, как еврея, а ортодоксальные евреи на дух не принимают, безоговорочно почитая иноплеменником – гоем. Впрочем это выяснилось на седьмом десятке лет его жизни, когда он приехал в Германию. В приёме в геймайнду ему категорически отказали, мотивируя выше сказанным.

Поначалу это его только удивило. Какого чёрта тогда, во времена фашистской оккупации, его разыскивали полиция и фельдшармы? Какого чёрта его третировали в школе, особенно в пятьдесят втором году? Какого чёрта попытки трудоустройства всегда, негласно, но явно осложнялись пятым параграфом? И почему к нему там, в России, так рьяно тянулись евреи, охотно приглашали в свои компании, с восторгом читали его статьи о проявлениях антисемитизма?

Затем на смену удивлению пришли раздражение и негодование: „Не признаёте? Ну и хрен с вами!“ Впрочем, вскоре прошло и раздражение. Наступило равнодушие. Он поддерживал отношения с некоторыми еврейскими семьями, но внутренние проблемы еврейской диаспоры перестали его интересовать. Здесь, в эмиграции он вдруг стал замечать те особенности поведения и черты характера евреев, по которым частенько проходились еврейские и нееврейские юмористы в многочисленных байках и анекдотах. Проанализировав эти новые для него ощущения, он огорчился. Объективность, как он полагал, была его сильным качеством, а тут, похоже, он стал её утрачивать.

Одиночество его не тяготило. Хотя в трудоустройстве ему по возрасту официально отказали, дел было по горло: язык, адаптация, поиски, а затем обустройство квартиры, текущие мелочи быта, работа над многочисленными рукописями, привезёнными в черновиках из России (не для опубликования, а

для себя, по многолетней привычке доводить до конца начатое), – занимало весь световой день. А когда наступали сумерки и уставшие за день глаза и тело буквально скулили об отдыхе, вступали в свои права воспоминания.

Вспоминать было о чём: работа, жена, дети, ныне покойные родители... Да мало ли о чём может вспомнить человек на седьмом десятке лет жизни, если он от этой жизни не бегал, не прятался, а погружался в её водоворот по самую маковку.

Работа... Всю жизнь он работал, много, всецело отдавая себя работе. Порой в одиночку тащил воз, который был бы под силу лишь хорошо оснащённому научному коллективу. И всё это за гроши, вынужденно делясь авторством и результатами с демонстративно равнодушным к его делу начальством. Вынужденно потому, что иначе они ставили бы ему „палки в колёса“. Впрочем, и так ставили, ещё как ставили, и даже не ради собственной пользы, а просто для развлечения – посмотреть, как он вывернется из создавшегося затруднения. Да ещё представляли себя в роли борцов за чистоту науки, в которой многие из них, говоря по совести, ни черта не петрили. И в конце концов он выдохся. Творческий энтузиазм, не питаемый заинтересованностью и поддержкой руководства, а значит, и нереализуемый на практике, иссяк. И он дорабатывал до пенсии уже в другом коллективе, отношения с которым в дань текущим событиям в стране густо приправленные антисемитизмом, никак не складывались.

Дети... Он корил себя за то, что уделял им слишком мало времени и сил, ума и сердца. И хотя оба они „получились“, то есть выросли порядочными, трудолюбивыми и имели хорошее образование, обеспечившее им прилично оплачиваемую работу, обзавелись семьями и устроились с жильём, ему было всё-таки жалко упущенного времени общения с ними. Было досадно за своё слишком малое участие в формировании их индивидуальности, в выборе ими профессии и всего того, что принято называть характерологическим складом, путёвкой в жизнь и т.п. Отсюда определённое отчуждение детей по мере обретения ими самостоятельности. А от первого брака у него

осталась дочь. При разводе и позднее первая жена и её родня сделали всё, чтобы исключить общение отца и дочери, и в конечном итоге добились своего. С тех пор он не виделся со своей первой дочерью и ничего не знал о её судьбе. Но воспоминания о ней сидели занозой в его сознании и каждая ночь начиналась с тревожных и мучительных размышлениях о тех необратимых событиях.

Родители... Родители давно умерли, но для него это был особый разговор, особенно чувствительный пункт его ночных размышлений. Он гордился ими, и было за что. Оба были действительно хорошими и по-настоящему честными людьми. Возможно поэтому они ушли из жизни раньше времени, не успев достигнуть того положения, которого заслуживали и, наверное, достигли бы, продлись их жизнь и научись они находить компромиссы, без которых успешная карьера невозможна. Да, он гордился ими, но не пошёл их путём, трезво оценивая разницу их и своего творческого потенциала. И ещё он испытывал обиду за них, поскольку события в стране свидетельствовали о том, что их жертвы были напрасными.

Жена... Это был второй брак. И он дорожил им, стараясь предусмотреть надвигающиеся проблемы и, по возможности, оберегая её от тех житейских сложностей, которые так неожиданно и суматошно привносит в семейную жизнь наше время. Безусловно, он по-настоящему любил свою вторую жену и знал, что она отвечает ему взаимностью. Однако он понимал, что она любит его не романтической безоглядной любовью, а, так сказать, в рамках здравого смысла, до определённого предела. Так в спорах с детьми или при его разногласиях с её родителями она всегда вставала на их сторону даже при очевидной их неправоте, охраняя тем свой покой и явно предавая мужа, вредя его авторитету и вынуждая к нежелательным, а главное, неправильным и ненужным компромиссам. Частенько при этом она, как бы соглашаясь или, по меньшей мере, не споря с мужем, в решительный момент могла потихоньку поступить обратным образом, неожиданно оставляя его в конфликтной ситуации в проигрышном положении к немалому его изумлению и возмущению.

Разумеется, он прощал ей эти предательства, объясняя их её инертностью и мягкостью её характера, но побаивался, что эти её качества могут в решительный момент привести к опасным, а то и к непоправимым изменениям в их жизни. Не раз он пытался объясниться с нею, и она, как будто соглашаясь, по своему обыкновению спокойно и молча выслушивала его доводы, но в дальнейшем всё повторялось.

В начале девяностых годов прошлого века на фоне агонизирующего советского строя в России возникли некие борющиеся за власть силы, пополнявшие свои ряды за счёт маргинализированных слоёв населения. Педантируемый ими антисемитизм, стремительно нарастая, обрёл непредсказуемый размах. На фоне массового националистического психоза как грибы росли и множились радикально ориентированные группы и объединения, которых роднила и сплачивала антисемитская риторика и погромные тенденции. Явление небывалое, ранее немыслимое, казалось, невозможное в стране, потерявшей в борьбе с фашизмом свыше 26 миллионов человек, – при явном попустительстве новых властей в России создавались и открыто действовали фашистские и профашистские партии и союзы, открыто издавалась фашистская литература и пропагандировалась гитлеровская идеология с подчёркнутой антиеврейской направленностью. Антисемитскими выпадами были отмечены выступления ряда общественных и политических деятелей, парламентариев и военачальников. Защиту этих высокопоставленных антисемитов без стеснения взяла на себя Государственная Дума. Всё это возмущало, ужасало и наполняло ощущением невозможности компромисса с происходящими в стране чудовищными переменами, убеждало в своей ненужности здесь, укрепляло отчуждение. Рушились нравственные устои и многие, провозглашавшие себя борцами за демократию и межнациональное сотрудничество, походя меняли свои ориентиры и лозунги – „ловили рыбу в мутной воде“. Жить в таких условиях было для него невыносимо, как, к примеру, невозможно существовать в выгребной яме. Надо было уезжать, хотя не было ни денег, ни знания языка, ни сил,

ни надежды на профессиональную востребованность в стране приёма.

Эти мысли он подробно и аргументированно изложил жене. В ответ услышал, что она с ним не поедет. Её спокойствие его покорило. Это было именно то предательство, которого он внутренне ожидал и боялся, втайне надеясь, что это всё же не случится. Случилось-таки.

Не показывая своего разочарования и огорчения, своей боли, он без аффектации сказал, что в таком случае уедет один. Больше к этой теме они не возвращались вплоть до его отъезда.

В ночь перед его вылетом в Германию они долго сидели, прижавшись друг к другу. Молчали. Думали. Много в их жизни было нужного, доброго, радостного, дорогого. Плохое обычно приходило извне, хорошее рождалось в семье. Поторопилась она отказаться. Поспешил он уезжать. Одиночество ни тому, ни другому не сулило ни покоя, ни успеха. Старые они уже, измотанные жизнью. И они заговорили о том, что будут делать всё возможное, чтобы съехаться, воссоединить семью. С этими мыслями спозаранку ехали в аэропорт. С этими мыслями он прошёл таможенный осмотр. Последняя улыбка, последний взгляд, последний взмах руки...

Больше они не виделись. Законы Германии не воссоединяют семьи, расставшиеся без веской мотивации и опомнившиеся впоследствии. Зачем им эта обуза, эти лишние рты? А ему была непереносима мысль о возвращении в страну, где похоронив отца и мать, где честно отработав всю свою жизнь, он оказался чужаком, изгоем, внутренним эмигрантом, третируемым по национальной принадлежности, – в страну, которой он стал откровенно не нужен. Создать новую семью он не пытался.

Так шли годы. Одиночество, одиночество, одиночество... Постепенно уходили силы, подводила память, ослабевал, а затем и вовсе исчез интерес к творческой работе. Не размышлялось, не писалось, не создавалось. Всё чаще им овладевала тоска. Нет, это была не ностальгия. Родина выдавила его из своего лона. Перерезанная пуповина не болела и не влекла за собой. В этом отношении он воспринимал эмиграцию

без негативных эмоций. Терзали воспоминания о жене, о её глазах, её голосе, её дыхании. Жгли воспоминания о детях. Мучительно переживая разлуку с семьёй, он не находил выхода. Мысли стали вязкими, застыли в безысходности. А время шло. Сил и желаний становилось всё меньше и меньше. Дальнейшая жизнь становилась бесцельной, существование – бессмысленным...

Поздним вечером он вышел на балкон. Долго стоял, прислушиваясь к себе. С высоты десятого этажа был хорошо виден распростёршийся внизу огромный город, красивый, уютный, равнодушный, чужой. Город засыпал, и в наступающей ночи была отрада, покой, был выход.

Глухой удар об асфальт не привлёк ничего внимания. Обезображенное падением с высоты тело ранним утром обнаружила по пути на работу соседка-немка. Одинокого иностранца опознали, освидетельствовали, кремировали. Сообщили родственникам. Вот и всё.

„Главный враг человека, живущего в одиночестве, – он сам“ (Шаолинская мудрость).

ЛЮДИ, ПУСТЬ НЕ УГАСАЕТ ОГОНЬ СОЧУВСТВИЯ! ЗАЖГИТЕ ВАШУ МЕНОРУ!

РАЗГОВОРЫ С ВИЛЛИ

Памяти Отто Берляйна

Мы знакомы с Вилли уже три года. Тогда я только что получил заговскую (SAGA – одна из организаций, сдающих недорогое жильё жителям Германии) квартиру, завёз свои нехитрые пожитки и, стоя посреди пустой комнаты, прикидывал, сколько понадобится светильников, минимально необходимой мебели и где всё это подешевле купить.

В дверь постучали. Передо мной стоял среднего роста крепкий сухошавый седой мужчина. Без лишних слов он прошёл в квартиру, осмотрелся и так же молча вышел. Через пару минут он явился с запасом электрических лампочек, инструментарием, стремянкой и наладил освещение. Потом

принёс несколько стульев, стол для кухни, повесил на окна шторы, устроил на лоджии сушилку. Всё это он делал с профессиональной сноровкой, по-деловому, без малейшего намёка на благоденствие и угомонился лишь тогда, когда убедился, что и я умею выполнять необходимые работы по хозяйству. Он же подарил мне тостер, пылесос и велосипед, собранный им из нескольких брошенных машин. Мне импонировала его ненавязчивая манера держаться, искренность и доброта души без демонстративной щедрости: с детских лет человек труда, Вилли ценил копейку и никогда не разбрасывался деньгами. Мы подружились.

Мой сосед Вилли – немец. Он приехал в Гамбург из Казахстана десять лет назад. Сейчас ему шестьдесят девять лет. До девятилетнего возраста он жил в немецком селе на Украине. Семья была бедной, без обычного для немецких колонистов достатка, тем более, что отца, колхозного пастуха, в 1937 году арестовали за „антисоветскую агитацию“ и вскоре расстреляли.

В первый же месяц Великой Отечественной войны немецкие семьи вывезли на ближайшую железнодорожную станцию, погрузили в теплушки и отправили на восток. Несколько немецких семей, в том числе семья Вилли, не смогли втиснуться в переполненные вагоны и остались на перроне ожидать следующего состава. Но немецкие солдаты заняли станцию и велели оставшимся разойтись по домам. В 1943 году в преддверии возвращения Красной Армии немецкие семьи были эвакуированы в Польшу, где, не испытывая особо тягот войны, жили у местных немцев-колонистов. Женщины посильно работали в поле, мужчины, годные к несению военной службы, были мобилизованы в немецкую армию, некоторые – в войска СС, дети обучались в немецких школах. В течение года Вилли тоже посещал школу, а в свободное от учёбы время охотно маршировал в отряде гитлерюгенда.

Затем пришла Красная Армия. Советских немцев поголовно отправили в Казахстан. Семье Вилли повезло: они попали на рудник, где добывали железную руду. Мать направили на работу в прачечную, а одиннадцатилетний Вилли начал работать в подсобном хозяйстве рудника, где пас скот и наравне

со взрослыми пахал и сеял. Удача состояла в том, что он получал рабочую продовольственную и промтоварную карточки и вместе с матерью приносил в дом еду. Это позволило семье пережить голодную послевоенную пору. В пятидесятые годы он смог окончить шоферские курсы и окончательно встал на ноги. Удивительно, как, по сей день почти не владея ни русским, ни немецким письмом, он много читает. Он свободно и правильно говорит по-немецки, изредка сбиваясь на привычный с детства баварский диалект. Приобщившись к просмотру и чтению политических новостей, стал горячим патриотом Германии.

По выходным мы собираемся то у меня, то у него и, откупорив по банке пива, ведём бесконечные разговоры о нашем житье-бытье, о людских судьбах, о политике прошлых лет и дня сегодняшнего. Тут мы частенько оказываемся на противоположных позициях и, не будучи в состоянии переубедить друг друга, расходимся, неудовлетворённые несовместимостью взглядов. При новой встрече сблизить позиции опять не удаётся. Нет, мы не ссоримся, но именно эта несовместимость взглядов на события в мире и безрезультативность попыток найти общую точку зрения показалась мне знаменательной и типичной для нашего здесь общения.

Итак... Вилли уютно устроился в кресле. Я рядом, на диване. Приняли по банке отменного немецкого пива, заели хрустящими чипсами. Настроение благодушное. Смотрим по RTVi программу „Сегодня в Израиле“. Теракты, кровь в Иерусалиме. Разрушение подпольных оружейных мастерских и домов террористов в Палестине. Стрельба. Трупы. Вилли переполняется гневом.

- Зачем *вы* туда влезли? – спрашивает он, имея в виду образование еврейского государства и алию.

Его вопрос не является для меня неожиданным. Но я не спешу отвечать – хочу дать наиболее точный, наиболее убедительный ответ. Причём желательно, чтобы к нему Вилли пришёл сам. И я спрашиваю:

- Скажи, Вилли, а ты считаешь нормальным, что у евреев не было своего государства и они были рассеяны по всему свету?

Нет, Вилли считает, что это было неправильно. Не давая ему возможности отклониться от темы, задаю второй вопрос:

- Тогда где же, по-твоему, следовало евреям создать своё государство?

Всесторонне обсуждаем этот вопрос и, наконец, приходим к выводу, что больше и негде, как на Ближнем Востоке. Но Вилли по своей природе ярый спорщик и последнее слово должно остаться за ним.

- Но ведь там теперь живут арабы! Так зачем *вы* туда лезете? – почти кричит он.

Разговор явно идёт по кругу и я меняю тактику.

- Вилли, а зачем вы, немцы из бывшего СССР, лезете сюда, в Германию? Причём, здесь ведь густо населённая страна, а не полупустынная до начала алии евреев Палестина, – провоцирую я его.

- Это наша историческая родина! – гневается Вилли.

- Но Израиль такая же историческая родина евреев, как Германия – родина немцев!

- Нет, – рубит Вилли, – вас там не было две тысячи лет! Какая там ваша родина?

В запале он не заметил, как оказался в логическом капкане, и я не упускаю представившийся случай:

- Видишь ли, Вилли, евреи с большим правом называют своей родиной Израиль, нежели немцы из СНГ своей родиной Германию.

И, не давая взъерошенному Вилли прервать меня, добавляю:

- Более двухсот лет назад немцы пошли в Россию добровольно. Шли ради обещанной им лучшей жизни. В России они бесплатно получали большие наделы пахотной земли, леса и водоёмы. Им давали на льготных условиях ссуды. Им предоставляли льготы при экспорте сельскохозяйственной продукции за границу. Их освобождали от налогов и рекрутчины. Русская армия и полиция защищали их от набегов кочевников и разбоя в то время, как через Германию прокатывались многочисленные войны. Им предоставлялась свобода религиозного исповедания и культурная автономия. На них никоим образом не распространялось крепостное право,

тяготевшее над коренным населением европейской части Российской империи.

Ничего подобного евреи не получали нигде. Насильно лишённые родины, изгнанные и рассеянные по всему свету, они подвергались преследованиям и унижению во всех странах рассеяния. Во многих странах под страхом смерти запрещалась религия. Их принуждали к ассимиляции. Во многих странах евреям запрещали приобретать землю и даже работать в сельском хозяйстве. А знаешь ли ты, что в первой половине девятнадцатого века, когда немцы в России были освобождены от воинской повинности, рекрутчина среди евреев была по одному мальчику девяти-одиннадцати лет с десяти дворов, тогда как славяне, татары, прибалты обязаны были поставлять одного взрослого рекрута с двадцати дворов? Через 25 лет службы такие еврейские солдаты начисто забывали язык и традиции евреев, обрусевали, становились христианами и не возвращались в свои семьи потому, что и не к кому было, и незачем – они становились для своих родственников совершенно чужими людьми. А уж о бытовом антисемитизме практически во всех странах рассеяния и говорить не приходится: еврейская диаспора испытывает его постоянно и повсеместно.

Вилли изумлён. Он ничего подобного не слышал и не читал. И я, не щадя самолюбие Вилли, режу правду-матку:

- Вот почему, Вилли, другие страны не могли стать и так и не стали для евреев их безусловной Родиной. Вот почему массы евреев всегда мечтали о возвращении на свою историческую родину и о воссоздании своего еврейского государства. Вот почему они готовы ради этого идти на любые жертвы и лишения, преодолевать любые трудности и опасности. И в этом, Вилли, принципиальное отличие еврейской эмиграции в Израиль от возвращения немцев из СНГ в Германию. Ваши предки уходили в Россию за лучшей долей, ради „сладкого куска“, покидали Германию в трудные для неё годы. И, как говорят коренные немцы, возвращаетесь вы в Германию тоже потому, что здесь более сытая жизнь, более обустроенная, более

лёгкая и спокойная. Вот ваша любовь к Родине, вот ваша готовность жертвовать всем ради неё.

Столь резкого отпора Вилли не ожидал и берёт тайм-аут. Мы сухо прощаемся, но я уверен – через неделю меня ждёт очередной раунд жаркой полемики по национальному вопросу. И правда, в следующее воскресенье мы опять собираемся за банкой пива. Угощает Вилли, и я вижу, что он основательно подготовился.

- А зачем *вы* приехали сюда? – не без ехидства спрашивает он и, торжествуя в предвкушении непарируемого удара, взвинчивая себя, добавляет: – Ехали бы на свою историческую родину, а не в Германию. И какого ... ты приехал сюда, если твой отец – Герой Советского Союза, подводник – топил немецких солдат и моряков?!

Выпад неблагоприятен, и я рассержен. Но я не намерен реагировать на этот демарш, как на удар ниже пояса. В подобного рода спорах выпады собеседника нельзя расценивать подобным образом, как бы неблагоприятны они ни были. Их нужно аргументированно и обстоятельно опровергать. Но прежде надо укротить эмоции, сконцентрировать логику и найти наиболее точные и неопровержимые доводы.

- Видишь ли, Вилли, – говорю я, – мой отец топил не просто немцев, а одетых в военную форму фашистских захватчиков, которые вторглись в пределы Советского Союза. И не просто вторглись, а стали безжалостно и поголовно уничтожать евреев не только в России, но и во всех других оккупированных ими странах. Более того, геноцид евреев фашисты превратили в эдакое садистское развлечение для немецких мальчиков в форме. Именно поэтому вместе с другими советскими бойцами мой отец и полмиллиона евреев в Красной Армии и в партизанских отрядах уничтожали фашистских садистов-захватчиков, защищая свободу и жизнь своего народа и народов других стран. Тебе ли этого не знать, Вилли? А если знаешь, то не опускайся в серьёзном разговоре до словоблудия.

Конечно, всё это Вилли знает, но выдвигает следующий аргумент:

- Ну, положим, коммунистический режим в Союзе угробил побольше ни в чём невиновных людей, чем фашисты в Германии. И потом вместо фашистской неволи СССР навязал народам Восточной Европы коммунистическую несвободу. Какая разница кого защищать? И разве депортации, проводимые большевиками, по отношению ко многим народам, в том числе к советским немцам, не являлись таким же геноцидом, как геноцид евреев в Германии и в оккупированных землях?

Аргумент, в общем-то, известный. Однако однозначным ответом тут не обойтись. Прерывая затянувшуюся паузу, начинаю издалека:

- Ты ведь знаешь, Вилли, что во время Второй мировой войны СССР потерял на западном направлении, по некоторым данным, до 26 миллионов бойцов и гражданских лиц. Приплюсуй сюда миллионы евреев, уничтоженных в Европе фашистами, да потери среди военных и гражданского населения в захваченных фашистами странах, да немцев, погибших в фашистских застенках. Так что подсчёты жертв этих режимов не дают какому-нибудь из них шансы на индульгенцию.

Перевожу дыхание после длинной тирады. Вилли открывает рот, чтобы сказать что-то едкое, и тут меня заносит. Отбросив всякую политкорректность, я не выбираю слова:

- В журналах твоего землячества часто пишут о геноциде советских немцев в годы войны. Да, вам крепко досталось. Да, убивать безвинных людей ужасно, преступно, недопустимо. Но всё-таки, мне думается, вы, приехавшие из СНГ немцы, понятия не имеете о геноциде. И раз уж ты завёл о нём речь, давай обратимся к фактам. По вашим немецким эмигрантским данным в СССР военного времени погибло около 450 тысяч высланных советских немцев. Это, действительно, страшно. А напомнить тебе количество уничтоженных фашистами евреев в оккупированных зонах? 6 миллионов! Ты представляешь себе, сколько это шесть миллионов? Это совокупное население нынешних Берлина, Гамбурга и Мюнхена. поголовно всех: младенцев и стариков, женщин и мужчин, солдат и моряков, полицейских, пожарных, железнодорожников, врачей и их пациентов. Всех до единого. Вот что такое Холокост!

У меня срывается голос, я замолкаю. Молчит и Вилли. Потом идёт в кухню и приносит початую бутылку водки. Мы молча выпиваем и долго сидим в потёмках, всматриваясь каждый во что-то своё, потаённое. Наконец я обретаю голос:

- Мне хочется сказать тебе ещё кое-что, Вилли. По истечении полутора-двух десятков лет после победы над фашистской Германией дети советских немцев стали поступать в вузы и техникумы, смогли приобрести престижные профессии и должности. Сейчас в России есть министры и замы министров немцы. Есть немцы, занимающие в экономике страны видные, ключевые посты.

Вилли кивает головой: имена Грефа, Коха, Миллера и некоторых других ему хорошо известны.

- А теперь представь себе, Вилли, что победила гитлеровская Германия и в России установился оккупационный фашистский режим. Смогли ли бы дети евреев пойти учиться в вузы и техникумы, рассчитывать на посты в руководстве хотя бы оккупационной зоны, не говоря уж о Германии?

Вилли не ожидал такого поворота разговора и собирается с мыслями. Мне же нужен чётко очерченный финал.

- А почему не смогли бы, а, Вилли? Уж не потому ли, что и дети, и родители, и вообще все евреи, и даже дети от смешанных браков были бы поголовно уничтожены? Да, с советскими немцами поступили несправедливо и жестоко, но вопрос о поголовном уничтожении немцев не ставился никогда. Вот что получается при попытке приравнять отношение фашистского режима к евреям и коммунистического режима к немцам.

Но Вилли органически не приемлет такую концовку беседы. Он помнит тяготы детских лет в Казахстане, бедствия своих родственников. Он прочитал множество немецко- и русскоязычных публикаций о судьбе советских немцев после 1941 года и не может поступиться своими взглядами. Иная расстановка акцентов, тем более иная точка зрения при любой степени убедительности доводов для него неприемлема.

- А как же насчёт Эренбурговского „убей немца!“? – с напором нашедшего неопровержимый аргумент спорщика

форсирует он голос. Но мы оба понимаем, что позиция Вилли провальная.

- Брось, Вилли! – миролюбиво говорю я. – Тебе ли не знать, что призыв „убей немца“ в СССР даже в самые тяжёлые годы войны всё-таки относился к немецкому солдату, с оружием пришедшему завоевать страну и творящему насилие.

- Но и после войны – парирует Вилли, – мальчишки кричали нам „фашисты“ и „смерть немецким оккупантам“.

- Кричали, – соглашаюсь я, – кричали, как и мне кричали „жид“. Но мы говорим не об эмоциях уличных мальчишек, а о политике государства, об организованном в государственном масштабе тотальном геноциде.

А теперь, почему мы приехали сюда. Если немцы решили покинуть Россию, познав унижение и преследования на протяжении полувека, то представь себе, как устали евреи от двух тысячелетий гонений, преследований, погромов, Холокоста, террора. Особенно евреи старшего поколения. Они, перенёвшие дискриминацию и геноцид, безусловно имеют право на спокойную жизнь, на благополучную старость. Еврейская молодёжь нуждается в получении образования и работы наравне с представителями других национальностей. Но главное – безопасность. Все эти условия гарантирует современная Германия. Евреи верят Германии. Верят, что фашисты никогда снова не завладеют Германским государством. Верят, что антисемитизм не станет государственной идеологией немецкого народа. Что касается России, то в последние пятнадцать лет в ней крепнут националистические тенденции. Более того, в России не видно реальных препятствий пропаганде фашистской идеологии. Организованы и ищут пути легализации профашистские и откровенно фашистские организации и партии, планирующие истребление евреев. Еврейский народ уже испытал геноцид, развязанный фашистами, и покидает Россию в первую очередь именно поэтому.

- Ну, ладно, пусть так, – раздумчиво говорит Вилли, – всё же скажи, – в голосе Вилли усталость, – разве на Советской власти мало бессмысленно пролитой крови? Мало безмерной

жестокости? А нынешний национализм в России разве не из советских лет?

Ну что на это возразить? Много пролито крови в СССР, и текущие события в России, действительно исходят из тех жестоких времён...

Опять мы с Вилли „отмокаем“ от повседневных хлопот за банкой пива. Аппетитно хрустим чипсами. Смотрим последние известия. Германия готовится к парламентским выборам. Кипят страсти, подогретые спадом экономики, ростом цен сопряжённым с введением евро, безработицей, проблемами эмигрантов, внешнеполитическими коллизиями. Благодушное настроение Вилли заметно портится, и он исподволь начинает:

- Экономическое положение Германии в последние годы заметно ухудшилось.

Это, к сожалению, правда. Газеты и телевидение полнятся размышлениями по этому поводу.

- Да и с введением евро заметно понизилась покупательная способность населения, – продолжает он. – А кто виноват?

Я молча жду продолжения, уже догадываясь, что за этим последует.

- Все лезут в Германию пожить на халяву. И негры (сидели бы у себя в Африке!), и турки, и цыгане, и евреи. И всех должны содержать немецкие налогоплательщики! Сколько можно?

Голос Вилли дрожит от возмущения. Он искренне переживает за Германию и не скрывает этого. От такого заявления не отмахнёшься. Так думают многие аусзидлеры и многие местные немцы, не один Вилли. Здесь нужна точная аргументированная формулировка ответа.

- Ну что тебе сказать на это, Вилли? Одного довода, однозначного ответа тут нет, – говорю я.

Вилли согласно кивает головой. Он полагает, что его доводы неодолимы, и несколько успокаивается. А я продолжаю:

- Ты знаешь, что уровень социального обеспечения граждан Германии весьма высок. Это привело к тому, что социальные гарантии позволяют местным жителям отказываться от низкооплачиваемых должностей. Выгоднее получать Arbeitslosengeld, Arbeitslosenhilfe или, на худой конец,

Sozialhilfe. Кстати, эти высокие социальные гарантии в известной мере привели к росту безработицы. Во всяком случае, так считает ряд авторитетных немецких экономистов и политологов.

Вилли это знает и опять согласно кивает головой.

- Но ведь низкооплачиваемые работы всё равно остаются и, если их не хотят выполнять немцы, их надо делать кому-то другому, – подбираюсь я к сути его вопроса. – Вот и принимает Германия африканцев, азиатов и восточных европейцев, для которых эти небольшие по немецким меркам деньги являются хорошим заработком по сравнению с уровнем оплаты в их странах. И Германии хорошо – не надо повышать тарифы на неквалифицированный труд, и приезжие довольны, и уровень безработицы от этого существенно не зависит.

Вилли такое заключение не устраивает и он, отмахнувшись от моих доводов, решительно возражает:

- А сколько приезжих паразитов сидит на социале? Ни хрена не работают и работать не будут, а жрут на деньги немецких налогоплательщиков! Они сюда и своих стариков привозят, да ещё наркотиками торгуют и проституцию разводят. СПИД от них...

- Есть и такие, – соглашаюсь я, – и с ними должны строго по закону поступать полиция и эмигрантские службы. Но есть и другая сторона этой проблемы. Вот ты всю трудовую жизнь провёл в Казахстане, а пенсию получаешь здесь, палец о палец не ударив на благо Германии. И такие аусзидлеры довольно дорого обходятся Германии.

- Я – немец! – взрывается Вилли. – На меня работают мои дети, а на тех паразитов кто?

- Да, ты – немец, приехавший из бывшего СССР. По законам Германии тебе выплачивают пенсию, и немалые деньги. Но ведь приезжие, которые признаны беженцами, получают отнюдь не пенсию, а много меньшие деньги, минимально достаточные, чтобы не голодать, одеться в уценённые или подержанные вещи и иметь крышу над головой. Германия безусловно заслуживает благодарность за это. Но такие деньги выплачивают принятым беженцам все цивилизованные и благополучные страны, не одна

Германия. По сравнению с другими статьями бюджета расходы на беженцев не столь велики, чтобы сколько-нибудь существенно ущемить интересы местных жителей. А высокий престиж Германии, взявшей на себя такие расходы! К тому же имеется весомый довод в пользу беженцев. Многие из них получают право на работу и работают, как правило, на низкооплачиваемых работах. А их дети работают практически поголовно, если соответственно возрасту не учатся.

Вилли не согласен со мной, но возражений по существу не находит, и спор сам собой понемногу угасает. Я уже торжествую победу, но вдруг совершенно спокойным голосом Вилли говорит:

- Всё, что ты сказал, вроде бы, верно. Но скажи, положи руку на сердце, сколько трудоспособных евреев не работает, а хитроумно уклоняется от предлагаемых рабочих мест? Паразитируют в наглую, заявляя, что немцы виноваты перед евреями и потому им обязаны. Скажи, сколько? А ведь их кормят не участники той войны, а нынешние немцы, в общем-то ни в чём не виноватые. И евреи трудоспособного возраста тоже не жертвы войны. Родились они после войны и немецких жестокостей не испытали. А немцы, хоть и молчат, но всё видят.

Чёрт возьми, к сожалению, это правда, и я не нахожу, что сказать. Молчу, мучительно размышляя над его словами. Молчит и Вилли, грустно раздумывая о чём-то своём...

Снова мы вместе. Выпито пиво, отхрустели чипсы. За прошедшие недели Вилли опять накачан политическими выкладками германских СМИ. Выработанное в Советском Союзе умение читать между строк он здесь постепенно утратил и безоговорочно принимает за истину всю доступную ему информацию. Разговор постепенно смещается к палестино-израильскому противостоянию и резонансу в мире на эти события. Неожиданно Вилли говорит:

- Скажи, почему *вас* везде не любят?

„*Вас*“ – это, понятно, евреев. Я озадаченно смотрю на Вилли. Он мой друг, и этот его вопрос по меньшей мере бестактен. Но слово не воробей – вылетело и требует осмысленной реакции. Молчание затягивается. Ясно, что ответ я тирадой, адекватной

деликатности вопроса, проигрывает дело взаимопонимания, которого надеюсь всё-таки достигнуть. Конечно, можно всё свести к шутке, но я не хочу уезжать от проблемы и, собравшись с мыслями, начинаю издали:

- Назови, Вилли, хоть одну страну, где искренне и безоговорочно любят иностранцев.

Вилли от неожиданности кричит. Таких стран он не знает.

- Вот видишь, Вилли, – говорю я, – не знаешь. И я не знаю. Вообще, всегда легче третируют людей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могут ответить тем же.

Вилли согласно кивает головой. Возможно, вспомнил свою жизнь в Союзе.

- Чтобы выжить физически, сохраниться как народность, и не быть раздавленными морально, иностранцам, вынужденным жить среди дистанцирующегося от них коренного населения, приходится самим обособляться от местных жителей. По этой же причине они вынуждены браться за любые работы, в том числе непрестижные в глазах окружающего большинства и добиваться в этой нише успеха. Так евреи, как народ склонный к оседлой жизни, брались за аренду кабаков и винокурен, мелочную розничную торговлю, становились менялами. Цыгане – любители кочевой жизни – нашли нишу в подвижных развлекательно-цирковых и эстрадных мероприятиях, а также в оккультной сфере, включая гадание, ворожбу, снятие сглаза и т.п. Достигая в пределах доступных им занятий высокого профессионализма, переселенцы вносят значимый вклад в экономику, науку и культуру страны пребывания, тем более заметный, что он подчеркивается их национальным колоритом. Причём, это свойственно всем переселённым народам. Аналогичным образом немцы в России внесли немалый вклад в торговлю, экономику, промышленность, науку и искусство. Если рассматривать этот вопрос непредвзято, то можно увидеть сходный образ действий негров в Америке, турок в Германии. Да мало ли подобных примеров. И что типично, их успехи у всех лентяев и неумех из местного населения вызывают тоже типичную и одинаковую реакцию, а именно, взрыв национализма. Они считают себя обойдёнными, ущемлёнными в

своих исконных правах, для осуществления которых они, тем не менее, даже не пошевелились. А когда такие настроения, возникшие на социальном дне общества, овладевают большинством населения, то они рано или поздно заражают и его верхи. Скорее всего срабатывает не голос крови, а боязнь за своё руководящее положение, особенно если оно не заслужено.

Вроде бы сказано всё по существу дела, и я смолкаю. Молчит и Вилли, долго думает и наконец говорит:

- Так-то так, да не совсем. Ведь евреи владеют мировым капиталом и домогаются владычества над всем миром.

Меня разбирает и смех, и злость. Националистически настроенные журналисты и политики постоянно озвучивают эти штампы, стараясь идеологически обосновать животный антисемитизм. Я смотрю на возбуждённого Вилли и, выдержав паузу, говорю:

- Ага! Это отчётливо видно на примере Израиля, отдающего свои древние библейские города арабам. Открой глаза, Вилли! Если сосчитать арабский нефтяной капитал с банковским нееврейским капиталом в Европе, в Америке и в процветающих странах Азии, то о засилье еврейского капитала попросту не придётся говорить, так он окажется мал. В наши дни очевидны претензии на главенство в мире террористических объединений и, прежде всего, мусульманских, питаемых нефтедолларами. Отнюдь не иудеев. А Израиль только борется за выживание.

Но последнее слово непременно должно остаться за Вилли. И он говорит:

- Всё же не любите *вы* работать ни на земле, ни рабочими на шахтах или заводах.

И я взрываюсь.

- Ты же сам мне рассказывал, – ору я, – что рядом с вашей деревней на Украине был еврейский колхоз и дела у них шли не хуже ваших. Ты же сам говорил, что на руднике с тобой работали еврей-рабочий и еврей-шофёр. А в израильских кибуцах кто выращивает для продажи во всём мире овощи и фрукты? А кто производит израильскую химию? А бытовую и военную технику? Какого же чёрта ты сейчас несёшь эту ахинею?

Вилли огорошенно смотрит на меня: ведь и вправду – рассказывал.

- Вот видишь, – уже спокойно говорю я ему, – как пропаганда может задурить голову.

- Задурить? – в голосе Вилли слышится горечь. – Но ведь без американской помощи Израиль не смог бы проводить нынешнюю политику. Скажешь, Израиль всегда прав, а арабы всегда не правы?

- Стоп, Вилли! Израиль не грозит уничтожить всех арабов, а вот палестинцы не раз заявляли, что их цель вырезать всех евреев. И ведь не только заявляли...

- Ну, а среди евреев – не соглашается Вилли – разве нет несанкционированно занимающих палестинские земли и готовых применить силу ко всем, кто будет им мешать? А проблема возвращения изгнанных? Разве израильско-палестинский конфликт не в тупике? Скажи, что это не так! Забыл, за что убили Рабина?

Приходится признать, что израильско-палестинские отношения действительно в тупике. Льётся кровь и конца этому не видно.

А пиво уже выпито. Мы долго сидим молча – двое постаревших мужчин, приехавших в Германию из другого мира, где их народы долго и последовательно третировали, третировали безжалостно и умело, на государственном уровне. Да и судьбы наши чем-то похожи, хотя столь разнятся в деталях. И у каждого своя правда.

АРИФМЕТИКА ИНТЕГРАЦИИ

Интеграция начинается с языка. В самолёте, летящем в Гамбург, беглая немецкая речь сидящих рядом пассажиров наглядно продемонстрировала предстоящие мне проблемы. А по приземлении я попросту оказался в языковом вакууме. Опусти подробности первых дней жизни в Германии. Проявив ангельское терпение и доброжелательность, работники государственных и социальных служб уже через три недели

оформили мне документы, назначили денежное пособие, предоставили место в общежитии и направили на шестимесячные курсы немецкого языка.

Интенсивные занятия немецким начали давать первые плоды. С грехом пополам одолел пару книг и несколько газетных статей. Однако вскоре комиссия биржи труда разъяснила, что по окончании курсов в моём возрасте бессмысленно рассчитывать на получение рабочего места. Это был шок, перечеркнувший самые весомые стимулы к изучению языка, и как-то так получилось, что шесть месяцев обучения существенно не увеличили мой языковой багаж. Разумеется, теперь я мог спросить, как пройти на такую-то улицу, справиться о ценах, купить билеты, но дальше дело не шло. Я терялся, когда ко мне с вопросом обращались в учреждении или на улице, не понимал радио- и телепередачи. Пояснения немецких эскурсоводов оставались для меня загадкой, а поход в кино или в театр был напрасной тратой времени.

В подобном положении оказались многие пожилые люди разных национальностей. Поэтому в дополнение к первичным курсам немецкие власти организовали интеграционные курсы немецкого языка. По их окончании на экзаменах я чуть-чуть не дотянул до двойки (в Германии высший балл единица), но вскоре словарный запас сам собой стал быстро истощаться, возвращая меня в исходное полунемое состояние. Для овладения разговорной речью надо было вступать в беседы с немцами, посещать различные лекции и открытые собрания общественных организаций – иными словами, идти в народ.

Еду в метро. Сидящий напротив приличного вида юноша, явно студент, увлечённо просматривает красочный журнал. Преодолевая естественную застенчивость человека, плохо владеющего немецким, спрашиваю, какой журнал он читает. Молодой человек окидывает меня оценивающим взглядом и демонстративно подносит к моему лицу обложку: „**Hitler**“. Крупные буквы бьют в глаза. Я немею. Довольный произведенным эффектом он победоносно ухмыляется. На ближайшей остановке выхожу и только через четверть часа вспоминаю слова, выражающие возмущение и брезгливость.

Спустя две-три недели после эпизода с журналом в вагон метро вваливаются подвыпившие парень и девушка. Ему не более восемнадцати, а ей примерно шестнадцать. Оба в коже, обильный пирсинг, волосы всех цветов радуги. Окидывают взглядом полупустой вагон, замечают меня, иностранца. Я сижу на задней скамейке у окна один. Свободного места вполне достаточно, но парень плюхается рядом, намеренно притиснув меня к стенке. Сдерживаю желание оттолкнуть его. Соседи по общежитию говорили, что в Германии закатить оплеуху наглецу нельзя: если не посадят, то уж точно вышлют из страны. Не дождавшись отпора, он громко спрашивает по-немецки: „Что, не нравится?“. Я понимаю смысл вопроса, ловлю деланно безразличные взгляды пассажиров, молча встаю и под насмешливый хохот девушки иду к выходу. У двери есть кнопка переговорного устройства с машинистом – можно вызвать полицию. Парень понял манёвр и намерен двинуться на перехват, но двое крепких пожилых мужчин встают сзади, отделяя меня от жаждущего скандала юнца. Выхожу, так и не вызвав полицию. Что объясню полицейским на моём немецком? От бешенства меня трясёт.

Вспомнился эпизод первых месяцев жизни в Гамбурге. Как-то вечером возвращаюсь в общежитие на Хеммингштерверг 130. Путь от станции метро Кляйн Флотбек проходит по обычно безлюдной в эти часы дорожке между опустевшими Ботаническим садом и стадионом для игры в конное поло. Вижу группу молодёжи, вероятно, старшеклассников. Меня обгоняют две велосипедистки. Ребята пропускают их, затем смыкают ряды и идут мне навстречу, занимая всю тропу. Поравнявшись со мной, обступают и один с вызовом бросает: „Guten Abend!“. „Abend“ – отвечаю, прикидывая, что последует за этим. Но парни вдруг расступаются и быстро уходят. Озадаченно гляжу им вслед. По тропе бесшумно едет полицейская машина.

После всего этого вступать в разговоры с молодыми немцами мне как-то расхотелось. По данным Криминологического института Нижней Саксонии около 5% молодых людей в Германии неприязненно относятся к евреям и

иностранцам. Примерно столько же молодёжи состоит в праворадикальных организациях.

Моего сотоварища по курсам тоже угнетает незнание языка. Договариваемся вместе ходить по местам скопления людей во время праздничных гуляний и уличных концертов, на еженедельные рынки, на Фишмаркт и просто по вечерним улицам, слушая немецкую речь и знакомясь с городом. Однажды прошлись по Брайтештрассе и по лестнице у моста стали спускаться на Фишмарктштрассе. Темнело. Выходящие из пивной „Zum Verholer“ под возгласы „Heil!“ нежно прощались друг с другом, вздымая правую руку. Перевод не вызывал затруднений.

Походив на политические митинги и собрания религиозного толка, убедился, что речей на незнакомые темы совершенно не понимаю. Стал выбирать мероприятия, темы которых были более или менее освещены в русскоязычной прессе. Как-то раз попал на обсуждение событий Второй Мировой войны. Публика средних лет и старше, но есть и молодёжь. Зал почти полон. Сажу в последнем ряду. Выступающие эмоциональны, говорят очень быстро и долго. Порой их перебивают и они парируют реплики сидящих в зале. Не успеваю следить за ходом обсуждения, устаю и вскоре теряю надежду уловить суть дискуссии. Поняв, что толку не будет, намереваюсь уйти. Сидящая рядом худощавая немка встаёт, освобождая проход. У меня, как говорится, отвисает челюсть. Стоя, женщина возвышается надо мной на добрых полметра. Заметив моё изумление, она добродушно улыбается и шёпотом спрашивает по-русски, каким-то образом определив мою языковую принадлежность: „Ви уходитэ потому, што устали и плёхо понимаетэ?“ Возвращаюсь на своё место и тоже шёпотом подтверждаю её догадку. Она несколькими фразами вводит меня в курс обсуждаемой темы. На вопрос о её прибалтийском акценте отвечает, что в доперестроечные годы стажировалась в Риге, а теперь преподаёт русский язык в одной из гимназий Северной Германии. Начинаю вслушиваться в речи выступающих и по прошествии некоторого времени замечаю,

что стал лучше понимать ораторов. Изредка переспрашиваю соседку.

Очередной выступающий при полном одобрении и сочувствии зала рассказывает о brutальном поступке Маринеско, потопившего тысячи детей и женщин, эвакуируемых на лайнере „Вильгельм Густлов“, о двух миллионах немцев, изнасилованных русскими солдатами в сорок пятом, об убийственном голоде в лагерях военнопленных немцев в России и ещё о чём-то. Дальше не слушаю, мучительно подбирая слова для контраргументов. Но мой запас слов явно недостаточен, подведёт. Внезапно осеняет идея. Шепчу соседке, что работал в медицинских учреждениях, где в послевоенные годы работал и лечился Маринеско и хотел бы в этой связи кое-что рассказать. Вижу, её очень интересуют подробности его биографии. Прошу перевести моё выступление, если предоставят слово. Она записывает мои данные, отправляет записку по рядам, и спустя непродолжительное время ведущий собрание объявляет: „Хирург из России Тарас Фисанофитч“.

Я здорово волнуюсь. Но когда при моём появлении на трибуне рядом с более, чем двухметровой женщиной (мой-то рост 165 см), по залу прокатывается смехок, волнение мгновенно проходит. Не давая публике развеселиться, говорю, что в конце шестидесятых–начале семидесятых годов учился в аспирантуре и работал в Ленинградском научно-исследовательском институте переливания крови, а потом одиннадцать лет в Военно-морском госпитале. Примерно за полтора десятка лет до меня в этих учреждениях работал и лечился Александр Иванович Маринеско, командир подводной лодки С-13, потопившей „Густлова“. О Маринеско часто рассказывали мои коллеги. В числе моих пациентов в госпитале были друзья и соратники именитого подводника. Их воспоминания писатель Александр Крон положил в основу книги „Капитан дальнего плавания“.

Незамедлительно следует перевод – соседка знает своё дело. Зал заинтригован. А я заявляю, что целью моего выступления является не биография Маринеско. Напоминаю присутствующим, что ещё в 1940 году командующий

подводным флотом Германии вице-адмирал Карл Дёниц распорядился топить без предупреждения любые гражданские суда противника и нейтральных стран, если они вооружены или их сопровождают военные корабли противника. Пример Германии был вынужденно подхвачен всеми участниками Второй Мировой войны. Не будем забывать, что на палубе „Вильгельма Густлова“ были установлены артиллерийские орудия. Он был окрашен, как военный корабль. Его сопровождал эсминец. На его борту находились сотни немецких военнослужащих. В его трюмах везли оружие и боеприпасы. Таким образом, тысячи эвакуируемых женщин и детей стали жертвами провозглашённых Германией методов войны на море, а не жестокости капитана Маринеско.

В зале недовольное ворчание и я меняю тему: „Два миллиона изнасилованных женщин – действительно чудовищное злодеяние. Пусть подсчёт приблизительный, но дело не в количестве. Даже один случай насилия ужасен“. Насколько понимаю, моя переводчица очень точно следует за мной и зал смолкает. А я предлагаю заняться арифметикой: „Как известно, потери Советского Союза в войне составили 26 миллионов человек“. Вижу, что эта цифра не привлекла внимание сидящих в зале и повторяю по-немецки: **„Двадцать шесть миллионов мужчин, женщин и детей“**. В зале лёгкий шум. „Из двадцати шести миллионов погибших восемь с половиной миллионов военные – солдаты и офицеры. Остальные семнадцать с половиной миллионов – мирные люди. Примерно триста тысяч гражданских граждан погибли во время бомбёжек и обстрелов военных объектов. Около двухсот тысяч мародёров, бандитов и пособников оккупантов во время войны казнены органами КГБ. Значит, семнадцать миллионов мирных советских людей намеренно уничтожены оккупационными войсками“. Заканчиваю выступление по-немецки: **„Семнадцать миллионов убитых стариков, женщин и детей в СССР и два миллиона изнасилованных женщин в Германии“**.

В полной тишине я и моя переводчица покидаем зал. Она очень недовольна мной. Мы сухо прощаемся. Ещё раз увидеть

её мне не довелось. Похоже, такой способ интеграции себя не оправдал.

Возвращаясь к этому выступлению, должен объяснить свою позицию. Сексуальное насилие, кем бы и при каких обстоятельствах оно не совершалось, является тяжким преступлением. Допустившие и совершившие его должны быть наказаны все без исключения. Убийство мирных граждан – тяжчайшее воинское преступление. Организаторы и исполнители должны понести наказание независимо от срока давности. Недопустимо полагать, что преступления одной воюющей стороны позволяют снисходительно относиться к преступлениям её противников и потому могут быть забыты. „Никто не забыт и ничто не забыто“ – этот призыв к совести человечества, не позволяющий предать забвению не только имена героев и жертв войн, проходивших на нашей планете, но также и военных преступников.

По объявлению нахожу шпрахпартнёра, то есть носителя языка – немца, точнее, немку, выразившую готовность раз в неделю полтора часа беседовать со мной на заранее намеченные темы. В свою очередь моя собеседница настаивает, чтобы часть времени мы разговаривали по-русски. До объединения Германии она жила в ГДР и намерена обновить знание русского языка перед поездкой в Россию.

На одно из наших занятий она приносит переведённый на немецкий рассказ Кэтрин Кресмен Тейлор „Адресат неизвестен“ („Adressat unbekannt“), некогда опубликованный в США. Рассказ описывает события времён прихода Гитлера к власти. Его персонажи еврей и немец – совладельцы магазина по продаже картин в Канаде. Немец возвращается в Германию, приобретает замок с садом на деньги, которые пунктуально высылает ему еврей из Канады, знакомится с влиятельными людьми и постепенно проникается фашистской идеологией. Теперь он не желает афишировать своё знакомство с евреем, перестаёт ему писать, тем не менее исправно получая свою долю дохода от продажи картин. Несмотря на категорическое требование немца вести только деловую переписку, еврей умоляет его во имя старой дружбы спасти его младшую сестру,

актрису одного из берлинских театров. Напоминает о некогда бывшей любовной связи немца с его сестрой. Его тревога обоснована: вести об антиеврейских акциях в Германии ужасны, а последнее письмо к сестре вернулось с пометкой „адресат неизвестен“. Чтобы отвязаться от многочисленных отчаянных просьб, немец в конце концов отвечает, что он не стал рисковать своим положением ради еврейки, и когда она из Берлина пешком добралась к нему в Баварию, не пустил её на порог. Тут её настигли фашистские молодчики и убили прямо в саду его замка. После этого немец стал получать из Канады странные письма, содержание которых германская цензура могла истолковать, как шпионские задания. Рассчёт был верный: вскоре с семьёй немца прекратили здороваться влиятельные соседи. Теперь немец во имя старой дружбы умоляет еврея прекратить опасную переписку. Не тут-то было! Спустя некоторое время очередное письмо возвращается в Канаду с пометкой „Adressat unbekannt“.

По прочтении рассказа мы долго молчим. Её очевидное потрясение вызывает во мне чувство глубокой благодарности. Вдруг она говорит: „Как этот канадский торговец мог быть таким жестоким?“ – и слова застревают у меня в горле. О чём она?! Научусь ли я когда-нибудь понимать немцев? И я предпринимаю новую попытку.

На очередное занятие приношу найденный в интернете рассказ С.Чинкеры „Собеседование“ (газета „Европейские задворки“, № 4/2, апрель 2009), написанный по-русски. Автор-чеченец описывает собеседование в ведомстве, дающем разрешение на проживание в Германии. Героиня рассказа молодая чеченка рассказывает комиссии, как во двор её дома, разбив ворота, ворвался русский бронетранспортёр, как вбежавшие солдаты застрелили её двенадцатилетнего брата и закололи штыком бросившуюся к нему старуху-мать, и как немка-член комиссии, выслушав перевод, с улыбкой спросила: „А вам лично что-нибудь угрожало?“ Молодая чеченка не может её понять. Как это „что угрожало“?! А стрельба и бронетранспортёр во дворе её дома? А убитые на её глазах мать и брат? Или эта немка не знает слов „мать“ и „брат“? Или

переводчица плохо перевела? И молодая женщина снова рассказывает о гибели матери и брата и опять её с улыбкой спрашивают, что же ей угрожало. Тогда в полной растерянности чеченка говорит, что один солдат ударил сапогом кошку. Кошка упала на крышу сарая и там долго отчаянно мяукала. Тут улыбавшаяся немка вцепляется в переводчицу и, зарывав в голос, причитает: „О, мой Бог! Кошку, сапогом в живот!!!“. Не помня себя, чеченка уходит: безнравственно рассказывать таким людям о трагедии своей семьи.

Перевод завершён. Молчим. Я внимательно смотрю на собеседницу. Она без слов понимает меня... Так закончилось моё шпрахпартнёрство.

В заключение хочу сказать, что мне очень нравится Германия. Вызывает уважение ее взвешенная внешняя и внутренняя политика, устойчивая экономика, продуманный подход к интеграции иностранцев. Мне импонирует немецкая организация труда и отдыха, бережное отношение к памятникам культуры, налаженная охрана природы. Хорошо организована работа административных и социальных ведомств. Надёжно защищены от нищеты дети и старики. Полиция вежлива, ненавязчива и эффективна. Отличное медицинское обслуживание. Пунктуален транспорт. Население уверено в соблюдении своих прав, благополучно, лояльно к власти и в большинстве терпимо относится к иностранцам. Законами страны запрещены пропаганда фашизма и призывы к реваншу. В то же время открыто действует правозащитная НДПГ, характеризующаяся Ведомством по охране конституции как неонацистская партия. Её митинги и собрания проходят под защитой полиции. Её влияние постепенно растёт. Ей сочувствует заметная часть населения Германии. Её ряды пополняются молодёжью. Другие праворадикальные группировки тоже пользуются поддержкой определённой части молодёжи

Мне хочется верить в незыблемо мирное будущее Германии. Но чувство тревоги не покидает. Пока в сознании немецкого народа постепенно утрачиваются объективные представления о жертвах и разрушениях во время Второй

Мировой войны, пока в немецком обществе рассуждают о том, что потери Германии много больше ущерба, понесённого другими народами и поэтому условия мирного договора несправедливы, пока в сознание новых поколений не будет постоянно закладываться отторжение этих идей, пока немецкие обыватели на шкале гуманитарных ценностей отводят инородцам второстепенное место, гарантировать нерушимое мирное будущее страны нельзя.

Такая вот арифметика.

ВИРТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Оказался я там неведомо как. Очутился и всё... Позади меня бесшумно затворилась дверь. Я стоял посреди огромного раззолоченного зала и, чувствуя свою неуклюжесть, пытался сообразить, как надо себя вести.

Он шёл ко мне по бесконечно длинной ярко-красной ковровой дорожке. Шёл знакомой по теленовостям раскачивающейся походкой спортсмена, намеренного перед схваткой пожать руку соперника. Это была походка простого, нашего человека, а не вылощенного государственного деятеля, дипломата, например. Но одет был с иголочки.

На меня смотрели умные усталые глаза с хорошо скрываемой скукой и некоторым любопытством одновременно. Похоже, он сам не знал, чего ради согласился на это интервью, и был несколько обескуражен.

– Здравствуйте, – сказал он мягким тенором, запомнившимся по телевизионным передачам, – здравствуйте, м-э-э-э...

Так и не назвав меня, он показал рукой на два мягких стула у небольшого столика, стоявшего перед огромным письменным столом, и предложил садиться. Подождав, пока он сядет и, откинувшись на спинку стула, обопрётся на мягкий подлокотник, я скованно сел на кончик стула напротив него. Затем, стесняясь своей репортёрской неумелости и преодолевая внутренним усилием стеснительность, поздравил его с

пятидесятилетием. Несколько освоившись, спросил, не жмёт ли шапка Мономаха, дубликат которой ему презентовали. Он непринужденно рассмеялся.

Я впервые оказался в обществе высокопоставленного государственного деятеля и внимательно рассматривал его. Он держался по-свойски, просто, и это очень располагало к нему.

– О чём же вы хотите расспросить меня? – мягко прервал он непродолжительную паузу, взглянув на наручные часы.

Я догадывался, что могу рассчитывать не более чем на пять минут, благо вопросы не были заранее оговорены. Не было и телекамер, а журналистского диктофона я не имел.

Поблагодарив президента за любезно предоставленную возможность побеседовать с ним при его огромной занятости (при этих словах он усмехнулся знакомой полуулыбкой), я с места в карьер начал навёрстывать упущенные минуты.

– Скажите, господин президент, как Вы допустили регистрацию фашистской партии? – спросил я, преодолевая смущение от своей прямолинейности. – Может быть, Вы не были извещены о составе её руководства и о её целях?

Но он и не думал отрицать профашистскую сущность этой партии. Это показалось мне обнадеживающим признаком. Вообще, он был такой милый. И мне вдруг захотелось, чтобы эта регистрация оказалась вполне объяснимым досадным недоразумением.

– Почему не извещён?! – сдержанно возмутился президент. – Информация о предстоящей регистрации Национально-державной партии и её программа были в интернете на Кремлёвском сайте ещё за два месяца до её регистрации. Мы всегда внимательно отслеживаем политические и общественные движения. Стране необходимо конструктивное состояние общественного сознания.

– Поняно, – промямлил я, обескураженный его прямоотой, прикидывая, что может за этим последовать. Но упустить создавшуюся возможность было жалко и мешкать не следовало.

– Господин президент, Вы считаете, что... – я запнулся, – *нашей* стране необходима ещё и фашистская партия? Легализируя националистическую профашистскую партию, Вы

нарушаете важнейшие принципы Конституции страны. За это возможен импичмент. Вам не страшно?

– Страшно? – президент улыбнулся той самой улыбкой, с которой поведал американцам о гибели „Курска“. – Импичмент? С нашим парламентом?! – он явно развлекался. Но, видимо, сочтя, что разговор вышел за границы дипломатических обиняков, решил вернуть его в русло протокола.

– У нас, м-э-э-э..., демократическая страна, – с мягким нажимом произнёс он. – А в демократическом обществе не борются с идеями.

– Ну да, – миролюбиво сказал я, – открыто функционирует „Память“. Атаманы казаков публично заявляют, что им „не по пути с жидами“. Парламент не позволяет привлечь к суду генерала Макашова за многократные антисемитские выступления. Нацистская литература открыто продаётся в столице и других городах. Так и не разогнано РНЕ. Бритоголовые всюю терроризируют инородцев. Непомерно „демократизированная“ милиция разбегается, стоит только начаться очередному погрому. Время от времени горят синагоги. Взрывы калечат совестливых людей, пытающихся убрать антиеврейские плакаты. Выкорчёвываются надгробия с еврейскими фамилиями. Прямо-таки разгул демократии...

– Это хулиганские действия одиночек, – ледяным тоном прервал меня президент. – В демократических странах ими занимаются прокуратура и прочие правоохранительные органы.

– В демократических – занимаются, – согласился я. – Но ведь у нас практически никого не поймали.

Президент опять решил сменить тему.

– Чего вы боитесь? – ласково спросил он. – Наша демократия считает необходимым облегчить регистрацию общественных движений и партий.

– „Людам свойственно проникаться той идеологией, которая вокруг них доминирует“, – процитировал я известного телеведущего. – И ещё. Уж не раз общественность была, мягко выражаясь, удивлена Вашим невмешательством при закрытии оппозиционных СМИ. Но теперь – фашисты. На учредительном съезде они декларировали намерение свергнуть нынешнюю

демократию. Неужто то, что они называют своими главными врагами „жидов“, а Вашу демократию „жидовской“, делает их планы конституционными в Ваших глазах? Ваше демократическое чувство это не оскорбляет?

Он снисходительно улыбнулся:

– Нет, я выше мелких нападок. Да и оскорбления в прямом виде здесь нет. Люди свободно выражают свои взгляды, и это хорошо для обновления страны.

– И то, – с подчёркнутым смирением сказал я, – Вас лично никогда не обзывали *жидом*.

Это вывело его из себя. Он встал. Я последовал его примеру.

– Но ведь надо бороться! – гневно произнёс президент. – Страну разворовывают, и у всех на устах имена воров! Капитал вывозят за границу. Прогрессивная молодёжь готова грудью стать на пути нуворишей, грабящих народ. Если не направить гнев народных масс на этих грабителей, народ в праведном стихийном негодовании сметёт всех и вся.

– Ага! – я изобразил радость неопита. – Стоит убрать *этих грабителей*, и тогда остальные грабители перестанут вызывать праведное и стихийное негодование народа. Так, что ли?

Президент повернулся ко мне спиной.

– Что же Вы планируете? – тихо спросил я, нутром чуя, чем кончатся подобные вопросы. – Рассчитываете войти в коалицию с национал-патриотами в случае их победы? Разделяете их взгляды?

Приняв непроницаемый вид, он молчал, а когда продолжительность паузы начала переходить все мыслимые пределы, несколько раз почти незаметно отрицательно повёл головой. Но меня уже понесло.

– И Вы полагаете, что Вас оставят на Вашем посту в благодарность за невмешательство? – дожимал я его.

Он продолжал отмалчиваться. Было видно, что он с трудом сдерживался.

– Вы безусловно знаете, что будет, если они придут к власти. Надеетесь выжить? – Я отбросил последние дипломатические условности.

Президент смерил меня гневным взглядом и кивком головы дал понять, что аудиенция окончена...

В сомнамбулической коме я шёл по бесконечным сумрачным коридорам, подсознательно ощущая надвигающуюся опасность. А когда ставшие ватными ноги вынесли меня к спасительной проходной, я вдруг увидел, что стою на краю чем-то знакомого оврага, заполненного телами голых людей. И тут загрохотал пулемёт...

В неестественной позе падающего человека я проснулся. За окном на форсаже мчался мопед.

ПРОЩЕНИЕ

Малыш шлёпнулся на дорожке, усыпанной шлаком, мусором и всяческими прочими садоводческими отходами. Что взять с человечка двух с половиной лет от роду? Упал и поранил ладошку. Но не заплакал, а, заинтересованно разглядывая ранку, с огорчением и несколько раздосадовано произнёс: „У-у-у!“ . Подбежавшая бабушка сумела удержаться от причитаний. А, может быть, не придала событию должного значения.

Ранка, густо припорошенная дорожной пылью, была небольшая, щелевидная, но довольно глубокая. Взглянув на неё, я посоветовал незамедлительно тщательно отмыть рану от грязи, прежде чем прижигать антисептиками – зелёной или йодом. Объяснил, что подобные быстро слипающиеся раны, загрязнённые почвой и продуктами деятельности человека на земле, очень опасны. С грязью в рану могут попасть микробы, бурно размножающиеся при недостатке кислорода и вызывающие смертельно опасные заболевания – столбняк и газовую гангрену.

Бабушка было начала отмывать ранку, но малыш захныкал и она прекратила неприятную процедуру. К обеду лёгкое касание раненой ладошки вызвало у ребёнка неадекватно сильную боль. Он заплакал и прижал кулачок к груди, оберегая руку от случайного прикосновения. Я осмотрел его ладонь. Края ранки были как бы вывернуты, окружающая её кожа начала отекать, а дно раны подёрнулось пепельно-серым налётом. От

ранки по направлению к запястью обозначилась языкообразной формы зона покраснения.

Увиденное настораживало. Мне, хирургу с многолетним стажем, несколько раз доводилось лечить больных газовой гангреной. Потеряв первого больного, я воочию узнал её грозную суть. Тогда я, ещё довольно молодой врач, заметив признаки начинающейся анаэробной инфекции, забил тревогу, но не смог убедить заведующего отделением. Доверился его опыту и выполнил указание приступить к лечению по обычной для инфицированных ран схеме. А потом было поздно. И эта смерть в моей памяти навечно.

Теперь, рассматривая ладонь ребёнка, я был глубоко встревожен. Разумеется, отмеченные симптомы могли предварять развитие или банального воспаления, или более серьёзного процесса – флегмоны кисти. Однако исключить наличие анаэробов в ране я не мог. Медлить было нельзя, тем более что малыш – дитя нашего времени – с рождения страдал поливалентной аллергией. Его организм бурно реагировал на самые разнообразные и неожиданные аллергены. Применять антибактериальные препараты в таких случаях рискованно. Никогда не знаешь, как отреагирует пациент даже на первое введение лекарства. А тут в перспективе не исключалось применение ударных доз сильнодействующих антибактериальных средств. Впрочем, времени прошло немного. Возможно, микробы ещё неглубоко внедрились в ткани, не проникли в кровяное русло.

Решил очистить рану не вызывающими аллергическую реакцию растворами препаратов, способных выделять губительный для анаэробных микроорганизмов атомарный кислород. В ход попеременно пошли трёхпроцентная перекись водорода и ненасыщенный раствор марганцовки – марганцевокислого калия. Малышу было больно: по мере очищения раны жжение усиливалось. Малыш плакал, пытался спрятать руку за спину, но уступал уговорам, и болезненная процедура продолжалась. Сердобольная бабушка, как могла, мешала врачу. Пришлось энергично призвать её к сотрудничеству. Наконец после многочисленных промываний

стенки и дно ранки порозовели. Появились первые капельки крови. Теперь можно было прекратить чистку раны и наблюдать. Заплаканный малыш с облегчением спрятал перевязанную ладошку за спину и стремглав убежал в дальнюю комнату.

Спустя несколько часов стоило больших трудов уговорить его показать руку. Отека кожи вокруг ранки не было, зона покраснения исчезла. Дно раны оставалось розовым. Самочувствие ребёнка, температура тела и подмышечные лимфатические узлы были в норме. Глядя на готового заплакать пациента и на взъерошенную бабушку, я с облегчением вздохнул.

Поздно вечером за малышом приехал отец. Показывая ему перевязанную ладошку, малыш горько сетовал на перенесённые испытания. Объяснив, чего следует опасаться и куда обращаться в случае возобновления воспаления, я стал прощаться. Обычно при этом мы избегаем бурной демонстрации родственных чувств. Крепко державшийся за руку отца малыш неожиданно потянулся ко мне, порывисто обнял за шею и поцеловал.

Он прощал принуждение, которого до того никогда не испытывал, прощал боль, которую до сих пор ему никто не причинял. Прощал свои слёзы, свой страх, свои первые горькие переживания. Маленький лобастый голубоглазый человечек с достоинством демонстрировал понимание необходимости перенесённого испытания – понимание, оказавшееся недоступным сострадавшим ему взрослым. Он прощал меня, вынужденного подвергнуть его этой суровой необходимости. Прощал искренне и безоговорочно.

Живи долго, малыш. Будь здоров и счастлив!

МОЙ АНГЕЛ

В это лето всё шло кувырком. Стояла отвратительная холодная и дождливая погода. Постоянно обложенное тучами небо, на котором солнце появлялось изредка и ненадолго, не

успевая не то что согреть этот бранный мир, но даже толком его обсушить. Это ужасно действовало на нервы. К тому же жена уехала на всё лето пасти внуков, якобы более нуждающихся в её опеке, нежели родной и, надеюсь, единственный муж. Намеченные на летние месяцы планы срывались, ожидаемые публикации отклонялись. Не думалось, не сочинялось, не писалось. Ломило мелкие суставы, донимал позвоночник, а моя кожа генетического южанина без солнечного ультрафиолета стала сухой, шершавой и местами зудела, доводя по ночам до неистовства. Прибавьте к этому хроническую бессонницу.

Зелёная тоска и разросшееся недовольство собой и своим творческим бессилием прямоком приводили к мысли, что с этим безобразием пора кончать. Да и возраст при тщательном рассмотрении казался достаточным основанием для такого вывода. В общем, купил я в турецком магазинчике за один евро достаточно крепкую верёвку и в одно премезкое утро недоспавший, взъерошенный и расчѐсанный до крови стал прилаживать её к дверной ручке, рассчитывая перекинуть через дверь так, чтобы петля оказалась на уровне, надёжно обеспечивающем эвтаназию. И тут неожиданно учуял странный запах – смесь ладана, нектара, амброзии и серы, – интенсивно наполняющий комнату.

„Чѐрт-те что, – подумал я. – Надо же, как несѐт с улицы. Не закрыл балконную дверь...“, – и намерился слезть с табуретки, чтобы напоследок устранить непорядок в квартире.

Передо мной стояла довольно симпатичная абсолютно голая девица и деловито складывала у себя за спиной белоснежные крылья, размерами вполне соответствующие журавлю-переростку.

Неделей раньше я получил от родственников с Украины письмо. В нём говорилось, что мой дед, видный социал-демократ и член Государственной Думы, в сентябре 1917 года написал в Петроград заявление о своём сумасшествии. Опытный конспиратор, он таким путѐм убивал двух зайцев: мотивировал свой выход из партии и получал иммунитет от преследования как большевиков, крепко разошедшись с Лениным во взглядах, так и от постоянно меняющихся харьковских властей. Теперь,

вытаращив глаза на неожиданную визитёршу, я заполошно подумал, что дед-то симулировал сумашествие, а внук, похоже, рехнулся на самом деле. В голове стал выстраиваться диагноз (всё ж таки врач): „Шизофрения, параноидная форма. Рецессивная наследственность... Приехали!“ Но девица была совершенно реальна и, по-видимому, разгадав мои мысли, насмешливо улыбнулась. „Не дают умереть спокойно!“ – озлился я и заорал:

– Кто ты? Какого чёрта тебе здесь надо?! Да ещё в таком препохабном виде. Девица, называется...

– Не надо на меня орать, – ласковым голосом сказала девица. – И не девица я, а твой Ангел. Поэтому ко мне надо обращаться в мужском роде. А если тебя не устраивает мой вид в неглиже, то ради Бога...

И тут она, тьфу, чёрт, он вдруг оказалась в невероятно короткой мини-юбке и во фривольном топе, едва прикрывающем грудь.

– Час от часу не легче, – раздражённо буркнул я. – Думаешь, если ты Ангел, так тебе можно демонстрировать свои телеса перед собравшимся на тот свет старым человеком?

– Какие пустяки, – миролюбиво прошептала Ангел, выдёргивая из-под меня табуретку, и уже, сидя на ней и покачивая перекинутой через колено ножкой в туфельке от Армани, оказалась в строгой английской миди-юбке и деловой блузке от Кардена. А я, вместо того, чтобы грохнуться на пол, безо всякой опоры повис в воздухе.

„Ну и ну, – подумал я. – Ангел! А почему же серой пахнет, как от ...?“ И на всякий случай уцепился за петлю, как это делают пассажиры, стоя в вагоне трамвая или метро. Но он, без сомнения, читала мои мысли.

– Вообще-то, мы, ангелы, пахнем амброзией и нектаром, – поспешила она меня успокоить. – Ну, а если собираемся к пожилому человеку, прихватываем капельку ладана. А серой тянет потому, что непадшие и падшие ангелы используют в принципе одинаковые методы телепортации.

Ангел выглядела так невинно и говорила таким чистосердечным голоском, что я ему почти поверил. Тем более,

что в кошельке у меня осталась одна мелочь и кроме устаревшего компьютера ничего ценного в доме не имелось. Но на всякий случай спросил:

– Ну, вот я сейчас отправлюсь к праотцам и куда вы меня определите? Наверно, в ад, как самоубийцу?

– Ну что ты, сэрдэнько мое! – промурлыкала Ангел. – Какой ад? То, что вы называете адом, на самом деле вполне комфортное местечко для неисправимых негодяев, бездельников и прочих паразитов. Там они на всём готовом абсолютно ничего не делают, постепенно дичают и сходят с ума, так и не найдя себе стоящего занятия. Слоняются из года в год, бедолаги, чураясь даже друг друга. В общем, мучаются...

– Вот-те на! А что же такое тогда рай? – напоследок я решил полнить свои познания. – Кого туда берут?

– О, в рай попадают исключительно творческие личности! Там у нас Платон и Сократ, Софокл и Диоген, Эврипид и Аристотель. В раю встретились Архимед и Лобачевский, Абу Али ибн Абдалах Ибн Сина и Моше бен-Маймон, Гомер и Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси, Барух д'Эспиноза и Ницше, Ньютон и Эйнштейн, Заратуштра и Карл Маркс, Бор и Ландау, Вейсман и Вавилов, Рембранд и Репин, ван Гог и Левитан, Бетховен и Чайковский, Сикорский и братья Райт, Королёв и фон Браун... Да всех не перечислить. Там приготовлено место и для ныне живущих гениев, например, для Григория Яковлевича Перельмана. Но мы, разумеется, никого не торопим...

– Надо же! И фон Браун? Несмотря на сотни погибших? Этак там у вас блаженствуют Вагнер, Гитлер, Сталин? А полководцы? Ксеркс, царь Леонид, Александр Македонский, Ганнибал, Спартак, Цезарь, Чингиз-хан, Тамерлан, дон Жуан Австрийский, Фридрих Великий, Нельсон, Ушаков, Наполеон, Кутузов, Веллингтон, Троцкий, Эйзенхауэр, Жуков...? Но, может быть, всё не так? Ведь на них море крови.

– Ну ты и загнул! Свалил всех в одну кучу, – пожурела меня Ангел. – Тут пришлось разбираться с каждым по отдельности. К примеру, Гитлер. Не лишён задатков гениальности. Но невероятной злобой он спалил свою бессмертную душу задолго

до своей физической смерти и сожжения трупа. Что было помещать в рай? А Вагнер? Гениальный музыкант, но от его души, разрушенной безумной ненавистью к евреям, ещё при жизни ничего не осталось. И у Сталина... Конечно, ракеты Брауна несли смерть. Но ведь практически любое, даже самое великое открытие и изобретение может служить и добру, и злу. Куда его повернуть, как его употребить... Теперь ты и сам понимаешь, где место душам названных и неназванных тобой знаменитостей?

Я продолжал висеть в воздухе и, чтобы как-то сгладить дурацкую ситуацию, решил переменить тему разговора.

– А как там у вас Христос и апостолы? – спросил я, надеясь с помощью деликатного вопроса наконец спуститься на пол.

– Христос и апостолы? – Ангел вскинула идеально очерченную бровь. – Видишь ли, у вас, у людей, совершенно превратное представление об исторической роли Иисуса Христа и его сподвижников. Все ваши многочисленные канонизированные церковью и апокрифические евангелия не дают достаточного представления о жизни и деятельности Иисуса Назаретянина. Ближе всех к пониманию истинных целей Иешуа бен Иосифа подошёл русский экономист Кирилл Коликов, заслуживший своей прозорливостью место в раю.

По-видимому, под давлением изумившей меня информации, я незаметно для себя плавно опустился на пол.

– Расскажи. – умолял я деви..., то есть, Ангела, испытывая стыд за своё настырное любопытство. В связи с принятым решением расстаться с тяготами этого света запастись такой информацией представлялась мне весьма осмотрительным делом.

– Ладно, – сказала Ангел и попыталась вернуть меня в подвешенное состояние. Не тут-то было. Я, догадливо сбросив тапочки, вцепился в пол всеми десятью пальцами ног (как моряки на палубе в шторм), а руками ухватился за филёнку двери.

– Ладно, – повторила Ангел, усмехнувшись, – расскажу. История хоть и с детективным душком, но напрямую связана с экономикой тех лет.

Он уселась поудобнее и, покачивая ножкой, повела рассказ.

– Возможно, ты знаешь, что Иешуа родился в семье бедного плотника Иосифа. Его мать Мария восходила к боковой линии давнего израильского царя Давида. Однако бедность была страшная. Кроме Иешуа в семье было ещё четыре ребёнка. Поэтому вместо хедера отец привлёк старшего сына к работе в своей мастерской чуть ли не с пяти лет. Но работа Иешуа не прельщала и в тринадцатилетнем возрасте он ушёл из семьи. Несколько лет жил в секте есеев, где читали и обсуждали тексты Торы. Не владея грамотой, со слуха заучил наизусть священные тексты. Затем стал странствовать по Палестине, вступая в беседы с раввинами и странствующими проповедниками. Набравшись опыта в богословских спорах, начал высказываться о тяжёлой доле бедняков, о корыстолюбии служителей культа, о беззаконии местных властителей. Именно тогда он провозгласил: „Суббота для человека, а не человек для субботы“. Постепенно среди своих слушателей отобрал группу верных учеников и помощников, сопровождавших его в странствиях и защищавших от разъярённых клерикалов и от встречавшихся на дорогах разбойников. Теперь можно было пытаться войти во власть, чтобы разумными законами и делами облегчить участь бедноты.

– Это мне известно, - прервал я Ангела. – При чём тут экономика?

– Экий ты, висельник, нетерпеливый, – досадливо повела плечиком Ангел. – Слушай дальше и не перебивай...

Я опять почувствовал, что отрываюсь от пола, и крепко вцепился в дверную ручку. Заметив мой манёвр, Ангел цокнула языком, осуждая мою строптивость.

– Так вот, – продолжала Ангел, – раз в год все иудеи должны были жертвовать Храму золото в сумме, равной 20 римским динариям. Но на динариях было изображение императоров и религия запрещала вносить их в Храм. Поэтому правящий в Иерусалиме Синедрион добился у Рима разрешения чеканить для Храма золотые сикли, равные по стоимости 20 динариям. Для обмена у дверей Храма стояли 25 меняльных столов. Вся штука крылась в том, что серебро добывали в Европе, а золото

на Востоке. Потому в Риме динарий разменивали на 12,6 серебряных сестерциев, а в Иерусалиме на 4,7. Стоило взять в Иерусалиме динарий, привезти его в Рим, и вы просто за так получали почти восемь сестерциев. Вернувшись в Иерусалим, обменивали их без малого на два динария. И так далее. Конечно были путевые расходы и путевые риски, но выгода того стоила. Используя разницу курсов, члены Синедриона и, в первую очередь, левиты Храма наживали огромные состояния, а на народ ложились непосильные налоги, выплачиваемые Риму.

Я, что называется, развесил уши. Ничего подобного в евангелиях не писали. Заметив моё изумление, Ангел улыбнулась.

Наверно, в непривычной одежде ему было жарко и он несколько раз прошлась по комнате, обмахиваясь крыльями.

– В это время в Риме зрел заговор против императора Тиберия, возглавляемый префектом преторианцев Сеяном, другом прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Сил одной преторианской гвардии для свержения императора и удержания власти было мало, и Сеян надеялся на помощь легионов Пилата. Чтобы побудить легионеров из Иудеи двинуться на Рим и сражаться с верными Тиберию войсками, нужны были огромные деньги. Таких денег ни у Сеяна, ни у Пилата не было, но они лежали на меняльных столах перед Храмом. Однако, изъять храмовые деньги Пилат боялся: бурлящая Иудея только и ждала повода для восстания против Рима. Надо было найти верного помощника среди влиятельных евреев, желательно, члена Синедриона.

– Хочешь чаю? – пустился я на подхалимаж, надесь таким образом ослабить силы, вздымающие меня вверх. Но он только отмахнулась крылом. Ему и самой рассказ явно стал интересен.

– Итак, Иешуа, опираясь на нищих и обездоленных, подумывает о захвате власти в Иерусалиме, а Пилат ищет способ раздобыть деньги. Но для захвата власти в Иерусалиме, нужно хотя бы невмешательство римских войск, а лучше – их поддержка. А глаза и уши Синедриона уж давно следят за Иешуа и за его единомышленниками. Надо чем-то заинтересовать Пилата, тайно переговорив с ним. Учитывая разницу в статусе Пилата и

бродячего проповедника из Назарета, организовать такую встречу было не просто.

– Для начала Иешуа вбрасывает в толпу тезис „кесарю кесарево“, тотчас же доложенный Пилату состоящими у него на службе соглядатаями. Пилат был заинтересован, но этого мало для инициации тайной встречи, и тогда Назаретянин решается на громкий скандал. При стечении народа он громит храмовые меняльные столы и, как богохульник и нарушитель спокойствия, подлежит казни. Однако, смертная казнь – прерогатива римской власти. Так Иешуа попадает на допрос к Пилату. Происходит тайный сговор: Пилат поможет Иешуа получить место в Синедрионе, а Иешуа отдаст Пилату доходы для начала с семи меняльных столов. Пилат прикидывает: за несколько месяцев вполне можно собрать сумму для реализации заговора. Но до поры до времени сговор надо скрыть от вездесущей слежки первосвященника Храма Каифы, способного доносом в Рим запросто разрушить планы заговорщиков. Поэтому Иешуа подвергают бичеванию, сделанному столь искусно, что многочисленные ссадины и кровоподтёки только создают видимость тяжёлого наказания. Иешуа отпускают, но Каифу обмануть не удаётся. Он продолжает добиваться смертной казни Назаретянина, привлекая к резиденции Пилата бушующие толпы иерусалимцев. Пахнет бунтом, и Пилат, якобы уступая требованию народа, в конце концов инсценирует распятие Иешуа, а для пущей убедительности велит над головой распятого укрепить издевательскую табличку, из которой следует, что казнён царь Иудейский. Намёки на претензии Иешуа на власть и на его далёкое родство с царём Давидом, как бы освещающие истоки его намерений. Заодно табличка давала понять Каифе и Синедриону, что бывает с неугодными Риму искателями власти в Палестине. Второстепенные подробности опускаю.

– Инсценирует? – не удержался я. – Действительно, какие пустяки: сначала избили, заставили, надрываясь, нести тяжеленный крест, потом прибили к нему в солнцепёк, перебили голени, проткнули бок копьём, а ночью бездыханного сунули в ледяной склеп. Ничего себе инсценировочка!

– Ничего ты не понимаешь, – отмахнулась Ангел и почесала у себя между лопатками. – Не перебивай! Далее расскажу вкратце. Во-первых, Иешуа вопреки традиции помогли нести крест. Во-вторых, его не пригвоздили к кресту, а привязали. В-третьих, ему не „перебивали голени“. На самом деле палачи тех времён не ломали кости, а перерезали кровеносные сосуды ног, и большая кровопотеря ускоряла наступление смерти. В-четвёртых, ему поднесли губку с живительной влагой (никакой это был не уксус!), чтобы он не мучился от жары. В-пятых, его легонько ткули копьём, чтобы продемонстрировать наступление смерти. Как известно, потекла кровь. Но из трупа кровь-то не течёт! В-шестых, вопреки правилам родственникам позволили снять его с креста и забрать тело. Заметь, казнь проходила накануне субботы. Поэтому ни один, даже самый враждебно настроенный к Иешуа иудей, не смел охранять место его захоронения в пещере. А приставленные римские легионеры якобы заснули и не смогли утром объяснить, куда делось тело. Конечно, всё было подстроено по прямому указанию Пилата. Иешуа ему был нужен живым. Скорее всего, его спрятали в одной из резиденций прокуратора, подлечили, и спустя несколько дней он смог встретиться со своими единомышленниками, сказавшись воскресшим. А Каифа остался в дураках.

– А что было дальше? Как складывалась реальная жизнь Пилата, Иисуса и его ближайших помощников?

– Экий ты всё же неугомонный! – проворчала Ангел.

Он, по-видимому, устала сидеть на одном месте и, чтобы размять кости, немного полетала по комнате. Теперь на нём был белый балахон, в какие одеваются приведения и Алла Пугачева.

– А дальше все планы пошли к... , гм!, не так. Заговор Сеяна был раскрыт. Его казнили. Пилат некоторое время находился под подозрением, но его переписку с Сеяном удалось уничтожить. Однако подозрения остались. Войсковые формирования, дислоцированные на Востоке, оставить под его командованием было рискованно. Пилата отозвали в метрополию. Иешуа стал не нужен, более того, как свидетель, опасен. В духе времени его тихо убрали. А помощники...

Помощники имели свои, прозелитические цели, довольно далёкие от намерений Назаретянина реформировать иудаизм. Используя его имя, они пошли своим путём. Ты наверняка читал об этом. Опасавшейся длинных рук Каифы и Синедриона, жене Иешуа Марие Магдалине с сыновьями и дочерьми удалось бежать сначала на Кипр, а потом, ещё дальше, на Средиземноморское побережье Галлии, нынешней Франции. Там потомки Христа породнились с представителями некоторых владетельных домов, включивших в свои гербы звезду Давида и спустя сотни лет давших начало таким рыцарским орденам, как Приорат Сиона и тамплиеры, а в период с V до середины VIII века Меровинги, прямые потомки Христа, были королями Франции. Но об этом в другой раз...

– Нет, нет! – закричал я в страшном возбуждении. – Ради Бога, расскажи! – и внезапно почувствовал, что опять твёрдо стою на ногах.

– Ради Бога? – с сомнением в голосе переспросила Ангел. – Да ты ж у нас числишься неверующим... – Но, определённо уловив в моей мольбе искреннюю заинтересованность, после некоторого колебания решила продолжать.

– Таким образом, в христианском мире возникла уникальная и, рассуждая логически, противоестественная ситуация. С одной стороны, на гегемонию в христианском мире претендовали римские папы, считавшие себя местоблюстителями престола апостола Петра. С другой стороны, во Франции правили потомки Иешуа бен Йосифа, считавшие себя истинными наследниками и продолжателями дела своего великого предка. Их духовное влияние во II-IV веках испытывали не только жители французских земель, но и восточного побережья Испании и северо-западной Африки. В южной Франции в честь Марии Магдалины возводились храмы. С годами напряжённость в отношениях папского Рима и французских королей переросла в нескрываемую конфронтацию. В 751 году в результате интриг папского престола Меровинги, потомки Христа, были свергнуты, жену Иисуса Марию Магдалину объявили блудницей, а церкви, носившие её имя переименовали и честь Девы Марии, матери Христа. И уже спустя век

несведущие в богословских тонкостях обыватели не замечали подмены. Потомки Христа вынуждены были скрываться, а упорные последователи их идей были объявлены еретиками. В первой четверти XIII века против них был организован Крестовый поход. Окончательный разгром тайных приверженцев потомков Иисуса Христа (которых они между собой именовали сосудом, хранящим Святую кровь, – Священным Граалем) был организован папским престолом в 1307 году. Тогда был распущен рыцарский орден тамплиеров, а его руководители подвергнуты пыткам и казнены.

Рассказ заметно утомил Ангела. Что-то бормоча, он тяжело опустилась на табурет, вытирая вспотевший лоб левым крылом и обмахивая правым совершенно обнажённое тело. До меня донеслись обрывки слов: „...распинаюсь... паршивым атеистом...“. Но я, до глубины души потрясённый рассказом, не обратил никакого внимания на его бр/уэжание и внешний вид.

– Какая необыкновенная история! Однако, она убедительно объясняет всё, прочитанное мною о Христе. Люди непременно должны узнать...

– Что ты! – всполошилась Ангел. – Я рассказал это только тебе, чтобы отвлечь от мыслей о суициде. Ни в коем случае никому не пересказывай.

– Да как же? Обязательно расскажу. – Я был настроен очень решительно. – Об этом преступно молчать!

– Вот как? – Ангел яростно ткнула меня крылом. – Тогда вешайся!

И я опять оказался на табурете. Но вешаться мне уже расхотелось...

PS: подробнее изложенную версию жизни Иисуса Христа читатель может узнать их книги М.Бейдженга и соавт. „Святая кровь и Святой Грааль“ (М., ЭКСМО. 2007; - 494 с.), а также из статей В.Сухачевского „Священный Грааль и тайна деспозинов“ (Интернет), А.Никонова „Евангелие от Кирилла Коликова“ (Интернет) и Кирилла Коликова „Иисус и менялы“ (Журн. „Знание – сила“ №6, 1996), „Проблема 2000: Кто убил Христа?“ (Интернет)

СКАЗКА

„Правда бывает невероятнее вымысла только потому, что вымысел обязан придерживаться границ вероятности, а правда – нет“.

Марк Твен

Не стану врать, не любитель я сказок. Однако, об этом деле промолчать не могу. Так уж получилось, что один волшебник (колдун, чёрный маг, ведьмак или как там его) однажды взял, да и превратил девушку в змейку. Чёрт его знает, что взбрело ему в голову. Девушка-то была восхитительная. Ну, точнее, красивая... Ладно, привлекательная... Хорошо, хорошо, просто молодая. Да и ведьмак был, в общем-то, не злой, а так себе. Мог, конечно, под настроение и напакостить. А тут вдруг взял, да и превратил. Ни с того, ни с сего. Может, погода была плохая или в метро обляяли. Точно не знаю, трепаться не буду.

И вот этот маг до сыти наколдовался и сам по себе слинял, отошёл, так сказать, в сторону. А девушка, дело, понимаешь, змеиное – ползает. Красивая змейка, гибкая такая, переливчатая. Узоры на спине с любой татуировкой посоперничают. Да, забыл сказать, волшебник-то оказался не последней скотиной. Змейка всё же могла по вечерам опять в девушку превращаться. В очаровательную, скажу вам, девушку. Ненадолго, правда, а так, чтоб хоть на дискотеку сходить, да в компании посидеть. В ресторан, опять же. Стройненькая, шейка трогательная, грудка тугая, талия тонкая, ножки длинные, точёные. Головка маленькая, ладная. Глазища огромные, чёрные, с карими искрами, не моргают – гипнотизируют. Рот красивый, губастенький, а зубки остренькие, один к одному, сахарные. Улыбнётся обворожительно, повернётся гибкая, и пойдёт, вся играя плечиками узкими, спинкой татуированной и... Ну, сами не маленькие. В общем, сведёт с ума мужеский пол, хоть и сильный, но доверчивый, и незаметно исчезнет. Такие вот дела.

Понятно, повлюблились в неё. Кто посильнее, кто послабее, по-разному. А один парень влюбился даже до безумия. Втюрился, что называется, по самые уши. В девушку,

конечно, не в змейку. А она, змейка, то есть девушка, тоже, вроде, не против. И глазами постреливает, и улыбочкой поманивает, и походочкой поигрывает, но не полностью, не на сто процентов, а этак осторожненько, потихонечку-полегонечку, и нашим, и вашим (или я чегой-то не то говорю?).

Ну, тот парень пылает, паром дышит: цветы-такси, бары-рестораны, подарочки там разные, променады под луной на речном трамвайчике и прочее тому подобное. Сами знаете: такая девушка хуже налоговой инспекции. И девушке он как будто симпатичен, и приобнять себя она иногда позволяет (дескать, похолодало), а то сама вдруг сзади подойдёт, прильнёт тугими грудками, обожжёт ему лопатки и, вздохнув неслышно, отхлынет с этаким лёгким шипением, но чтоб всё же услышал. А больше ни-ни. И на том все радости.

Нашего парня то в пот, то в дрожь кидает, дух захватывает, сердце у него, бедолаги, заходится, да и боль в чреслах, знаете ли. Сохнет парень. В общем, опутала-таки парня по ногам и рогам. Вот и молит он змейку (тьфу, чёрт! – девушку) быть его и только его на всю оставшуюся жизнь, делить с ним труды и праздники, горе и радости, беды и победы, и разная, тому подобная хренотень. Ну, про труды и горе это он ей сдуру, по молодости и, ясно, во вред делу. Подумайте сами, на кой ляд ей, змейке, труды-беды?

Девушка поначалу-то, будто, ни в какую, и слушать не хотела, но постепенно смягчилась, вроде как впадать стала в задумчивость и помаленьку начала уступать. Однажды парень, окончательно одуревши, сгрёб её в объятия и стал тискать и целовать в щёки, в шею, в плечики и во все остальные места. А девушка во весь свой большой рот сладко так ему улыбнулась и не то поцеловала, не то укусила в уста. И уползла змейкой, шипя и извиваясь. Может, и к другому пошла – дело-то змеиное. Ну, а парень... В общем, нет парня. Только, говорят, ногой дрыгнул два раза.

А ты, читатель, перестань насмешливо скалиться и пожимать плечами, скептик долбаный. Или тебе не случалось иметь дело со змейками? Счастливчик ты тогда, сам не ведаешь меру отпущенного тебе судьбой благоволения. А если имел

дело, да уцелел, то и того более. Тут и сказке конец. А кто слушал, тот лягушку скушал.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА МУЗЫКИ

Близились полночь. Небо, наглухо затянутое тучами, скупно швыряло на землю пригоршни ледяной крупы. Резкий северный ветер вымораживал лужи, оставшиеся после утреннего дождя.

Не по погоде одетый старик стоял на автобусной остановке. Автобус ушёл только что, а следующего предстояло ждать не менее часа. Но старика это не огорчало. В его голове возникла прекрасная музыка, и он взмахами рук, приплясывая и изгибаясь туловищем, как бы дирижировал невидимым оркестром. По его лицу, вдохновенно-отрешённому, было видно, что старый человек не чувствовал холода и был совершенно счастлив.

Старик был одинок. Он привык разговаривать сам с собой, поскольку здесь, в чужой стране, куда он эмигрировал два года назад, у него не было друзей. Язык принявшей его страны ему не давался. Это практически исключало общение с местным населением. И соотечественникам он, по природе замкнутый и непрактичный человек, был неинтересен. А внутренний мир, интеллект, образование, – да кому это здесь было нужно?

Правду говоря, одиночество его не тяготило. Социальная помощь в денежном и вещевом выражении вполне удовлетворяла весьма умеренные потребности старого человека. Он как-то легко привык к одиночеству, даже сжился с ним, как привыкают, например, к врождённому искривлению позвоночника. Понятно, что это патология, плохо, но... С годами присутствие других людей он стал переносить с трудом, не только не испытывая радости от общения, а напротив, скорее ощущая нарастающее утомление и раздражение.

Зато, оставаясь наедине со своими мыслями, он оживал. Воспоминания теснились в его памяти, выплёскиваясь наружу словами, мимикой и жестикуляцией. Да и в самом деле, ему было что вспоминать, было что заново переживать. За долгую жизнь старик многое повидал, многое узнал, а главное,

перечувствовал, передумал, перестрадал. И теперь видения прошлых лет оживали в нём, то как и прежде, радуя, то вновь огорчая, то изумляя неожиданным постижением значимости давно прошедших событий.

Чаще всего из глубин памяти приходили видения детских лет. Воспоминания о детских годах были накрепко связаны с картинами фашистской оккупации и с похоронкой, скупыми словами известившей о гибели отца на фронте. Как ни странно, но это, суровое, можно сказать, свирепое время однако же не исключало некоторых удовольствий и радостей, доступных, пожалуй, только в детском возрасте. Особенно вспоминались ему попытки матери приохотить несмышлёныша к музыке, которую она любила и понимала, а он, дуралей, ненавидел. Оплачиваемые из скудного семейного бюджета уроки игры на фортепиано, абонементы в музыкальный лекторий, филармонические концерты – всё было напрасно. Полусиротская вольница и унаследованное от отца отсутствие музыкального слуха обрекли старания вдовы на неудачу. Спустя четыре года подросший поросёнок наотрез отказался музицировать.

Го-о-о-споди, как теперь он жалел об этом! Но музыка, как думалось, начисто исчезнувшая из его жизни, оказывается, не была забыта. Она таилась глубоко в недрах его памяти. И вот, спустя многие годы, музыка ожила и зазвучала в полную силу. Сейчас он отчётливо слышал её, не то в голове, не то во всём теле, или, как теперь стали часто говорить, – в душе. Но он не любил слово „душа“ и избегал употреблять его.

И вот теперь, ожидая автобус, он слышал музыку, наполнявшую всё его существо. Что тому способствовало? То ли свист ледящего ветра, то ли шорох сухой листвы на вымерзших газонах, то ли резкий холод, пробиравший до дрожи, то ли ночной мрак на пустой остановке. Кто скажет?

В такт этой внутренней музыке лицо его ритмично подёргивалось, руки плавно или порывисто вздымались, туловище раскачивалось, а ноги пританцовывали, как бы задавая темп. Со стороны это выглядело нелепо, комично и немного жутковато. Именно так представляется нам старческое

безумие, безотчётно вызывающее холодную жалость или брезгливую отстранённость. По счастью, остановка была совершенно пуста.

Заворожённый звучащими в нём мелодиями, старик в одиночестве дожидался автобуса. Казалось, он не испытывал резких уколов крохотных снежинок, острыми иголками вонзавшихся в лицо, забивавшихся под потёртую шляпу и в рукава поношенного плаща. Озябшие ноги в ботинках на тонкой подошве уже не причиняли боли. В нём жила, трепетала, билась, взрывалась в оглушительном фортиссимо и затихала в нежнейшем пианиссимо прекрасная классическая музыка.

Вот он взмахнул застывшими руками, и в ответ дружно запели скрипки. Не позволяя скрипкам чрезмерно увлечься, старик придержал их округлым движением замёрзшей ладони. Разведя заледеневшие пальцы и отведя назад кисть, он как бы вытянул звук из виолончелей, вторящих своим меньшим собратьям. Повинуясь движению указательного пальца, вступил контрабас. Вздох, две руки, трепеща, взмыли вверх, и медная группа ворвалась в игру струнных. Настал черёд ударных инструментов. Мерно пританцовывая, старик задал им темп, затем резко топнул правой ногой, разбудив большой барабан. Повинуясь плавным покачиваниям туловища, томно откликнулись валторны. Затем старик стремительно выпрямил окоченевшее тело, и звук английского рожка перекрыл аккомпанемент оркестра.

Вдруг он замер. Только глубокое дыхание, да напряжение глаз могли рассказать о мощных аккордах „Стенвея“. В его замёрзшем теле бушевал Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Измученный наплывом эмоций старик, было, замер, но вскоре музыка с новой силой зазвучала в нём. Такое мог только орган. Это Бах, Иоганн Себастьян. Всеподавляющий рёв басов, от которого, казалось, стынет кровь, сменяется воспарившим к небесам тремоло малых труб, и снова обертоны больших труб вызывают ощущение жути во всём теле. Демоническая музыка! О, как она звучала в эту ночь!

Насквозь промёрзшее тело постепенно утрачивало способность двигаться. Его властно охватывала дремота. Очень

хотелось присесть на ближайшую скамейку и расслабиться. Но что-то удерживало от этого. В уставшем мозгу неясно зазвучала торжественно-печальная музыка. „Реквием“ Моцарта, что ли? Он уже не пытался вспомнить: ему было всё равно.

Но тут в погружённом в дремоту сознании, как пароксизм отчаяния, тоски и надежды, забрезжила Шубертовская „Аве, Мария“. Он узнал её, но что-то в исполнении было не так. Превозмогая овладевшее им вязкое оцепенение, он заставил себя прислушаться и с удивлением узнал голос матери. Несомненно, это был её голос. Казалось, он что-то внушал ему, чего-то требовал, куда-то настоятельно звал. Не было ни сил, ни желания выбираться из иллюзорного покоя, окутавшего его тело. Но голос матери необычайно настойчиво звал его. И он, ощущая знакомый прилив раздражения, так часто изводившего его в детстве, собрал остатки сил и вопреки, казалось, непреодолимой потребности покоя, сделал почти невозможный шаг навстречу. Зачем? Куда? Он и сам не понимал.

И тут из кромешного мрака и лютого холода прорезались огни автобуса. Как будто давно умершая мать оберегала своего строптивного сына. Мистика? Как знать...

Ф. ЛИСТ

ВТОРАЯ ВЕНГЕРСКАЯ РАПСОДИЯ

**ДИРИЖЁР Н.РАХЛИН. СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО. КОЛОННЫЙ ЗАЛ.МОСКВА 1949 г.**

Что правит человеком? Мысль или чувство, сознание или ощущение? Не знаю... Хотелось бы ответить – разум, продуманный план, взвешенная, выверенная мозгом и опробованная жизнью схема. Но как часто нечто подспудное, неосознанное, инстинктивное побуждает нас воспринимать мир в необычном и незнакомом обличье. Какая сила понуждает нас к непродуманным спонтанным порывам? Что, гвоздём засев в подкорке и даже где-то глубже, в недрах нашего естества, заставляет возвращаться в странный мир видений, неведомых в натуре представлений, окунаться в пучину переживаний, переворачивающих укоренившийся

рационализм и терзающих то сладко и радостно, то горько и надсадно сердце и душу? И каков собой пусковой механизм, побуждающий нас погружаться в подобные волнения, терзания, страсти? Опять же, не знаю, но уверен, что впервые испытал эти ощущения, слушая Вторую венгерскую рапсодию Листа. Покажется странным, если не нарочитым – позёрством, что ли, но каждый раз, заслышав вступительные аккорды Второй венгерской, в буйстве струнных инструментов передо мной или, возможно, в моей груди, в подсознании – не скажу точно, где – возникают одни и те же видения...

Тьма окутывает венгерскую равнину – пушту. Странно: я убеждён, что это именно венгерская пушта, хотя никогда там не был. Еле брезжит мглистый, серый рассвет, и – тишина. Всё происходит на фоне тревожной экспрессивной музыки, но парадоксальным образом только усиливает почти физическое восприятие тишины и не удивляет, а принимается как нечто естественное, само собой разумеющееся.

Вот в такт музыке сквозь мглу проявляются неясные силуэты. Они едва видны. Их много. Это ряды всадников. Они движутся в порывистом ритме музыки, кружась в каком-то мистическом танце, ритуальном хороводе или, скорее, в грозном и мрачном порыве, неуклонно приближаясь к нам, надвигаясь и, даже, мчась на нас.

Теперь они различимы. Да это же венгерские гусары! Я узнаю их амуницию, их вооружение. В вихревом ритме скрипок мне слышен топот и храп их коней, звон их оружия. Конечно же, это мчится венгерская кавалерия!

Но почему так приглушённо и вместе с тем напряжённо и тревожно звучит музыка? Почему так темна пушта? Почему в неукротимом порыве оркестра нет радости и задора бешеной скачки? Почему вопреки безудержному потоку музыки всадники и кони кажутся какими-то мрачными, тяжёлыми, застывшими, что ли? Ба!.. Они – призраки!

Красивы, но призрачны ряды боевых коней, призрачны отважные всадники. Да, это погибшие за свободу Венгрии бойцы разгромленной революции 1848 года, соратники Кошута и Петефи. Мрачно, страшно и неудержимо их

кружение как напоминание, как боль, пронзающая каждое сочувствующее им сердце. Боль нарастает, усиливается, разгорается, и вместе с ней на венгерскую пушту звуки оркестра несут свет и пробуждение, свет и пробуждение.

На равнине светло, солнечно. Ярко играют краски. Вихрь музыки воскрешает бойцов и коней. Как прекрасно, как необоримо их движение! Как упоительна, как победоносна их скачка! Стремительный поток звуков вовлекает людей и коней в буйный, безудержный хоровод. Но ведь это же танец – статный, гордый, искромётный чардаш победы.

Победа!!! Скоро будет победа!! Вот она, тут, рядом! Близка. Будет...

Ан, нет торжества в звучании оркестра. Гаснет радость. Тускнеет свет. Пушта опять погружается во тьму. И уже ясно, что победы нет, и не будет. Победа упушена.

По тёмной, мрачной пуште тяжело движется конница призраков, бойцов, погибших за венгерский народ, за обновление страны, за независимость Венгрии. Они удаляются, удаляются, удаляются. Исчезают. Мрак. Всё кончено...

Я сию опустошённый. Где-то там, во вне, рукоплещет зал. Ярко загораются огромные люстры, как будто их сверкающий хрусталь вобрал в себя всё звучание оркестра. Мне кажется, что в них притаились картины музыкальной драмы, непередаваемо властно овладевшей моим воображением. Кланяется Рахлин, одетый в чёрную фракную пару, словно всем своим видом подчёркивая трагичность отзвучавшей музыки. В такт шквалу аплодисментов вибрируют смычки затянутых в чёрное оркестрантов. А я не могу отрешиться от видения торжества и разгрома очередного порыва к свободе, к свету, к счастью.

Ференц Лист! Зачем вывернул мою душу?!

МОРИС РАВЕЛЬ. БОЛЕРО in C-dur (1927-1928)

Дирижёр Вероника Дударова. Московский Государственный симфонический оркестр. Колонный зал. Москва. 1985 год.

Возможно ли передать словами ощущения, чувства, эмоции? Вряд ли. Словами их можно только обозначить, определить какие-то формальные признаки. Но испытать при пересказе динамику, остроту, яркость, глубину чувства, эмоции или ощущения невозможно, как, скажем, не удаётся объяснить воздействие боли никогда не изведавшему её, пока он сам не приобретёт хотя бы минимальный опыт. И, сходным образом, как вне сферы чувств приобщить к представлению о неведомом? Только через эмоционально-чувственные механизмы и критерии, как то „Чёрный квадрат“ Малевича, например.

Или страсть... Изобразить её средствами речи, втиснуть в прокрустово ложе логики невозможно. Удаётся лишь обозначить смутный контур, слабый фантом, жалкий эрзац всеохватывающего взрыва чувств, всесокрушающих цунами ощущений, всё сметающего торнадо эмоций. Понять страсть можно или испытав её, или прибегнув к столь же волнующему, столь же глубокому, столь же пронзительному воздействию на ощущения, на чувства, на эмоциональную сферу другими средствами, но непременно абстрагируясь от конкретики словесных определений.

Для изображения страсти Равель избрал абстрактный язык музыки...

Заняли места оркестранты. Все замерли. Короткий взмах руки дирижёра. Как будто выбирая тему, еле слышно нащупывают ритм два малых барабана. Лёгким пиццикато, также едва уловимо, на пределе слухового восприятия, им вторят альт и виолончель. Поначалу в затихшем зале их даже не замечают. Они создают почти эфемерный фон, этакую легчайшую вибрацию, доступную скорее кожному ощущению, нежели органу слуха. Они как бы готовят нас к некоему таинству, таинству страсти. На фоне их почти неприметного

звучания в огромном пространстве зала возникает слабый томительный звук. Одинокий, тоскливый, трогательно хриловатый. Неожиданно он с поразительной настойчивостью проникает в естество слушателя. Так звучит только флейта, трепетно и робко, мучительно одиноко и в то же время притягательно, проникновенно и призывно резонируя в вашей душе. Душа с первого такта в плену этого ещё слабого, но уже ощутимого страдания, и ей уже не уйти от его власти. Так зарождается страсть.

Но не перенести, долго не выдержать воздействия этого мучения, этой боли. Оно непременно, оно обязательно должно быть уравновешено другим ощущением, хоть как-то сглаживающим напряжение первых тактов. Кажется, что это пытаются сделать вначале едва слышные, а теперь жёстко ритмичные малые барабаны, как бы берущие в шоры, как бы пытающиеся сдерживать произвол зарождающейся страсти. Но это им не удаётся. Не может удасться. Голос флейты уже всевластен. Он управляет барабанами, и барабаны послушно обретают такое же трепетное, волнующее звучание. Их напряжённый ритм только усиливает томление, странным образом будто бы сдерживая нарастание чувства и одновременно убеждая в неизбежности его торжества.

Тягучий томительно-тревожный звук духового инструмента и приглушенный, словно сдерживаемый усилием воли, жёсткий ритм ударных органично сплетаются, образуя неразрывный, цельный, слитный ансамбль. Казалось бы, столь несопоставимые, столь различные, они вдруг становятся естественно едины. Они уже немыслимы друг без друга, невозможны по отдельности – нерасторжимый союз флейты и малого барабана. Похоже, они пытаются преодолеть вязкое противодействие извне, не разрывая, а как бы растягивая пути, выскальзывая, высвобождаясь из них. Страсть и ограничение несовместимы. Регламентированная страсть невозможна. Не бывает страсти без внутренней свободы. Она рвётся на волю. В частых повторах музыкальной фразы интенсивность звучания инструментов непрерывно возрастает, с настойчивостью стенобитной машины ударяя в одну точку. И зал ответно

резонирует, сначала внутренне сопротивляясь, но постепенно, принимая властное воздействие музыки, включается в её ритм и странным образом получает от этого смутное, не до конца осознаваемое удовольствие.

Однако, этого было бы недостаточно. Это была бы не страсть, а некоторое преддверие страсти. Потому вместе с флейтой и барабаном синхронно звучат струнные инструменты. Но для выражения столь пронзительного чувства, взрывной эмоции, обжигающей страсти смычок непригоден. Пиццикато, только пиццикато резкими уколами слуха в состоянии развить тему. Их совокупный звук постепенно усиливается, крепнет, холодит кожу, сводит мускулы, ускоряет пульс, будит чувственность. К альту и виолончели присоединяются другие смычковые инструменты. Им вторит арфа. Теперь в трепетное звучание музыки органично включено пиццикато всех групп струнных инструментов. Непрестанно нарастает громкость. Чёткий ритм неуклонно нагнетает тревожное ожидание. И оно такт за тактом наполняет зал.

Но и этого мало. Равель прав. По своей природе страсть безоглядна. Страсть должна развиваться, расти, крепнуть. Как бы освобождаясь из плена истомы, присоединяются тромбоны, поддержанные другими духовыми инструментами. Теперь непременно нужны, совершенно необходимы литавры. Их резкий, рубящий ритм органично работает на тему, вовлекая остальные инструменты оркестра. Вот уже весь оркестр сотрясает нарастающая нервная дрожь. Его звучание непрерывно усиливается. Непрестанно нарастает напряжение. Пронзительная полнокровная страсть бьётся, пульсирует, струной натягивает нервы, подступает к горлу, распирает сердце, задерживает дыхание. Невозможно, далее так невозможно.

Невыносимо! В нарастающем жёстком ритме страсти объединены оркестр и зал. Неизбежно приближается развязка.

Страсть, живая, трепетная, испепеляющая страсть! Страсть в своём неприкрытом физиологическом проявлении! Звуки и нервы, музыка и физиология слиты в неразделимое целое, сжаты в могучий кулак, натянуты, как огромная стальная

пружина, как тетива чудовищного лука. Это мина, бомба, торпеда! Зал цепенеет в ожидании взрыва. Напряжение доведено до предела. Ритмом литавр пронизаны последние мгновения. Сейчас рванёт! Ох, как рванёт! Большой барабан – БАХ! Ещё раз, резко – БАБАХ!

Внезапно наступает тишина. Замерли оркестранты. Не дышит зал. Всё...

Бешеные аплодисменты раздаются после безмерно длившейся паузы.

МИХАИЛ КЛЕОФАКС ОГИНЬСКИЙ ПОЛОНЕЗ a-mol „ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ“

Та-а-та-та-та, та-та-та-а, та-та-та-а-а, та-та-та-а... Светлая, исполненная достоинства печаль, чарующая грусть льётся знакомыми с детских лет звуками.

Прощание с родиной. Непроходящая душевная боль...

Почему пядь земли, село, город или страна, порой со скудными пейзажами или невзрачными урбанистическими видами, с нелучшим государственным устройством, представляется нам самым ценным достоянием нашей жизни? Чем вызвано это необыкновенное устремление, приворожившее наши думы, наше сочувствие и сострадание именно к этому участку земли? Что влечёт нас туда, что заставляет вновь и вновь мысленно возвращаться к ней, неласковой, давно отринувшей и забывшей нас и всё же притягательной, памятной, порой скрываемо, но всегда безраздельно любимой?

Из тайников сознания, из давно ушедшего детства приходит мелодия Полонеза Огиньского, наполненная величавой грустью и пережитым страданием. Почему так цепко удерживается она в моей памяти? Далёкое послевоенное детство... Старое пианино „Шрёдер“ с мягким, глубоким и тёплым звучанием, сохранённое несмотря на кошмар войны и оккупационного времени, при многократных переездах из

города в город в последующие годы. Где теперь то пианино, где оно, детство?..

Как-то сама собой возникает во мне знакомая мелодия. Откуда-то приходят слова: „... и я пою прощанье с родиной под трепетные звуки полоне-е-за...“*. Кто написал эти слова, верно и ёмко отобразившие заложенное в музыке гордое достоинство сдерживаемого страдания? Увы, не помню, и мысли как-то сами обращаются к автору музыки...

Казалось бы, что ему, ясновельможному графу, избалованному с младенчества постоянным обережением и всеобщим вниманием аристократической родни, привычно купающемуся в сытом благополучии и вычурной роскоши, что ему за дело до какой-то родины? Какое дело ему до Польши, обескровленной непрерывными войнами, раздираемой внутренними междоусобицами и хищными соседями? О какой родине речь, если его с распростёртыми объятиями принимали и при царском дворе в России, и в ещё не остывшей от республиканских потрясений Франции? Принимали, как своего, несмотря на активное участие в кровавом антирусском восстании Костюшко, несмотря на нескрываемые от новой французской власти роялистские убеждения и сочувствие идеям реставрации.

Что ему, полновластному владельцу крепостных душ, космополиту по воспитанию, аристократу по образу жизни, судьба Польши и её народа, родины, где он не пахал, не сеял, не строил, не растил детей? Что понуждало его безоглядно рисковать жизнью, не говоря о возможности увечья или унижительного плена, испытывать невзгоды и лишения походной жизни, участвуя в заведомо безнадёжном деле?

Как мог впитать дух Польши он, в детские годы не покидавший графского фольварка? Любил ли ширь польских лугов и полей, звонкую песню жаворонка над ними, шум дубрав, вольный бег полноводных рек, бездонную голубизну польского неба? Как воспринимал он, барин, наследник старинных шляхетских родов, горделивую повадку,

**Слова В.Шарапова*

свободолюбие и самобытную ментальность польского простонародья? Проникся ли очарованием польских народных напевов, музыки, танцев? Могли ли ужиться в одном человеке привитый с детских лет космополитизм и любовь к по сути малознакомой родине? Ан, нет! Всё это хранилось в его душе, в недрах его сознания, в его генетической памяти.

Неподлѣглость... Сколько сочной двусмысленности, насмешки и презрения скрыто в этом слове. Не раз только одна мысль об угрозе независимости Польши поднимала польские легионы в яростные атаки на татарские тумыны, на закованный в сталь клин тевтонских рыцарей, на, казалось, несокрушимые шведские полки и отборные дивизии русских, немецких и австро-венгерских войск.

И всё же отчаянная польская отвага, безмерная стойкость и высокое воинское достоинство в бою – всё это оказалось напрасным перед объединённой силой Австро-Венгрии, Пруссии и России. Шляхетская Польша – Речь Посполитая – потерпела поражение, утратила независимость и была расчленена. Уцелевшим её защитникам не оставалось ничего другого, как удалиться в изгнание.

Нет, они не сдались. „Еще Польша не сгинела!“ Многократно будут вспыхивать и терпеть поражение восстания, вопреки неудачам шаг за шагом приближавшие освобождение родины. Пройдёт сто, двести лет, и воспрянет Польша, свободная, гордая, независимая. Но это потом, через столетия. А пока только одно – горькое расставание, вынужденная эмиграция.

И рождаются полные глубокой, но по-мужски сдержанной печали, проникновенной грусти и истинного достоинства звуки: та-а-та-та-та, та-та-та-а, та-та-та-та-а-а, та-та-та-та-а-а, та-та-та-та-а... „...и я пою прощанье с родиной под пламенные звуки полоне-е-за...“

РЕВАНШ

Время событий – конец шестидесятых годов прошлого века. Наш якобы скорый поезд тащится из Питера (тогда

Ленинграда) в Калининград (бывший Кёнигсберг). Ехать предстоит около полутора суток.

В купе давно не отремонтированного полупустого вагона двое – я и негаданный товарищ по несчастью, командированный в какое-то учреждение военного строительного ведомства. По коридору волнами прокатывается вода, вытекающая из проржавевшего бака. С гигиеной дело обстоит скверно. Умыться нечем. Пронзительно воняет туалет. Дверь нашего купе не закрывается. Она вырвана из нижнего паза и то глухо, то гулко хлопает в такт движению поезда. Но бригадир отказался перевести нас в другие вагоны: там всё занято. В довершение бед в составе нет вагона-ресторана, да и уйти, бросив без присмотра вещи в незапирающемся купе, было бы стопроцентно наказуемым недомыслием.

В общем, мы здорово влипли. Вагонные колёса монотонно выстукивают синкопирующие звуки, усугубляя дурное настроение. Но жить надо, и мы выкладываем на стол припасы: завернутую в кальку жареную курицу, банки рыбных консервов, бутерброды с копчёной колбасой и сыром и пару бутылок трёхзвёздного армянского коньяка, вызвавших у нас понимающие ухмылки. У меня (как-никак, врач) нашёлся бинт, а у него лосьон для бритья. Тщательно обработав руки, обстоятельно приступили к еде. Спешить было некуда.

Несколько слов о попутчике. Его звали Аркадий. Средних лет и среднего роста, русоволосый крепыш, с интеллигентным русским лицом и задумчивым взглядом серых глаз. Правильная речь и подкупающая корректная манера разговаривать. Одет по-дорожному, скромно, но вполне комфортно. В общем, я как-то сразу испытал к нему чувство приязни. Да и не стал бы я выпивать в поезде с человеком, не вызывающим доверия.

После того, как мы приговорили „трёхзвёздных“ Аркадий достал припасённую для представительства в калининградских инстанциях бутылку армянского „Арарата“, а я, тоже представительскую, большую коробку конфет „Грильяж“. Ах, уж эти мужские разговоры за бутылкой при наличии уймы свободного времени! Как они развязывают языки, когда нет

сдерживающего момента, связанного с непременным общением с попутчиком в дальнейшем, и вы чураетесь дорожной игры в карты. Тогда, если вы умеете внимательно слушать и не скрываете искреннего сочувствия рассказчику, вам предстоит узнать много интересного для пишущего человека.

В той поездке мне повезло с собеседником. Были ли мы пьяны? Решительно утверждаю – нет! Мы были молоды, обладали крепким здоровьем, умели пить. Коньяк не пьянил, а лишь позволял забыть о мерзости, царящей за постоянно хлопающей дверью купе. Зачем я так детально описываю эту поездку? И сам не знаю. Может быть, потому, что малопривлекательная обстановка резко контрастировала с повествованием моего попутчика.

Смакуя духовитый коньяк и хрустя пришедшимися к случаю конфетами, мой собеседник, смущаясь и как бы удивляясь случившемуся, поведал о произошедшей в его студенческие годы встрече с необыкновенной девушкой. Зачастую подобного толка рассказы грешат мужской бравадой и банальны, но этот, лишённый фривольного ухарства и дешёвого самолюбования, показался мне достойным внимания. Запомнилось и имя героини этой истории, которое теперь, спустя полвека, нет нужды изменять.

Всё началось с того, что после весенних экзаменов Аркадий с сокурсниками был направлен на стройку в совхоз, расположенный сравнительно недалеко от Ленинграда, где-то в Южной Карелии. Чистый воздух, интенсивная физическая работа, скромная, но калорийная и биологически чистая пища, ежедневные купания в реке, спартанские бытовые условия и сон на совхозном сеновале позволили юношам за полтора месяца накачать мускулы и приобрести истинно мужской вид. По окончании работ им выдали летнюю стипендию и заработанные на стройке деньги, сумму небольшую, но позволяющую остаток лета отдохнуть „дикарём“ на Черноморском побережье. В идущей в Ленинград электричке он с миловидной однокурсницей вышел покурить в тамбур, а вернувшись, обнаружил, что лежавший в рюкзаке кошелек с деньгами исчез.

Дома в ответ на заслуженные упрёки родителей в ротозействе раздосадованный Аркадий заявил, что за оставшийся до учёбы месяц он с лихвой восполнит утраченное, и начал поиски хорошо оплачиваемого рабочего места. Не тут-то было. Обегав ближайшие магазины и склады, где согласно объявлениям требовались рабочие руки, Аркадий убедился, что заработать нужную сумму ему не удастся. Зарплата чернорабочего была всюду ниже того, на что он рассчитывал. Наконец, в поисках достойно оплачиваемой работы он набрёл на Второй Ленинградский винный завод. О нём, явно ностальгируя, Аркадий рассказал подробно.

Если идти по Среднему проспекту Васильевского острова от Съездовской линии к Неве по чётной стороне, и, не доходя набережной, свернуть в малоприметный проулок и направиться к Академии тыла и транспорта (или к университету, или к Институту акушерства и гинекологии им. Д.О.Отто, или к старому ГОМЗ'у), то попадаешь в лабиринт мелких переулков и тупичков. Там, в одном из кое-как вымощенных булыжником переулков за фасадом невзрачного трёхэтажного дома находился винзавод. Об этом свидетельствовала скромная вывеска, прибитая к стене дома между воротами и облупившимися дверями проходной. Сомневающимся окончательно убеждал густой запах дешёвого вина, исходивший из-за наглухо закрытых ворот. Вот туда-то и направился Аркадий в поисках заработка.

За дверью Аркадия встретил осовелый охранник и, в конце концов уразумев цель его прихода, направил в отдел кадров. Сотрудница отдела кадров тоже не могла взять в толк, что понадобилось интеллигентного вида юноше на винзаводе. Пришлось в подробностях рассказать историю об утраченной стипендии. Рассказ видимо убедил её, и после некоторого размышления Аркадия отправили в цех экспедиции завода, предупредив, что работа там очень тяжёлая и чревата производственными травмами. Однако зарплата была обещана именно такой, какую он хотел получить.

Немного о винзаводе. Сам завод состоял из нескольких дряхлого вида двухэтажных корпусов, расположенных по

периметру двух следующих друг за другом дворов. Корпуса заднего двора стояли спина к спине с массивным зданием, принадлежавшим ГОМЗ'у. Таким образом, с территории завода можно было выйти только через ворота или через проходную трёхэтажного здания, обращённого фасадом к переулку. Экспедиция находилась в корпусе, расположенном по левой стороне первого двора. Из трёх проёмов в её стене транспортёры подавали ящики с вином в кузова грузовиков, где шофёр с грузчиком расставляли груз в нужном порядке. Просто и удобно.

Экспедиция представляла собой высокий обширный зал, рассечённый посередине длинным транспортёром, по которому из соседнего разливного цеха ползли ящики с винными бутылками. Работникам цеха экспедиции надлежало плотно обложить бутылки в ящиках стружкой для защиты посуды от боя, составить ящики в штабеля, а по прибытии грузовиков переложить их на транспортёры-эвакуаторы. Работой экспедиции руководил мастер, умело организующий приём и выдачу продукции. К немалому смущению Аркадия коллектив работников состоял из десятка могучего телосложения женщин средних лет, работавших попарно и встретивших новичка с нескрываемым интересом. Первые дни Аркадию предстояло работать в паре с самой старшей из работниц, напарница которой болела. Это избавило Аркадия от шуток и подначивания, обычно приходящегося на долю новичка мужского пола в женском коллективе.

Уже через неделю Аркадий по выздоровлении напарницы стал работать в одиночку. Ему приходилось складировать ящики весом от 18 до 32 килограммов в шестиэтажные штабеля (которые были выше его роста) и 64-килограммовые ящики в четырёхэтажные штабеля, а по прибытии грузовиков выкладывать эти ящики на транспортёры-эвакуаторы. Работа была достаточно интенсивной и тяжёлой. Впрочем, иногда поток машин прерывался и можно было передохнуть. Тогда все валились на кучи стружек. Немного отдохнув, женщины затягивали песню или с хохотом начинали возню и скачки верхом друг у друга на плечах. Но Аркадия,

находившегося под защитой старшей из работниц, по молчаливому уговору не трогали.

Время от времени одна из бутылок в ящике, ползущем по центральному конвейеру, лопалась. То ли был скрытый дефект стекла бутылки, претерпевшей мойку и пропаривание, выявившийся после передвижения по вибрирующему конвейеру, то ли автомат разливочной резко опустил бутылку в ящик, то ли, как говорил мастер, пришло её время. Опытные работницы успевали на слух определить лопнувшую посуду и выхватить её из ящика прежде, чем из неё вытечет содержимое. Бой предъявляли мастеру, фиксировавшему недочету бутылки в конкретном ящике, а остаток содержимого через марлю бережно сцеживался в загодя приготовленные банки и, став собственностью обнаружившего дефект, выпивался им вместо воды. За рабочий день таких случаев было сравнительно немного, 1-2, редко более. Заметив мой понимающий взгляд, Аркадий категорически отверг умысел: мастер был опытен и мгновенно выявлял злонамеренную попытку, тотчас увольняя вора. К тому же сами работницы слишком дорожили хорошо оплачиваемой работой, чтобы рисковать. Да и смысла не было, так как через полтора часа после начала работы мастер останавливал конвейер, созывал всех работников в свою каморку и наливал каждому по половине алюминиевой кружки (примерно 250 мл) самого лучшего из вин, бутилированных накануне. Подобная процедура повторялась в обеденный перерыв и по окончании рабочего дня. Аркадий уверял, то опьянения не наступало: в процессе интенсивной физической работы алкоголь полностью перегорал в организме и только способствовал повышению работоспособности.

По прошествии полутора недель Аркадий освоился с работой и был признан в коллективе своим. Он никогда не отлынивал от работы, а наоборот, если появлялась свободная минута, искренне старался помочь женщинам. Это женщины сразу подметили и оценили, но, видя, что парню все-таки такая работа непривычна, старались не прибегать к его помощи без нужды. В общем, покатались и стали обыденными рабочие будни, сулившие в конце месяца полную, и даже с избытком,

компенсацию утраченной стипендии и заработка на стройке. И тут произошло событие, изумившее и Аркадия, и опытных работников экспедиции.

Одним солнечным утром (именно так это утро запомнилось Аркадию) мастер представил коллективу новенькую – тоненькую, темноволосую, очень смущавшуюся девчонку, на вид семнадцати-восемнадцати лет, сказав, что она будет работать на конвейере в паре с Аркадием. Девчущку звали Раиса. Старшая пыталась возразить, что такая работа не для молодой несозревшей девчущки. „Да она потом рожать не сможет!“ – без обиняков заявила опытная женщина, но мастер резко пресёк прения. Так у Аркадия появилась напарница, и он, испытывая ужас от реплики бывалой старшей, стал всеми возможными способами оберегать новенькую от непосильных нагрузок.

Женская разведка быстро выяснила причины такого опрометчивого поступка Раисы. Девчонка была из очень бедной семьи, где больная мать-одиночка в качестве дворника зарабатывала крохи на семью из трёх человек (сама мать, дочь Раиса и шестилетний братишка). Раиса поступила на бухгалтерское отделение Торгового техникума, но купить сколько-нибудь приличную одежду было не на что. Вот она и уговорила сотрудницу отдела кадров принять ее на две недели уборщицей в цех экспедиции. Но мастер, приписывающий себе уборку цеха в качестве работы по совместительству, не захотел терять в зарплате и поставил девчонку перед выбором: или работать грузчицей, или катиться на все четыре стороны. По-видимому, женщины, обсудив между собой ситуацию, тоже решили спасти юную дурёху, вляпавшуюся в непосильное для неё дело. Отозвав Аркадия в сторону, старшая сказала, что с этого дня их паре поручается складирование и выдача ящиков весом только до 32-х килограммов, то есть таких, с которыми он легко мог справиться и в одиночку. Разумеется, последнего сказано не было, но Аркадию уточнения не требовались. Однако девчонка оказалась совестливой и строптивой и, не желая принимать подачки, постоянно пыталась снимать ящики с конвейера. Поэтому Аркадий, поработав с Раисой в паре

полчаса, посылал её принести стружку, сбегать в ближайший магазин за хлебом и колбасой для предстоящего коллективного обеда или отнести мастеру битую бутылку, то есть всячески старался исключить непосильные для девчушки физические нагрузки. Женщины, видя ухищрения Аркадия, тоже находили для Райки (так все её стали называть) какую-нибудь посильную работу, чтобы она не чувствовала себя нахлебницей и была полностью занята нужным делом. И, действительно, весь рабочий день она крутилась как белка в колесе.

Как девушка, Райка поначалу совершенно не заинтересовала Аркадия. Это было столь явно, что работники экспедиции, начавшие было по-женски зорко присматриваться к молодой парочке, вскоре утратили к этой, как представлялось им поначалу, пикантной ситуации всяческий интерес. Немного ниже его ростом, худенькая, явно ещё не созревшая девчушка-подросток, с простоватым, как ему показалось, лицом, на котором, разве что, выделялись большой рот да весело и иронично поблескивающие светло-карие глаза. Гладко зачёсанные назад тёмно-каштановые волосы. Одета более чем скромно, скорее, бедно.

Аркадий не мог вспомнить, каким образом получилось так, что он стал вместе с Райкой уходить с работы, как бы провожая её. Скорее всего, она сама постаралась оказаться в его компании. Выяснилось, что им было по пути: жили они сравнительно недалеко от завода и друг от друга. Чтобы не молчать, Аркадий по дороге рассказывал Райке о прочитанных книгах и интересных статьях в газетах, об институте и о прочих совершенно невинных вещах. Подкупало, что Райка оказалась внимательным и благодарным слушателем. Но отношения гуру и ученицы у них не сложились. Стоило только Аркадию сбиться на педагогический тон, как Райка тотчас осаживала его сентенцией, убедительно показывающей, что девчонка отлично владеет иронией и предельно адресно её применяет. Началось с того, что, видя, как Аркадий яростно чешет голову (пыль и мелкая стружка вызывали сильный зуд, а мыться приходилось дома: в цеху не было душа), Райка, насмешливо сверкнув глазом, с комической серьёзностью аттестовала общую

проблему: надо мыться, а не чесаться. Оба расхохотались, и тогда он впервые назвал её Райкин, как бы в честь известного актёра-сатирика и одновременно отметив её склонность к юмору. В его устах это прозвучало дружески ласково и очень понравилось Райке. Они были очень молоды, ценили юмор и часто находили повод для смеха. А порой, разозлившись на её строптивость, он называл ее Ведьмёнком. В отместку она говорила, что он старается её заарканить, как строптивного мустанга. Так у Аркадия появилось прозвище Аркан.

Спустя некоторое время Аркадий заметил, что его тянет к этой девчонке и предложил встречаться после работы. Купив ей и себе эскимо, которое, как оказалось, оба самозабвенно любили, Аркадий водил Райку по улицам Ленинграда, показывая архитектурные шедевры прошлых веков, рассказывая о великих зодчих, об особенностях строительной техники и о скульптурах, украшавших фасады. Он, сын и внук архитекторов, любил свою профессию и много знал. Эти походы всё удлинялись и постепенно становились романтичными. Однажды, проводив Райку до её подъезда, Аркадий неожиданно для самого себя крепко обнял её худенькое тело, а она вместо демонстративного сопротивления запрокинула голову, подставляя для поцелуя губы, вдруг показавшиеся Аркадию необыкновенно красивыми и желанными. Впрочем, дальше поцелуев дело не шло: оба были слишком молоды и неопытны. И, добавлю от себя, до сексуальной революции девяностых годов было ещё очень далеко.

Как-то в конце августа, незадолго до увольнения с завода в связи с предстоящим началом учебного года, они забрели на пляж перед Петропавловской крепостью. Вечерело. Обычно это место в будни было малолюдным, к тому же немногочисленные гуляющие вскоре удалились. Устроившись на скамейке под раскидистой ивой, они отчаянно целовались. Сидя на коленях Аркадия, Райка обвила его шею руками и позволила гладить её небольшую, но крепкую грудь, спину и бёдра. При этом не замедлила норовисто сказать: „Оглаживаешь, как молодую кобылку“. Но видно было, что

ласки ей очень приятны. Оба так увлеклись, что не заметили наступивших сумерек.

В самый разгар ласк Райка с каким-то сдавленным птичьим писком соскочила с колен Аркадия и сломя голову бросилась бежать. Аркадий увидел, как выбежавший из-за дерева рослый парень погнался за убегающей Райкой. В тот же миг чья-то сильная рука сзади схватила его за подбородок, запрокинув ему голову и крепко прижав к спинке скамейки. Броситься Райке на помощь Аркадий не смог – его крепко удерживали сзади. После секундной растерянности Аркадий закинул руки назад, обхватил удерживающего его человека за шею и резким рывком перебросил через себя. Нападавший оказался парнем довольно крепкого телосложения, примерно сходного с Аркадием возраста и роста. Он мгновенно вскочил на ноги и ударил Аркадия, разбив ему губу. Отработанными в боксёрской секции свингами Аркадий нокаутировал нападавшего. Освободившись от противника, Аркадий в наступившей темноте бросился искать девушку. Он обшарил все кусты и укромные уголки этого, сравнительно небольшого участка у стен Петропавловки, громко призывая Райку откликнуться. Ответом была тишина. Рисуя в воображении картины насилия над беззащитной девчонкой и терзая себя за то, что не смог её защитить, Аркадий перебежал по деревянному Кронверскому мостику через проток, отделяющий Петропавловскую крепость от Петроградской стороны, рассчитывая найти милиционеров. Как нередко бывает в подобных случаях, никаких милиционеров найти не удалось. Ближайшие улицы Петроградской стороны вообще были пусты – ни одного прохожего. Надеясь только на чудо, Аркадий помчался через мост Строителей и далее переулками на Малый проспект к дому, где жила Райка и, прибежав к дому, в полном отчаянии выкрикнул её имя. Из полуоткрытого окна на мгновение выглянула явно готовящаяся ко сну полуодетая Райка, махнула ему рукой, приказывая поскорее уходить, и захлопнула окно.

Утром следующего дня Райка поджидала Аркадия у проходной. Вид его с раздувшейся и нагноившейся губой, не

спавшего не минуты из-за тревожных раздумий о Райке, был довольно неважный. Райка же явно выпавшаяся и вполне благополучно выглядевшая, сказала, что работать на заводе не будет и берёт расчёт. На вопрос Аркадия, что с ней произошло, она беззаботно ответила, что преследовавший её незнакомец вскоре догнал её, и когда она с испуга заорала, парень поспешил её заверить, что не причинит ей никакого вреда и только проводит до дому. На этом, дескать, все её приключения и закончились. Не знавший, что и думать, Аркадий с трудом проработал весь день. Гноилась губа, его знобило. А после работы его у проходной встретила Райка в новых туфельках и в недорогом, но со вкусом выбранном, только что купленном платьице, сделавшем её необыкновенно посвежевшей и привлекательной. В руках у нее была банка с ещё теплым отваром ромашки, шалфея и подорожника, которым Аркадию надлежало немедленно начать полоскать рот для излечения нагноившейся губы. Действительно, гнойник вскоре вскрылся, и рана быстро зажила, образовав на внутренней стороне губы большой рубец. Всё это было очень мило, но у Аркадия осталось ощущение чего-то недоговоренного, мешавшего продолжению их взаимоотношений.

Через несколько дней уволился и Аркадий. У обоих начался напряжённый учебный год и встречались они теперь от случая к случаю, предпочитая прогулкам под осенними дождями походы в кино. Через некоторое время Аркадий понял, что Райка перестала его интересовать. На его курсе училось много симпатичных и респектабельных девиц, положивших глаз на Аркадия, и он вскоре увлёкся одной из них. Его новая подруга разыгрывала из себя опытную сердцеедку и он, ревнуя, частенько ссорился с ней. Но к концу учебного года Аркадий попал в ситуацию, обязывающую его просить руку надменной красавицы. Однако гордая девица заявила о необходимости хорошенько обдумать его предложение, для чего им надлежало на время прервать отношения. Аркадий был вне себя.

К тому времени он около семи месяцев не виделся с Райкой. Каким-то наитием почувствовав, что Аркадий попал в сложное положение, Райка сама позвонила ему и напросилась в

гости. Это было неожиданно и странно: Райка приходила к нему в дом всего один раз и явно не понравилась его родителям. На этот раз родители были в отъезде. Райка принесла вина, именно такого, какое они паковали на винзаводе. Предаваясь ностальгическим воспоминаниям, распили бутылку. Находившийся в растерзанных чувствах Аркадий незаметно для себя рассказал благожелательно слушавшей Райке свои любовные злключения. На Райкин вопрос, любит ли он ту девицу, Аркадий честно ответил, что влюблён по уши и сильно ревнует. Вопрос об отношениях с Райкой отпадал сам собой. Прерывая наступившую паузу, Райка решительно раскрыла кровать Аркадия и быстро разделась. Дальнейшие события Аркадий детализировать не стал, заметив только, что в отличие от его искушённой однокурсницы Райка была девственна и совершенно неопытна в делах любви. В общем, Аркадий не получил ни желаемого удовлетворения, ни облегчения. Возможно, он не сумел этого скрыть. Во всяком случае, Райка всё поняла и без аффектации сказала, что в дальнейшем им встречаться не стоит. И ещё сказала она, что тогда, у Петропавловки, их выследили её давний ухажёр со своим товарищем. Впрочем, это уже не имело значения. „Аркан разорван!“ – заявила она, улыбнувшись своей ироничной Райкинской улыбкой, и добавила, что провожать её не надо. Аркадий не возражал.

В вагоне светало. Надо было хотя бы немного поспать. Последняя бутылка была пуста, коробка конфет – тоже. На предстоящие полдня пути у нас оставались две банки шпротов, немного хлеба и пара яблок. Я подумал, что подобный десерт вряд ли будет способствовать завершению исповеди моего попутчика. А рассказ меня не на шутку заинтересовал, сначала описанием винного завода – совершенно неизвестной мне сферы производственной деятельности, а потом и бесхитростной историей несостоявшейся любви. И хотя мой спутник откровенно клевал носом, я не удержался и стал настойчиво расспрашивать, встречался ли он потом с Райкой–Райкиным. „Представь себе, один раз встретились“ – ответил он,

и, видимо, воспоминание о той последней встрече было таким ярким, что сон с него сразу слетел.

А дело было так. В конце концов, он уломал свою гордую красавицу и женился на ней. Ребенок тогда у них не получился: то ли это была ложная тревога, то ли продуманный ход прелестницы. Семейная жизнь тоже не складывалась. Промаявшись с ней десять лет, Аркадий заявил, что подаёт на развод. Но супруга была женщиной тщеславной и расчетливой. Она не могла ему позволить уйти просто так. Когда Аркадий окончательно созрел для заявления о разводе, супруга оказалась беременной и вскоре родила девочку. Однако Аркадий понимал, что ребёнок не изменит характер его супруги, и, оставив ей (точнее, ребёнку) всё своё имущество, включая многие личные вещи, всё-таки добился развода. Через полгода она вышла замуж за его друга детства и потребовала прекратить свидания с дочерью. Она всячески препятствовала встречам с ребёнком, а все его попытки жёстко пресекались её многочисленной вездесущей роднёй. В конце концов, понимая, как дорого обходятся ребёнку скандалы, он вынужден был отступить.

Самыми сложными для Аркадия оказались проблемы с приобретением нового жилья, но благодаря помощи родителей и друзей он смог после долгих мытарств купить крошечную кооперативную квартиру на окраине города. Как-то вечером зазвонил недавно установленный телефон. В трубке раздался знакомый ироничный голос: „Узнаёшь старых друзей? Один? Хочу навестить тебя“. „Райкин? Конечно, приходи!“ – только и мог выдохнуть Аркадий. Она повесила трубку прежде, чем Аркадий сообразил, что надо было ей сообщить его новый адрес. Да и как она узнала номер его телефона?

В мучительных сомнениях он минут десять метался по комнате и, наконец, не выдержав, начал было одеваться, чтобы куда-то бежать на её розыски. В дверь позвонили. На пороге стояла очаровательная, элегантная, со вкусом одетая женщина. Каштановые волосы были великолепно причёсаны. Умело наложенный макияж делал её лицо загадочным и неузнаваемым. И только большой чувственный рот и искрящиеся юмором светло-карие глаза напоминали Райку почти пятнадцатилетней

давности. В руке она держала бутылку такого вина, какое некогда выпускал их (их!) винзавод.

Избегая подробностей, Аркадий сказал, что была безумная ночь, такая, какой у него никогда не было раньше и, по-видимому, никогда не будет в будущем. Райка была ненасытна и изощённо побуждала Аркадия на любовные подвиги, буквально воспаляя его. Они яростно занимались любовью, словно мстили друг другу за потерянные годы. Ночные часы летели один за другим, а они не могли разорвать объятия, каким-то чудом находя вдохновение для очередного витка чувственных наслаждений. Аркадий до сих пор удивляется, откуда у него взялись такие способности.

Но всё когда-нибудь кончается. Прошла и эта ночь. Обоим надо было идти на работу. Райка быстро привела себя в порядок. Они вышли на улицу и Аркадий заметил, что ей больно шагать. Поймав его взгляд, она беззаботно рассмеялась. В её смехе ему почудились облегчение и благодарность. Но Райка была Райкой. Целуя его на прощание, она, иронично сверкнув вдруг потемневшими глазами, сказала единственное слово: „Реванш!“

Открывая дверь станции метро, Аркадий обернулся и увидел, что Райка садится в сверкавшую на утреннем солнце чёрную „Волгу“, по всей видимости, её ожидавшую. Больше они никогда не встречались.

Не обращая внимания на мерно хлопающую дверь, мы оба как-то сразу провалились в сон. Помнится, во сне меня изводило нарастающее ощущение невосполнимой потери. На пике этого ощущения приснилась очаровательная красавица, которая что-то настойчиво требовала, куда-то звала. Нас будила проводница. Было далеко за полдень. Проводница уже успела привести коридор вагона в относительный порядок. Кое-как функционировал и туалет. Мы быстро умылись, побрились, позавтракали. Поезд подходил к Калининграду.

Его встречали. Простившись со спутником, я смотрел ему вслед и думал, что за всё надо платить: за ошибки и недомыслие, за причиненную обиду и за душевную скардность.

Справедливость всё-таки есть и время всё расставляет по своим местам.

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

ВОЛЬФГАНГ БОРХЕРТ

Вольфганг Борхерт родился 20 мая 1921 г. в Гамбурге. С 15-ти лет начал писать стихи. В 1940 г. сдал актёрский экзамен и в марте 1941 г. получил ангажемент в Ганноверском театре. В июне 1941 г. он был призван в танковые части рейхсвера. В январе 1942 г. под Клином был ранен в руку. Весной его посадили в тюрьму на 6 недель: при перлюстрации в его письмах обнаружили критику войны. В декабре 1942 г. Борхерт был направлен на фронт под Торонец, где вскоре заболел сыпным тифом. В марте 1943 г. его по состоянию здоровья освободили от военной службы. В том же году он в разбомбленном Гамбурге выступал в кабаре „Bronzekeller“. Осенью 1943 г. Борхерт перенёс желтуху. В декабре 1943 г. за антивоенные высказывания он был арестован и помещён в берлинскую тюрьму „Моабит“. Его осудили на 9 месяцев. После тюрьмы Борхерт опять был направлен на фронт и в начале 1945 г. близ Франкфурта на Майне попал в плен к французам, но вскоре бежал. В период с 1945 по 1947 г. Борхерт работал в „Hamburger Schauspielhaus“, писал тексты для гамбургского кабаре „Janmaatzen im Hafen“. Он был одним из основателей театра „Die Komtödie“ в Альтоне. В эти же годы он написал серию рассказов и драму для радио. Рассказ „Хлеб“ был опубликован в 1946 г. Вольфганг Борхерт скончался 20 ноября 1947 г. от цирроза печени. События, о которых говорится в рассказе, происходили в 1946 г. (прим. переводчика).

Хлеб

Она проснулась внезапно. Было полтретьего. Она задумалась, почему же она проснулась. Ах, вот оно что! На

кухне кто-то наткнулся на стул. Она прислушалась. Было тихо, и, ощупав на кровати место рядом с собой, она никого не обнаружила.

Было тихо, очень тихо: его дыхания не было слышно. Она встала и по тёмной квартире побрела на кухню. Они встретились на кухне. На часах было полтретьего. Она увидела что-то белое, стоявшее у холодильника. Зажгла свет. В ночных рубашках они стояли друг против друга. Ночью. В половине третьего. На кухне.

На кухонном столе стояла тарелка для хлеба. Она увидела, что он уже отрезал себе хлеба. Рядом с тарелкой лежал нож. А на скатерти были хлебные крошки. Когда по вечерам они уходили спать, она всегда приводила скатерть в порядок. Каждый вечер. Но теперь на скатерти были крошки. И лежал нож. Она почувствовала, как от кафельных плиток пола по ней вверх пополз холодок. И она отвела взгляд от тарелки.

– Я подумал, что здесь мог быть кто-то, – сказал он и обвёл кухню взглядом.

– Я тоже что-то слышала, – ответила она, находя при этом, что ночью в рубашке он и в самом деле выглядел постаревшим. Таким, каким он и был. Шестидесятитрёхлетним. Временами днём он выглядел помоложе. „Всё-таки она выглядит старой, – подумал он, – в ночной рубашке она выглядит довольно старой. Наверно, из-за волос. Ночью у женщин это всегда зависит от волос. Тогда они неожиданно увеличивают возраст“.

– Тебе бы тапки надеть. На холодном кафеле босиком. Ты же простудишься.

Она не смотрела на него, потому что не могла перенести, что он лгал. Что он лгал после того, как они тридцать девять лет были женаты.

– Я подумал, здесь мог быть кто-то, – сказал он снова, бессмысленно переводя взгляд из одного угла в другой, – я тут что-то услышал. Тут, подумал я, мог быть кто-то.

– Я тоже что-то услышала. Но, может быть, ничего и не было. Она сняла тарелку со стола и стряхнула крошки со скатерти.

– Да, может быть, ничего и не было, – неуверенно отозвался он.

Она пришла ему на помощь:

– Пойдём-ка. Может быть, это было снаружи. Пойдём-ка спать. Ты же простудишься. На холодном кафеле.

Он взглянул на окно. – Да, скорее всего, это было снаружи. Думаю, это могло бы быть там.

Она поднесла руку к выключателю. „Мне надо выключить свет, иначе я не смогу не смотреть на тарелку, – подумала она. – А мне нельзя смотреть на тарелку“.

– Пойдём-ка, – сказала она и выключила свет, – скорее всего, это было снаружи. При ветре водосточный жёлоб всегда стучится о стену. Наверняка это был жёлоб. При ветре он всегда стучит.

Вдвоём они побрели по тёмному корридору в спальню. Босые ноги шлёпали по полу.

– Ведь был ветер, – произнёс он. – Да, ветер дул всю ночь.

Когда они легли в постель, она сказала: – Да, ветер дул всю ночь. Скорее всего, это был жёлоб.

– А я подумал, на кухне кто-то мог быть. Скорее всего, это был жёлоб. – Он сказал это как будто бы в полусне.

Но она заметила, что его голос звучит неискренне, что он лжёт. – Холодно, – сказала она, тихо зевая, – я закутаюсь в одеяло. Покойной ночи.

– Покойной ночи, – ответил он и добавил, – да, уж слишком холодно.

Затем наступила тишина. Спустя некоторое время она услышала, как он осторожно потихоньку жуёт. Она нарочно дышала тихо и равномерно, чтобы он не подумал, что она не спит. Но его жевание было таким монотонным, что под него она незаметно уснула.

Когда следующим вечером он пришёл домой, она пододвинула к нему четыре куса хлеба. Обычно ему полагалось только три.

– Ты вполне можешь съесть четыре, – сказала она и отошла от лампы. – Я, в самом деле, не переносу этот хлеб. Съешь-ка ты ещё кусок. Я плохо переносу его.

Она видела, что он низко склонился над тарелкой. Он не подымал глаз. В таком виде он вызывал жалость.

– Не можешь же ты съесть только два куска, – сказал он в тарелку.

– Почему нет? По вечерам я плохо переношу хлеб. Ну, ешь же. Ешь.

Только спустя некоторое время она села за стол под лампу.

АРНО СУРМИНСКИ

Отрывки из романа „ОТЧИЗНА БЕЗ ОТЦОВ“

*(текст для чтений в Бундестаге в День национальной скорби
19.11.2006)*

I

Ведь и у меня был отец. У меня он пропал прежде, чем я был в состоянии его заметить. Так могло казаться. Отцы зачинают детей и удирают. Если ребёнок потом задаёт вопрос, следует ответ: „А, твой отец был бродягой“. Мой отец тоже бродяжничал, напоследок – в России.

Когда харьковский котёл* заливался кровью, я начал жить. И никто об этом не знал. Двенадцать ночей прожили они вместе, потом война разлучила моих родителей и больше никогда не сводила их вместе. А я остался. Так заканчивались браки во время войны, и у них закончилось так же.

Когда обо мне упомянули впервые? Уже нет письма, в котором моя мать написала ему об этом. Также недостаёт его ответа. Обрадовался ли он, или я был ему безразличен? Мой отец хотел бы ребёнка, только когда будет мир, но я не мог ждать так долго.

II

Первого февраля 1943 года унтерофицер Хайнц Готевинд,

** Харьковский котёл. После Сталинградской победы части Красной Армии, освободившие Харьков (Украина), в период с 16 февраля по 15 марта 1943 года были окружены и разгромлены немецкими войсками. Потери Советских войск убитыми и пленными составили более 110 тысяч солдат и офицеров (прим. переводчика).*

который во время войны в России не написал ни единого письма и лишь изредка их получал, сел за грубый деревянный стол из сбитых еловых досок, зажёл случайно оставшуюся от Рождества свечу, чтобы карандашом на серой военной бумаге поведать следующее:

Достопочтенная госпожа Розен!

Наверно Вы уже получили от нашего ротного командира сообщение о смерти Вашего мужа. Роберт был моим самым дорогим товарищем, который сопровождал мне во время всего Восточного похода. Поэтому я хочу написать Вам, чтобы сказать как я сожалею. В официальном сообщении будет много сказано о героической смерти. Пожалуйста, зачеркните это. Мы никакие не герои, а бедолаги, которые только и ждут смерти. Смерть – наша постоянная спутница. По утрам и по вечерам мы разговариваем с ней о том, что одного это настигнет сегодня, другого завтра.

Это случилось в последнюю январскую ночь, тихую безлунную ночь с усеянным звёздами небом. Минус 20 градусов, сплошные снега около полуметра глубиной. Роберт стоял в карауле с десяти часов до полуночи. Незадолго до полуночи ночную тишину разорвал один единственный артиллерийский выстрел. Снаряд попал точно в то место, где стоял он. После этого снова воцарилась тишина. Достопочтенная госпожа Розен, такое случается крайне редко. Чтобы один артиллерийский снаряд на десятикилометровом пути попал в единственного человека. Это, как если бы он был убит падающей звездой.

Если в этой проклятой России будет так продолжаться, погибнем мы все, но не так милосердно, как мой друг Роберт, в которого папала падающая звезда. Товарищ, который после него шёл в караул, был вне себя от счастья и благодарил Бога, что снаряд был выпущен пятью минутами раньше. Что надо думать о таком боге и за что его благодарить?

Не знаю, что мог бы я Вам написать в утешение. Вы знаете, как он был близок к природе. В то время, как мы проклинали унылую Россию, он восхищался её лесами, курганами

и широкими степями. Он любил большие реки. Летними днями он садился на берегу, чтобы глядеть на заходящее солнце, и тогда его мысли уносились к Вам и к его деревне. Он знал землю, как никто другой. Даже зимой, когда она лежала под снегом, он знал, где хорошо прорастут зёрна. Россия в ясные ночи показывает нам бесчисленные звёзды. Роберт толковал нам об Орионе, Гончих Псах и Плеядах. Большая Медведица указывала ему обратный путь; ведь он всегда знал, в каком направлении ему надо было идти, чтобы попасть домой.

Если я правильно запомнил, в эти дни должен родиться Ваш ребёнок. Он часто говорил о Вас и о ребёнке. Если это уже произошло, примите всё же мои сердечные поздравления. У меня самого нет детей; ни разу ни одна женщина не предоставила мне возможность отдать дань природе, но я знаю, что дети единственное, для чего стоит жить. Я желаю, чтобы Ваш ребёнок дал Вам утешение и силу. Если я переживу эту ужасную войну, я навещу Вас.

К этому письму приложена маленькая тетрадь, которую я нашёл под его соломенным тюфяком. В ней он ежедневно записывал, что нам пришлось испытать. Его губную гармошку я не нашёл. Если он её носил с собой, она разлетелась на тысячу частей, и остались только напевы.

III

О моём отце отныне всё сказано: в одну ясную звёздную ночь незадолго до полуночи. Один единственный снаряд, затем тишина. Пусть будет звёзд на небе больше, чем людей на земле.

Мне не надо разыскивать могилу героя. Если снаряд попадает в человека, остаётся только глубокая дыра. Я разужнаю в Фольксбунде*, имеется ли на берегу Оскола солдатское кладбище и как совершается уход за военными захоронениями, когда посмертных останков не остаётся.

**Фольксбунд (нем. – Народный союз) – общественная организация, расположенная в Касселе, действует свыше 85 лет. В кругу её интересов военные захоронения, поиск пропавших без вести во время войн и проч. (прим. переводчика).*

Целый год я занимался им, следовал его путём и разгадывал его мысли. Он стал мне ближе вопреки продолжительному времени, которое нас разделяет. Это изменило и меня. Я испытываю сострадание не только к нему, но и ко многим другим, а также к миллионам русских солдат, которых гнали на пулемёты. Вчера я говорил с Вегенером* о моём отце. Он сказал, я чересчур принимаю сторону покойников.

– Ты сочувствуешь солдатам, – сказал он. – Ты берёшь их под защиту, – сказал он. – Ты плачешь на солдатских кладбищах, – сказал он.

– Что мне остаётся делать? – ответил я ему. – Ведь речь идёт о моём отце.

Сегодня я справляю свой шестьдесятпервый год рождения, шестьдесятпервый год гибели отца. Ему было бы сегодня восемьдесят четыре года. Так что же праздновать? С тех пор, как я знаю Россию, я люблю снег. После того, как я узнал, что случилось с моим отцом тридцать первого января, я больше не могу представить себе день рождения без снега. Вчера обильно шёл снег, мой сад выглядел заколдованным; отец порадовался бы этому. Сегодня это великолепие начинает таять...

– Всё проходит..., – пели они в то время.

Его бумаги устилают голубой ковёр и всё стареют. На стене висит портрет отца; Роберт Розен в защитном обмундировании рядом с Хайнцем Годавиндом и Вальтером Пушем в русском снегу. Они смеются, глядя на меня. Надо ли ему оставаться висеть так до конца дней? Я сниму географическую карту и отренесу её в подвал. Она может находиться там до тех пор, пока кто-то двинется на Москву и захочет спросить дорогу.

**Вегенер, Ханнес (Wegener, Hannes)* – известный немецкий киноактёр.

Израиль Ильич Фисанович. Данди 1944 г. Фото Р.Диамента

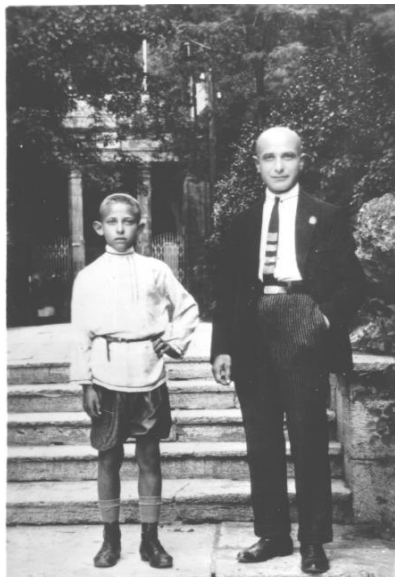
Елена Андреевна Бурьянова. Подярное. Январь 1944 г.

Солдат Илья Львович Фисанович. 1916 г.

Дедушка и бабушка И.И.Фисановича – Лейба и Мириам Фисановичи. Елисаветград. Приблизительно 1926 г.

Израиль и Илья Львович Фисановичи.
Харьков. 1926 г.

Натан Фисанович и Наум Израилевич Шехтер.
Харьков. 1928 г.

Выпуск группы инструментальщиков школы ФЗУ завода «Серп и молот». Изя Фисанович в первом ряду слева. Харьков. 1932 г.

Мария Израилевна Шехтер с сыновьями
Израилем и Натаном. Одесса 1934 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдано Военно-Морским Училищем
им. М. В. Фрунзе

курсанту С.С. Савицы
Иеремеевичу
сектора И.И. Бодина

дивизиона И.И. Бодина
в том, что он окончил Училище
по первому разряду С.С. Савицы
выполнив все требования, предъявляемые
программами по нижеследующим
предметам:

Артиллерия	<u>С.С. Савицы</u>	Организация и админ. РККА	<u>С.С. Савицы</u>
Торпедное оружие	<u>С.С. Савицы</u>	Политическая экономика	<u>С.С. Савицы</u>
Торпедная стрельба	<u>С.С. Савицы</u>	История ВПК(О)	<u>С.С. Савицы</u>
Минное оружие	<u>С.С. Савицы</u>	История граждан, войны	<u>С.С. Савицы</u>
Минно-торпедное оружие	<u>С.С. Савицы</u>	История России и СССР	<u>С.С. Савицы</u>
Военно-химическое дело	<u>С.С. Савицы</u>	Устройство, движение и живучесть корабля	<u>С.С. Савицы</u>
Служба И. С.	<u>С.С. Савицы</u>	Корабельная электротехника	<u>С.С. Савицы</u>
Навигация и лоция	<u>С.С. Савицы</u>	Техническое черчение	<u>С.С. Савицы</u>
Дивизия	<u>С.С. Савицы</u>	Военно-воздушная тактика	<u>С.С. Савицы</u>
Мореходная астрономия	<u>С.С. Савицы</u>	Высшая математика (диф. и инт. исч., анализ, геометр.)	<u>С.С. Савицы</u>
Метеор. и океанография	<u>С.С. Савицы</u>	Теоретическая механика	<u>С.С. Савицы</u>
Гидрометеорология	<u>С.С. Савицы</u>	Русский яз. и литература	<u>С.С. Савицы</u>
Электро-навигат. приборы	<u>С.С. Савицы</u>	<u>Литературный</u> язык	<u>С.С. Савицы</u>
Морская артиллерия	<u>С.С. Савицы</u>	География	<u>С.С. Савицы</u>
Военно-морская тактика	<u>С.С. Савицы</u>	Матер. часть оружия	<u>С.С. Савицы</u>
Управление п/лодкой	<u>С.С. Савицы</u>	Стрел. стрельб. подготовка	<u>С.С. Савицы</u>
Устройство п/лодки	<u>С.С. Савицы</u>	Физо	<u>С.С. Савицы</u>
Большое использование п/д.	<u>С.С. Савицы</u>		

Свидетельство об окончании училища им.Фрунзе. 1936 г.

Курсант ВМУ им.М.В.Фрунзе В.А.Бурьянов и лейтенант И.И.Фисанович. Ленинград.1937 г.

Командир М-174 Н.Е.Егоров и командир М-172 И.И.Фисанович.
Полярное. 1941 г.

Подводная лодка М-172. Июль 1941 г. Фонд ЦВММ

И.И.Фисанович на рубке М-172 во время сдачи боевых задач.
Кадр из кинохроники. Июль 1941 г.

И.И.Фисанович и вице-адмирал А.А.Николаев, член Военного
Совета Северного Флота. 1942 г. Фото Р.Диамента

Г.Ф.Каратаев, инженер-механик подводной лодки М-172. 1942 г. Фото Р.Диамента

А.В.Шумихин, гидроакустик подводной лодки М-172. 1943г.
Фонд ЦВММ

Экипаж М-172 на отдыхе. В центре командир М-172
И.И.Фисанович. Полярное. 1942 г. Фонд ЦВММ

М.Зингер, И.Шток, И.Фисанович в Полярном. 1942 г.
Фото Р.Диамента

З.С.Гусинский, флагврач подплава СФ, и И.И.Фисанович.
Полярное.1942 г. Фото Р.Диамента

Краснознамённый флаг п/л М-172. Март 1943 г.
Фонд ЦВВМ

Портрет И.И.Фисановича.
Художник А.М.Герасимов. Москва. 1942 г.
Фото прислано дирекцией Третьяковской галереи.

Бюст Героя Советского Союза И.И.Фисановича.
Скульптор М.Г.Манизер. Москва. 1942 г.

Бюст Героя Советского Союза И.И.Фисановича.
Скульптор Л.Е.Кербель. Полярное. 1943 г.

Вручение И.И.Фисановичу американского ордена
„Морской крест“. Полярное. 1943 г. Фото Р.Диамента

Подъём советского военно-морского флага на п/л „Санфиш“ - В-1 в Розайте, 1944 г . На мостике в центре командир В-1 И.И.Фисанович. Фото Р.Диамента

Подводная лодка В-1. Данди. Июль 1944 г. Фонд ЦВММ

Прощание с британскими моряками перед отбытием советских кораблей на родину. В центре полпред СССР в Англии Ф.Т.Гусев и И.И.Фисанович. Скапа-Флоу, Великобритания. Июль 1944 г. Фото Р.Диамента

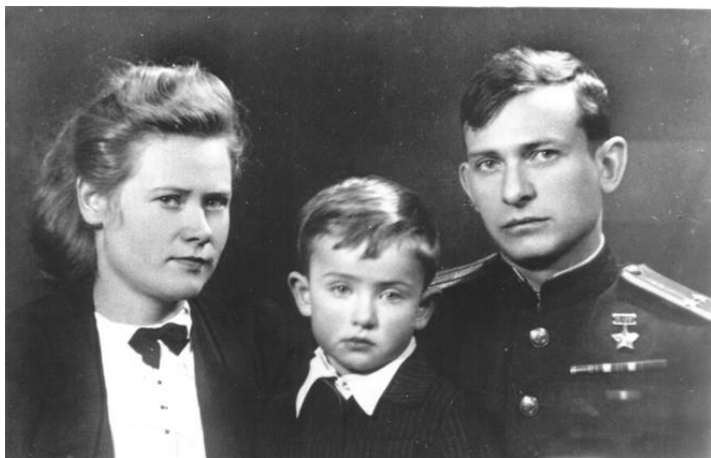
Командующий Северным флотом адмирал А.Г.Головко.
Сентябрь 1945 г. Фото Р.Диамента

У памятника экипажу советской подводной лодки В-1.
Данди. Шотландия. 2010 г.

Мария Израилевна Шехтер с внуком Тарасом. 1940 г.

И.И.Фисанович с сыном Тарасом и женой
Е.А.Бурьяновой. Полярное. Декабрь 1943 г.

Семья Самойловых. В третьем ряду слева стоит Ефросинья,
рядом стоит Мария. В центре сидят родители Антон и Агафья.
В первом ряду слева сидит Фаина и рядом с ней Людмила.
Бердянск. Примерно 1905 г.

Ефросинья Самойлова после девятимесячного заключения.
Бердянск. 1909 г.

Ефросинья Самойлова, медсестра Красного Креста.
Полтава. 1910 г.

Сёстры Самойловы: Фаина, Людмила, Ефросинья и Анна.
Бердянск. 1912 г.

Андрей и Ефросинья Бурьяновы в семье Бурьянов (с отцом,
матерью и сёстрами Андрея). Лебедин. 1912 г.

Бурьяновы Андрей и Ефросинья и Вязмитиновы Яков и Фаина.
Бердянск. 1912 г.

А.Ф.Бурьянов, депутат IV Государственной Думы.
Санкт-Петербург. 1913 г.

А.Ф Бурьянов (пятый справа) в группе депутатов IV Государственной Думы в парке Таврического дворца. Санкт-Петербург. 1913 г.

Андрей Фадеевич Бурьянов с дочерью Еленой и женой Ефросиньей Антоновной. Санкт-Петербург. 1914 г.

Ефросинья Антоновна Бурьянова с сыном Всеволодом
и дочерью Еленой. Харьков. 1927 г.

Израиль Фисанович и Елена Бурьянова.
Ленинград. 1938 г.

Портрет Елены Андреевны Бурьяновой.
Художник школы акад. А. М. Герасимова. Полярное. 1944 г.

Ефросинья Антоновна Бурьянова с внуком Тарасом.
Ленинград. 1949 г.

Ефросинья Антоновна Бурьянова с сыном Всеволодом и дочерью Еленой. Ленинград. 1960 г.

Елена Андреевна Бурьянова. Ленинград. 1963 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Не хочу умирать (повесть)	5
РАССКАЗЫ	131
Тётка	131
Голод	140
Ничего не было	144
Простая история	147
Менора	159
Разговоры с Вилли	189
Арифметика интеграции	203
Виртуальное интервью	212
Прощение	216
Мой Ангел	218
Сказка	229
Волшебная сила музыки	231
Ф.Лист. Вторая венгерская рапсодия	234
Морис Равель. Болеро	237
Михаил Клеофакс Огиньский. Полонез	240
Реванш	242
ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО	256
Вольфанг Борхерт. Хлеб	257
Арно Сурмински. Отчизна без отцов (отрывок)	259
ФОТОГРАФИИ	263

Тарас Фисанович

ИЗБРАННОЕ В ТРЁХ ТОМАХ

Том 1

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ, ЭССЕ

Фотографии на стр. 2 и 286 В.Сосновской.

Остальные фотографии из семейного альбома: некоторые из них подарены И.Фисановичу военфотокором Р.Диамантом. Часть этих фотограий была передана Е.А.Бурьяновой в фонд ЦВММ. Фотография на стр.275 прислана в Харьковский школьный музей им. И.И.Фисановича дирекцией Третьяковской галереи и после закрытия музея передана Т.И.Фисановичу.

ISBN 978-3-941590-47-2